

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение
высшего образования
«Национальный исследовательский Томский государственный университет»

На правах рукописи

Петренко

Петренко Александр Николаевич

ЛЕВ ИЛЬИЧ МЕЧНИКОВ И ЕГО НАУЧНОЕ НАСЛЕДИЕ

07.00.10 – История науки и техники

Диссертация
на соискание ученой степени
кандидата исторических наук

Научный руководитель
доктор исторических наук, профессор
Куперт Юрий Васильевич

Томск – 2016

Оглавление

Введение	3
1 Формирование социофилософских взглядов Л.И. Мечникова	27
1.1 Л.И. Мечников о Пьере Прудоне	29
1.2 Л.И. Мечников об общественно-экономическом развитии России	38
1.3 Л.И. Мечников о федерализме и местном самоуправлении в Швейцарии ...	49
1.4 Критический анализ мальтузианства в работах Л.И. Мечникова.....	57
1.5 Литературоведческие заметки Л.И. Мечникова	75
Выводы по первой главе	83
2 Историософская концепция Л.И. Мечникова	88
2.1 Роль географического фактора в концепции Л.И. Мечникова	93
2.2 Л.И. Мечников о социальном прогрессе	106
2.3 Концепция Л.И. Мечникова и исторический материализм.....	138
2.4 Концепция Л.И. Мечникова и теория гидравлического государства К.А. Виттфогеля.....	153
Выводы по второй главе.....	166
Заключение	172
Список использованных источников и литературы	179
Приложение А Биографический очерк жизни и деятельности Л.И. Мечникова .	197

Введение

Актуальность исследования. История науки является достаточно популярным, в настоящее время, направлением гуманитарных исследований. Актуальность подобного рода исследований связана с возросшим вниманием к проблемам феномена науки, научного открытия, накопления научного знания, формирования научной картины мира, смены научных парадигм, а также вниманием к самой личности ученого и ее значению в качестве субъекта научного познания. При этом следует отметить, что далеко не все аспекты истории науки изучены в равной степени хорошо. В частности, в нашей стране, одним из таких направлений, которое долгое время игнорировалось или просто искажалось, была отечественная немарксистская философия истории, которая активно развивалась во второй половине XIX в.

В последние годы предпринималось довольно много попыток восполнить этот пробел. Так, достаточно хорошо была изучена религиозная философия истории, которая на рубеже веков активно развивалась хорошо известными теперь православными мыслителями. Немногим меньше исследований было посвящено русским народникам. Но в том, что касается русских революционных демократов и либеральных мыслителей, многие из них до сих пор остаются полузабытыми, притом совершенно незаслуженно, учитывая, что проблема поиска путей дальнейшего социально-экономического развития в нашей стране по-прежнему поднимается с завидной регулярностью. Одним из таких мыслителей был географ и социолог Лев Ильич Мечников (1838-1888). Основываясь на передовых достижениях общественных и естественных наук своего времени, он предложил достаточно целостную и современную, даже по меркам XX-XXI вв., геосоциологическую теорию зарождения и развития цивилизации.

К сожалению, данная теория в силу ряда субъективных причин, в том числе преждевременной кончины автора, не получила должного развития и распространения в России и на Западе. Разумеется, было бы неверным

утверждать, что только Л.И. Мечников пытался развивать географическое направление в социологии. Напротив, до середины XIX в. концепция географического детерминизма была едва ли не самой популярной, да и в более позднее время она также получила развитие в виде геополитики. Однако подход Мечникова не имел с этой устаревшей концепцией почти ничего общего. Географический фактор он рассматривал неразрывно с развитием производства и усложнением структуры общества. Именно в этом заключалось новаторство его подхода.

Рассматривая в качестве основной части научного наследия Л.И. Мечникова его социофилософскую теорию, изложенную в книге «Цивилизация и великие исторические реки», необходимо отметить, что для исследователей сохраняют актуальность также его многочисленные публикации в отечественных и зарубежных журналах по социально-экономической тематике, которые идейно неразрывно связаны с его главным трудом. К таким работам относятся публикации с критикой мальтузианства, анализом значения промышленной революции, а также исследование перспектив модернизации в России в условиях ее экономической зависимости от экспорта сырья. Его работы настолько актуальны, что порою кажется, будто Мечников и вовсе рассматривает современную повестку дня. Отчасти это связано с тем, что социально-экономические проблемы современной России во многом схожи с теми, что были до революции. Кроме того актуальности трудам Мечникова придает тот факт, что наиболее развитые страны находятся на пороге новой экономической и информационной революции, которая по глубине и масштабам влияния на общество может приблизиться к промышленной.

Так, одной из главных тем на Всемирном экономическом форуме в Давосе в 2016 г. стало обсуждение перспектив «4-й промышленной революции». Конечно, этот термин является несколько спорным, а оценки масштабов преобразований весьма приблизительными, однако сама идея, безусловно, верная. Ускоренное развитие робототехники, средств анализа и обработки массивов данных, а также дальнейшая автоматизация процессов производства, позволит в ближайшие годы

совершить качественный скачок в ряде областей производства, но неизбежно приведет к высвобождению большого числа трудовых ресурсов. Уже сейчас даются оценки в сотни миллионов рабочих мест, которые в следующие четверть века будут сокращены в развитых странах. Конечно, это не может не вызывать опасений. Многие небезосновательно полагают, что это также приведет к дальнейшему росту неравенства в доходах, которое и в наше время представляет существенную проблему. Некоторые авторы даже склоняются к своеобразной неомальтузианской трактовке дальнейшего развития событий. Однако, несмотря на то, что указанные события связаны с новейшими достижениями науки и техники, в них нет ничего принципиально нового, о чем бы не задумывались прогрессивные ученые и философы еще в XIX в., когда анализу подвергалась еще «первая» промышленная революция. Сегодня мы просто обязаны воспользоваться их теоретическим наследием, в котором было немало попыток ответить на волнующие нас вопросы и, как представляется, одним из таких мыслителей, чьи идеи сохранили наибольшую актуальность, является Л.И. Мечников.

Степень изученности темы. При жизни о Л.И. Мечникове в России писали мало. Разумеется, он был довольно деятельным участником географического сообщества в Швейцарии. Во франкоговорящих кантонах его имя было хорошо известно, а его работы, особенно «L'Empire Japonais» (Японская империя), крупнейшее в своем роде исследование того времени, активно обсуждались в Европе. Одним из первых о жизни Л.И. Мечникова поведал его ученик Чарльз Кнапп, опубликовавший вскоре после смерти Л.И. Мечникова некролог¹ с объемным жизнеописанием. Элизе Реклю также подготовил крупный биографический очерк, который он опубликовал вместе с посмертным изданием «La civilisation et les grands fleuves historiques»² (Цивилизация и великие исторические реки). Первые попытки рассказать о Л.И. Мечникове и критически осмыслить его главный труд в России также были предприняты уже после его

¹ Knapp C. Nécrologie. Léon Metchnikoff // Bulletin de la Société Neuchâteloise de Géographie. Neuchâtel: Imprimerie de la Société typographique, 1889. № 4. P. 272-276.

² Reclus É. Préface // Léon Metchnikoff. La civilisation et les grands fleuves historiques, avec une préface de m. Élisée Reclus. Paris, 1889. P. 5-28.

кончины. Одним из первых на смерть друга отозвался Г.В. Плеханов. В «Российских ведомостях» он опубликовал некролог¹ с крупным его жизнеописанием, а после выхода книги подготовил также критический отзыв² на его монографию. Плеханов дал высокую оценку работе Мечникова. Он отметил правоту, оригинальность его суждений и концептуальную близость выводов Мечникова с историческим материализмом. Но также высказал определенную критику вследствие присутствия некоторых анархических суждений, идущих вразрез с логикой исследования, а также связи с определенной непоследовательностью изложения и незаконченностью работы. Впрочем, он справедливо отмечал, что судьба просто не дала шанса Мечникову довести работу до конца. Умеренно позитивный отзыв на работу Мечникова оставил В.С. Соловьев³. Он назвал схему трехчастного деления истории Мечникова удачной. Однако отмечал, что Мечников, хотя и верно охарактеризовал общее направление социального прогресса, описал лишь внешнюю сторону этого явления, не указав на «его реальные двигатели» и конечную цель. Он также отмечал, что теория Мечникова упускает из виду ряд важных факторов, в том числе влияние религии.

Удивительно, но и после октября 1917 г. отношение новых властей к Мечникову почти не улучшилось. Его анархические взгляды стали восприниматься, как неуместные, устаревшие и идеалистические. Если раньше его относили к стану революционеров, то в советской печати, напротив, Мечникова стали классифицировать как демократического социолога, что, в сущности, недалеко от истины. Характерной чертой всех исследований этого времени было то, что в той или иной степени каждое из них испытало известное влияние официальной марксистско-ленинской идеологии. Следовательно, единственно верной историософской теорией считался исторический материализм в его ортодоксальной версии, остальные подходы рассматривались в

¹ Плеханов Г. В. Л. И. Мечников. Некролог // Сочинения. М. : Мосполиграф, 1923. Т. 7. С. 329-331.

² Плеханов Г. В. О книге Л. И. Мечникова: «Цивилизация и великие исторические реки» // Сочинения. М. : Мосполиграф, 1923. Т. 7. С. 17-30.

³ Соловьев В. С. Из философии истории // Собрание сочинений. Второе издание. СПб. : Просвещение, 1914. Т. 6. С. 340-360.

лучшем случае, как устаревшие или этапные, в худшем – как реакционные. К счастью, взгляды Мечникова чаще оценивали, как в целом прогрессивные для домарксистской эпохи. Такой подход можно встретить, например, в статье В.М. Романенко «Борьба Л.И. Мечникова против мальтузианства, социал-дарвинизма и расизма»¹. Автор статьи крайне положительно отзывался о личностных качествах Мечникова, и высоко оценивал его вклад в борьбу с антигуманными социальными теориями. Самого же Мечникова он классифицировал, как «социалиста-утописта» и «революционного демократа», при этом критикуя Мечникова за невнимание к марксизму и «излишние» симпатии к Прудону, Бакунину и Кропоткину. Схожий подход к оценке социальной философии Мечникова использовал А.М. Восканян, автор работы «О роли географической среды в развитии общества». Л.И. Мечникова он хотя и называл «самым ярким представителем географического направления»², однако обрисовывал его взгляды читателю достаточно плоскими, представляя его, как сторонника географического детерминизма, склонного к необоснованной абсолютизации роли рек, что, разумеется, не является правдой. При этом Восканян не мог не сознавать, что представляет теорию Мечникова в искаженном свете, ведь он прямо ссылаясь на упомянутую выше статью Плеханова, в которой тот объяснял, каким образом концепция Мечникова согласуется с историческим материализмом, фактически дополняя его. Но, по-видимому, к 1956 г. свободы для трактовки исторического материализма стало заметно меньше, чем прежде, и вслед за Мечниковым критика автора обрушивается и на самого Плеханова, якобы преувеличивавшего роль географической среды в своих работах.

В целом с позицией автора по данным вопросам соглашается и автор рецензии на эту книгу Э. Тер-Акопян³, критикуя лишь отдельные тезисы о роли географической среды при социалистическом обществе. В то же время другой

¹ Романенко В. М. Борьба Л. И. Мечникова против мальтузианства, социал-дарвинизма и расизма // Вопросы философии. 1956. № 5. С. 100-105.

² Восканян А. М. О роли географической среды в развитии общества. Ереван : АН Армянской ССР, 1956. С. 18.

³ Тер-Акопян Э. А. Восканян «О роли географической среды в развитии общества» // Вестн. общественных наук АН Армянской ССР. 1957. № 1. С. 129-132.

критик данной работы Э.А. Араб-Оглы отметил¹ несправедливость подхода Восканяна. Он писал, что автор представил картину таким образом, будто в географическом направлении социологии от Монтескье до Мечникова за полтора века ничего не менялось, а разные мыслители просто переписывали взгляды друг друга. Он доказывал, что представленная Восканяном картина не соответствует действительности, и в доказательство приводил слова самого Мечникова, писавшего, что причину, определяющую специфику общественных отношений, следует искать не в самой географической среде, а в том, как эта среда влияет на способность населяющего ее народа к кооперации, т.е. фактически разделению труда. Таким образом Э.А. Араб-Оглы, доказал, что в концепции Мечникова среда является диалектическим фактором, оказывающим опосредованное влияние на общественные отношения.

Упоминание о Л.И. Мечникове также можно встретить в «Философской энциклопедии». Статья, посвященная Мечникову, повествует об основных событиях его жизни и общих положениях его социофилософской теории, практически никак ее не оценивая².

Близкого подхода с Э.А. Араб-Оглы передерживался М.Г. Фёдоров, автор работы «Русская прогрессивная мысль XIX в. от географического детерминизма к историческому материализму», в которой наметилась определенная положительная переоценка значения трудов русских демократических ученых и мыслителей домарксистского периода. Л.И. Мечникова, наряду с С.М. Соловьевым и В.О. Ключевским, автор отнес к сторонникам «буржуазной геосоциологии», которые «обнаруживают в своей идеалистической системе определенные зачатки исторического материализма»³. Вклад этих ученых автор оценивал, как, безусловно, положительный, а их взгляды называет прогрессивными. Мечников здесь представлен уже не в качестве ограниченного

¹ Араб-Оглы Э. А. А. М. Восканян. О роли географической среды в развитии общества // Вопросы философии. 1956. № 4. С. 200-205.

² Философская энциклопедия. Под ред. Константинова Ф. В. М. : Советская энциклопедия, 1964. С. 426.

³ Фёдоров М. Г. Русская прогрессивная мысль XIX в. от географического детерминизма к историческому материализму. Новосибирск : Наука, 1972. С. 9.

сторонника географического детерминизма, а как серьезный ученый, дающий «более или менее реалистическое объяснение объективной взаимозависимости географической среды и общества»¹. В исследовании также произошла переоценка значения Г.В. Плеханова, который, по мнению автора, долгое время находился в незаслуженной опале. Так, он цитировал книгу «Исторический материализм» (1950 г.): «Г.В. Плеханов допустил грубейшую теоретическую и политическую ошибку, когда пытался сблизить взгляды Мечникова со взглядами Маркса и Энгельса. Между историческим материализмом и географическим направлением в социологии нет ничего общего. Больше того: они враждебны друг другу. Географическое направление, как одно из разновидностей реакционных буржуазных социологических учений, в корне противоречит марксизму»². Фёдоров указал на вопиющую несправедливость подобных суждений, ответив на это: «Г.В. Плеханов стремится отделить от идеалистической шелухи материалистический элемент в геосоциологии, чтобы, с одной стороны, качественно отличить марксизм как единственно цельное материалистическое учение об обществе, а с другой, – указать на преемственную связь его с теориями прошлого»³. Таким образом, можно отметить, что работа М.Г. Фёдорова, хотя и испытала влияние официальной идеологии, все же отличается принципиально иной глубиной анализа и научной достоверности, чем многие более ранние работы в данной области.

Немногим позднее И.Г. Лиоренцевич также дал глубокий и развернутый анализ концепции Мечникова в работе «Социологическая мысль в России». Как и М.Г. Фёдоров, труд которого он также оценивал положительно, И.Г. Лиоренцевич занял конструктивную позицию по отношению к домарксистским прогрессивным философам, в частности, к Л.И. Мечникову. И.Г. Лиоренцевич отметил его вклад в борьбу с такими устаревшими, либо просто деструктивными течениями и теориями, как теология, позитивизм, идеализм, субъективизм, социал-дарвинизм,

¹ Фёдоров М. Г. Русская прогрессивная мысль XIX в. от географического детерминизма к историческому материализму ... С. 47.

² Там же. С. 41.

³ Там же. С. 47-48.

мальтузианство, расизм. Он подробно и точно осветил особенности социофилософской теории Мечникова, доказывая безосновательность обвинений Мечникова в приверженности как географическому детерминизму, так и анархическому уклону. Напротив, как и Плеханов, И.Г. Лиоренцевич считал, что работа Мечникова содержит значительные, хотя порою стихийные зачатки материалистического понимания истории: «Русский социолог впервые в немарксистской общественной мысли исследовал не только непосредственное воздействие географической обстановки на социальные отношения людей, но и прослеживал обратный ход – влияние общества на природу, изучал взаимодействие среды и общества, изменчивый характер последнего во времени. Механизм действия окружающей среды представлялся Мечникову как приспособление общества к среде, которое происходит посредством образования различных коопераций людей (принудительное объединение, подчиненное и свободное). Под географической же средой Мечников справедливо понимал не вообще окружающую природу, а лишь природу, вовлеченную в процесс труда и изменяемую под его воздействием»¹. Конечно, И.Г. Лиоренцевич также не избежал желания подвергнуть Мечникова критике с марксистской позиции, что, похоже, являлось неотъемлемой чертой любой работы того времени, допущенной к печати. Однако в его работе это не было огульной критикой, и внимательный читатель мог отделить идеологические вставки от подлинных взглядов автора.

Некоторый регресс в этом отношении наблюдается в заметно более позднем исследовании И.А. Гобозова «Смысл и направленность исторического процесса». Автор этой работы фактически прямо обвиняет Мечникова, как революционера, в некомпетентности: «Можно только сожалеть, что Мечников, принимавший участие в деятельности Интернационала, в революционной пропаганде, не нашел времени ознакомиться с трудами Маркса и Энгельса, в которых было дано научное объяснение сущности и генезиса социального неравенства,

¹ Лиоренцевич И. Г. Л. И. Мечников // Социологическая мысль в России. Очерки истории немарксистской социологии последней трети XIX – начала XX века. Л. : Наука, 1978. С. 93.

эксплуататорского характера классово-антагонистических обществ»¹. Он и далее противопоставлял взгляды Мечникова и Маркса, разумеется, не подвергая правоту последнего ни малейшему сомнению: «Ошибка Мечникова заключается не в утверждении о влиянии географической среды на развитие общества, а в том, что он это влияние абсолютизирует, и рассматривает его независимо от материального производства»². Это не совсем верно, достаточно вспомнить критику Э.А. Араб-Оглы в адрес работы А.М. Восканяна, высказанную по схожему поводу. И.А. Гобозов также считает, что Мечников сильно преувеличил значение открытия Америки, и в целом отвергает тезис об океанических цивилизациях, считая, что перемены, отмеченные Мечниковым, на самом деле связаны с разложением феодализма и развитием капиталистических отношений. Он также называет Мечникова европоцентристом, утверждая, что Мечников, якобы, рассматривает восточные народы, как инертную массу. Сравнивая взгляды Мечникова и Монтескье, он убеждает читателя в их тождественности³, что, конечно, далеко от истины. Следует отметить, что в 1999 г. И.А. Гобозов опубликовал новое исследование «Введение в философию истории», в котором раздел, посвященный Л.И. Мечникову, практически полностью был заимствован из его прошлой работы, однако выше отмеченные критические формулировки или полностью были изъяты, или в значительной степени смягчены⁴.

Немногим позднее было опубликовано фундаментальное исследование А.А. Галактионова и П.Ф. Никандрова «Русская философия IX – XIX вв.»⁵, которое позволило по новому взглянуть на историю русской философии. Что же касается концепции Л.И. Мечникова, то сложно заметить в данной работе что-то принципиально новое, не сказанное ранее М.Г. Фёдоровым или И.Г. Лиоренцевичем. Однако, связано ли это было со свободной ленинградской

¹ Гобозов И. А. Смысл и направленность исторического процесса. М. : Изд-во МГУ, 1987. С. 70.

² Там же. С. 72.

³ Там же. С. 73.

⁴ Гобозов И. А. Введение в философию истории. 2-е изд. М. : ТЕИС, 1999. С. 57-60.

⁵ Галактионов А. А., Никандров П. Ф. Русская философия IX – XIX вв. Л. : Изд-во Ленингр. ун-та, 1989. 744 с.

историко-философской школой, либо с ослаблением цензуры в более поздние годы, но авторы данной работы сумели избежать большинства клише, доминировавших в прошлые годы, и представили независимую оценку работ Л.И. Мечникова, которая во многом ретранслируется в более поздних работах.

Примерно в эти же годы увидела свет одна из первых, крупных биографий¹ Мечникова. Ее подготовила К.С. Карташева в рамках серии «Замечательные географы и путешественники». Мечников в этой книге преподносится в несколько героическом ключе, а сама биография написана скорее в художественном стиле. Однако это – важное исследование, которое опирается на ряд архивных документов, и открывает много ранее неизвестных фактов о жизни Л.И. Мечникова.

Первой крупной работой, посвященной непосредственно Л.И. Мечникову, в постсоветское время была кандидатская диссертация Д.Т. Толгамбаевой «Философско-историческая концепция Л.И. Мечникова»². Данная работа заметно отличается в подходах по сравнению с публикациями советского периода. С одной стороны Д.Т. Толгамбаева как бы соглашается с наиболее бескомпромиссными советскими критиками Мечникова, когда пишет, что Плеханов «завышает степень материалистичности Мечникова»³, но с другой стороны в 1993 г. автор уже преподносит это, как несомненное достоинство концепции Мечникова в сравнении с «дискредитированным» учением исторического материализма. Поэтому неудивительно, что в адрес упомянутой работы М.Г. Федорова⁴, который разделял точку зрения Плеханова, Д.Т. Толгамбаевой также высказывается определенная критика.

В целом, в работе Д.Т. Толгамбаевой отчетливо прослеживается стремление получить ответы на актуальные вопросы, волновавшие многих исследователей во время переломного момента нашей истории начала 1990-х гг. К подобной специфике можно отнести, например, особое внимание к проблеме развития

¹ Карташева К. С. Дороги Льва Мечникова. М. : Мысль, 1981. 56 с.

² Толгамбаева Д. Т. Философско-историческая концепция Л. И. Мечникова : автореф. дис. ... канд. филос. наук. М., 1993. 25 с.

³ Там же. С. 4.

⁴ Там же. С. 6.

капитализма в России, попытку решения которой автор стремится найти в творческом наследии Л.И. Мечникова. Кроме того Д.Т. Толгамбаева сравнивает теорию прогресса Л.И. Мечникова и теорию прогресса популярного в те годы философа В.С. Соловьева указывая на диаметрально противоположность подходов мыслителей: «Если социально-исторические взгляды Соловьева проникнуты мыслью о конце существующего мира, то для философии истории Мечникова присуща глубокая приверженность к идее прогрессивности хода истории, и достижению счастья и свободы для всего рода человеческого».

Другой параграф своей работы Д.Т. Толгамбаева посвятила любопытной проблеме дихотомии Восток – Запад в трудах Л.И. Мечникова. Она высоко оценивает вклад Мечникова в изучение Востока, и отмечает, что в его работах, в отличие от распространенного в те годы на Западе представления о восточной косности и отжившей, практически мертвой цивилизации Востока, Мечников рассматривал Восток, как мир развивающийся по иному пути, нежели Запад, и при том весьма пестрый в своих культурных и религиозных различиях. Как верно замечает Д.Т. Толгамбаева, новацией Мечникова был отказ от противопоставления Востока и Запада по религиозному принципу, как миров христианского и не христианского. К сказанному автором о проблеме Востока в трудах Мечникова можно лишь добавить то, что он не только не считал восточную культуру мертвой и отжившей, но, вопреки всеобщему предубеждению, видел в ней и, прежде всего в Японии, немалый потенциал для дальнейшего развития.

Японская тематика развивается также в работе Г.Д. Ивановой «Русские в Японии XIX – начала XX в.»¹, в которой повествуется, в частности, о вкладе Л.И. Мечникова в изучение этой страны. Годом позднее вышла крупная публикация В.Н. Константинова «Российский социолог Лев Мечников»². В работе предпринята попытка описать жизненный путь Мечникова, проанализировать его

¹ Иванова Г. Д. Русские в Японии XIX – начала XX в. М. : Наука, 1993. 170 с.

² Константинов В. Н. Российский социолог Лев Мечников. Владимир, 1994. 88 с.

социофилософскую теорию, а также рассмотреть публицистический аспект его деятельности.

Важное событие, связанное с изучением и популяризацией научного наследия Л.И. Мечникова, произошло в 1995 г. Наконец, Владимиром Ивановичем Евдокимовым была переиздана книга «Цивилизация и великие исторические реки»¹ в переводе 1924 г., которая к тому моменту, в силу малого тиража ранних изданий, практически вышла из обращения. Книга было дополнена двумя работами Мечникова «Душевная гигиена» и «Школа борьбы в социологии», и биографическим очерком, подготовленным самим В.И. Евдокимовым. Очерк этот, хотя и относительно небольшой, всего 24 с., тем не менее является целостной биографией, написанной в научном стиле, и, что особенно важно, свободной от ряда ошибок и заблуждений, кочевавших из биографии в биографию в прошлые годы. В настоящее время В.И. Евдокимов – едва ли не самый активный исследователь Л.И. Мечникова. Он пишет различные статьи о Мечникове, выступает с публичными лекциями, в 2013 г. опубликовал еще одно издание с расширенной биографией². Весьма вероятно, что именно благодаря его трудам, мы обязаны сегодня заметно возросшим интересом исследователей к жизни и творчеству Л.И. Мечникова, ведь в последние годы статьи и работы, в которых так или иначе упоминается Мечников, выходят с завидным постоянством.

Последней на данный момент крупной публикацией, посвященной Мечникову, является кандидатская диссертация Е.Н. Гориной «Вклад Л.И. Мечникова в становление русской социологии»³, которая была опубликована в 2010 г. Первая часть данной работы представляет биографический очерк жизни Мечникова, который, хотя и не содержит новых фактических сведений о Мечникове, все же представляет немалую ценность с точки зрения авторской

¹ Евдокимов В. И. Предисловие // Мечников Л. И. Цивилизация и великие исторические реки. М. : Пангея, 1995. 464 с.

² Евдокимов В. И. Феномен Льва Мечникова // Мечников Л. И. Цивилизация и великие исторические реки. М. : Айрис пресс, 2013. 320 с.

³ Горина Е. Н. Вклад Л. И. Мечникова в становление русской социологии : дис. ... канд. соц. наук. Саратов, 2010. 143 с.

интерпретации. Гораздо более любопытными представляются вторая и третья главы данной работы, в которых Е.Н. Горина без идеологических штампов рассматривает концепцию географического детерминизма Мечникова и его учение о солидарности. Конечно, в данной работе исследуется лишь небольшая часть проблем, связанных с наследием Мечникова, однако с уверенностью можно сказать, что с нее начинается новый этап в изучении творчества Мечникова, свободный как от влияния советской идеологии, так и от «посттравматического» негативного восприятия социалистических идей, характерного для первого постсоветского десятилетия в отечественной истории.

Упоминания о Л.И. Мечникове можно встретить в ряде современных монографий, учебных пособий и справочной литературы (труды И.А. Голосенко¹, П.В. Алексеева², Г.Я. Миненкова³, Ю.И. Семёнова⁴, В.Т. Богучарского⁵, В.А. Бурлакова⁶, Б.В. Емельянова⁷). Некоторые из работ, увы, отличаются краткостью в описании, граничащим со схематизмом, вследствие чего взгляды Мечникова нередко искажаются. Иные работы повторяют уже сказанное советскими исследователями, в том числе М.Г. Федоровым. Однако, если советские исследователи либо акцентировали внимание на «зачатках материалистического понимания истории» в работе Мечникова, либо, наоборот, критиковали его теорию с позиций ортодоксального марксизма, то теперь концепция Мечникова чаще рассматривается безотносительно к теории исторического материализма, либо в русле развития географического детерминизма вообще, либо русской социологии в частности. Кроме того, если советские исследователи говорили о прогрессивном вкладе Мечникова в борьбу с «антисоциальной» теорией

¹ Голосенко И. А. Социологическая литература России второй половины XIX – начала XX века. М. : Онега, 1995. 224 с.

² Алексеев П. В. Философы России XIX – XX столетий. Биографии, идеи, труды. М: Академический Проект, 1999. 944 с.

³ Миненков Г. Я. Введение в историю российской социологии. Минск: Экономпресс, 2000. 343 с.

⁴ Семёнов Ю. И. Философия истории. (Общая теория, основные проблемы, идеи и концепции от древности до наших дней). М. : Современные тетради, 2003. 776 с.

⁵ Богучарский В. Т. История географии: учеб. пособие. М. : ИКЦ Март, 2004. С. 257-259.

⁶ Бурлаков В. А. Геополитика. Хрестоматия. Владивосток : ВГУЭС, 2008. 300 с.

⁷ Емельянов Б. В. Три века русской философии, XIX век. Екатеринбург : Изд-во Урал, ун-та, 2011. 874 с.

геополитики, то в настоящее время Мечникова стали рассматривать, как одного из основоположников этой науки, правда в ее «русском» варианте.

Так, автор одной из современных работ по геополитике написал весьма любопытные строки: «В 1884 г. была опубликована программная социологическая статья Мечникова «Школа борьбы в социологии», в которой он с позиций социал-дарвинизма выделил три этапа эволюции...»¹. Как это представление совместить со статьей В.М. Романенко «Борьба Л.И. Мечникова против мальтузианства, социал-дарвинизма и расизма», не вполне ясно. Мечников был все же противником социал-дарвинизма, он был уверен, что экстраполировать законы дикой природы на общество некорректно как с научной, так и с этической точки зрения. В то же время Мечников не раз писал в своих работах, что считает Г. Спенсера, одного из основоположников социал-дарвинизма, выдающимся социологом. В этом нет ничего удивительного, ведь даже в ошибочной социальной или исторической теории можно найти ценные идеи или аргументы.

Немало пищи для размышлений доставляет еще одно современное исследование по геополитике: «Автором одной из первых концепций цивилизации был Лев Ильич Мечников (1838-1888), последователь К.М. Бэра; и наиболее значительный представитель русской школы географического детерминизма»². Сложно сказать однозначно, в какой степени социолог Л.И. Мечников являлся последователем эмбриолога К.М. Бэра, но, очевидно, что заметно лучше такая характеристика подошла бы его брату эмбриологу И.И. Мечникову. Конечно, справедливости ради, следует отметить, что К.М. Бэр также интересовался вопросами взаимодействия природной среды и общества, и даже опубликовал работу на эту тему, однако, увы, не открыл в ней ничего особо нового, отличного от огромного множества работ того времени, связанных с этой тематикой. Л.И. Мечников действительно несколько раз ссылался в своих работах на К.М. Бэра, но скорее по частным вопросам современной науки, в особенности

¹ Исаев Б. А. Геополитика: Учебное пособие. СПб. : Питер, 2006. С. 76.

² Якунин В. И., Зеленов Е. И., Зеленева И. В. Российская школа геополитики. СПб. : Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2008. С. 218.

той же эмбриологии. Кроме того предположить, что в конце XIX в. Мечников был одним из первых авторов «концепции цивилизации», как это написано в цитируемом исследовании, значило бы несколько обесценить достижения мыслителей прошлых лет, если, конечно, в данное выражение не вкладывать смысл «теории локальных цивилизаций», что явно не одно и то же. Авторы данной работы также «записывают» Мечникова в социал-дарвинисты, приводя в «доказательство» цитату самого Мечникова: «Действительно, Мечников был приверженцем идей социал-дарвинизма, ставших одной из идейных основ геополитики. Высоко оценивая вклад Ч. Дарвина в развитие социальных наук, Мечников писал: «Со времен Чарльза Дарвина большинство ученых считают, что специфическим законом биологии должен быть признан закон борьбы за существование, или, говоря другими словами, закон жизненной конкуренции, направляемой и поддерживаемой отбором»¹. Только ведь сам Мечников писал, что попытки применения этого закона к обществу ведут к ошибочным выводам: «Цивилизация, как мы уже видели, характеризуется прогрессивным ходом человеческих обществ, жизнь и деятельность которых неизмеримо сложнее жизни и деятельности животных и растений»². В общем-то авторы и сами это отмечают, но почему же тогда они относят Мечникова к социал-дарвинистам, непонятно. Да и в целом, то, что авторы двух вышеозначенных работ, относят к вкладу Мечникова в развитие геополитики, в сущности, является скорее социальной философией.

Немало в последние годы вышло также различных статей, как в рецензируемых, так и не рецензируемых журналах. Одна из первых таких публикаций³ в постперестроечное время появилась в общественно-политическом журнале социал-демократической направленности «Альтернативы». Ее автор, Г.Д. Гловели в условиях духовного и идеологического кризиса начала 1990-х гг. ставил целью актуализировать наследие Л.И. Мечникова, как одного из самых

¹ Якунин В. И., Зеленев Е. И., Зеленева И. В. Российская школа геополитики ... С. 219-220.

² Мечников Л. И. Цивилизация и великие исторические реки ... С. 242.

³ Гловели Г. Д. Лев Мечников // Альтернативы. 1995. № 1.

замечательных русских революционных демократов прошлого, и тем самым сделать шаг к разрешению головоломного в России вопроса примирения с нашим историческим прошлым. Совершенно очевидно, что разрешить эту задачу, равно, как и достичь консенсуса в обществе, и обрести стимулы для дальнейшего развития, невозможно без культурного диалога с мыслителями прошлого.

Биографическую статью «Блеск и нищета российского гарибальдийца», посвященную 170-летию со дня рождения Мечникова, опубликовала в «Русском журнале» М.С. Сосницкая. Другую любопытную статью «Две судьбы, разделённые двумя веками»¹, в которой проводится параллель между жизнью Л.И. Мечникова и его далекого предка, Н.Г. Спафария, написал С.Т. Аксентьев. Также можно отметить публикацию уже упомянутого В.И. Евдокимова «Отец русской геополитики»², и ряд публикаций других авторов, в том числе Д.М. Зайцева³, Е.Н. Гориной⁴, А.С. Гулина⁵, М.И. Воробьевой-Десятовской⁶, О.В. Прокуденковой⁷, А.А. Мустафина⁸, М.В. Калиниковой⁹ и др.¹⁰.

Фигура Мечникова не осталась без внимания и со стороны зарубежных исследователей. В 1995 г. швейцарский историк Петер Юд, написавший ранее ряд работ, посвященных известным географам эмигрантам в Швейцарию, в том числе Элизе Реклю, опубликовал работу «Leon Metchnikoff. Ein russischer Geograph in

¹ Аксентьев С. Т. Две судьбы, разделенные двумя веками // Наука и жизнь. 2008. № 1. С. 70-76.

² Евдокимов В. И. Отец русской геополитики // Независимая Газета. 2013. № 8. С. 12.

³ Зайцев Д. М. Японский историк Ватанабэ Масаси о русском путешественнике и ученом Л. И. Мечникове // Изв. Восточного института. 2003. № 7. С. 79-90.

⁴ Горина Е. Н. Проблемы географического детерминизма в трудах И. И. Мечникова // Изв. Саратов. ун-та. Сер. Социология. Политология. 2010. Т. 10. № 2. С. 37-38.

⁵ Гулин А. С. Л. И. Мечников исследователь Японии // Гуманитарный вектор. Сер. Педагогика, психология. 2011. № 2. С. 15-22.

⁶ Воробьева-Десятовская М. И. Л. И. Мечников и русская цивилизация XIX в. // Вестн. Рус. христианской гуманитарной академии. 2011. Т. 12. № 1. С. 23-28.

⁷ Прокуденкова О. В. Роль географического фактора в культурологической концепции Л. И. Мечникова // Вестн. Рус. христианской гуманитарной академии. 2011. № 1. Т. 12. С. 114-120.

⁸ Мустафин А. А. Геосоциологическая концепция Л. И. Мечникова // Вестн. Кем. гос. ун-та культуры и искусств. 2012. № 20. С. 27-31.

⁹ Калиникова М. В. Вопросы взаимодействия общества и природы в трудах Л. И. Мечникова // Изв. Саратов. ун-та. Сер. Социология. Политология. 2013. Т. 13. № 3. С. 12-14.

¹⁰ В двух из перечисленных работ в названии имеется путаница с инициалами Л. И. Мечникова, вероятно, это ошибки корректуры, поскольку из текста публикаций не возникает ни малейших сомнений, о каком из Мечниковых идет речь.

der Schweiz»¹ (Лев Мечников. Русский географ в Швейцарии), на этот раз повествующую о Л.И. Мечникове. Данная работа написана на немецком языке, с отдельными цитатами на французском. Ее автор также пошел по пути совмещения биографического исследования с анализом научных и публицистических работ Мечникова. Однако, благодаря владению французским языком и возможностью доступа к швейцарским архивам и библиотекам, Юд смог лучше осветить именно швейцарский период деятельности Мечникова, а также проанализировать его работы на французском языке. В 2011 г. в честь 125-летия Невшательского географического общества Патрик Рерат и Этьен Пиге выпустили книгу на французском языке «La «pensée du monde». Une société de géographie à la Belle Époque», в которой рассказали об первых годах деятельности этого географического общества, и его основателях Элизе Реклю и Льве Мечникове².

Исследование другого франкоязычного ученого, Филиппа Пеллетье «Géographie et anarchie: Reclus, Kropotkine, Metchnikoff»³ (География и анархия: Реклю, Кропоткин, Мечников) вновь рассказывает о Мечникове в контексте его взаимоотношений с Э. Реклю и П.А. Кропоткиным. В этой работе акцент, прежде всего делается на роли анархического учения в жизни Мечникова и его товарищей. Еще одна публикация, также на французском языке принадлежит швейцарцу Федерико Феретти, который в том же 2013 году опубликовал статью «De l'empathie en géographie et d'un réseau de géographes: la Chine vue par Léon Metchnikoff, Élisée Reclus et François Turrettini»⁴ (Эмпатия в географии и ее роль в системе взглядов географов: на примере исследователей Китая Льва Мечникова,

¹ Jud. P. Leon Metchnikoff. Ein russischer Geograph in der Schweiz. Oriole-Verlag Zürich, 1995. 100 p.

² Rérat P., Piguet É. La «pensée du monde». Une société de géographie à la Belle Époque. Neuchâtel: Alphil-Presses universitaires suisses, 2011. P. 33.

³ Pelletier Ph. Géographie et anarchie: Reclus, Kropotkine, Metchnikoff. Paris: Éditions du Monde libertaire, 2013. 632 p.

⁴ Ferretti F. De l'empathie en géographie et d'un réseau de géographes: la Chine vue par Léon Metchnikoff, Élisée Reclus et François Turrettini // Cybergeog: Revue européenne de géographie, Décembre 2013.

Элизе Реклю, Френсиса Туретинни), где Мечников рассматривается как географ и путешественник, исследователь Японии и Китая.

Таким образом, в последние годы в России и за рубежом появилось большое количество публикаций, посвященных Л.И. Мечникову. Это свидетельствует не только о росте интереса исследователей к личности Мечникова, но и к проблемам философии истории вообще.

Цель работы состоит в раскрытии научного, публицистического наследия Л.И. Мечникова, основных положений его социофилософской теории.

Для достижения поставленной цели были поставлены следующие **задачи**:

1. Проследить генезис научных и общественно-политических взглядов Л.И. Мечникова.
2. Выявить основные сюжеты его публицистических работ, описать наиболее актуальные и значимые из них.
3. Охарактеризовать социофилософскую теорию Л.И. Мечникова, определить ее место среди близких ей подходов, и установить ее научное значение.

Объектом исследования является развитие гуманитарной мысли в России в XIX в.

Предмет исследования – роль Л.И. Мечникова в развитии отечественной науки, его научные идеи в области гуманитарных наук.

Методологическая основа диссертации включает ряд общенаучных, специально-исторических и конкретно-проблемных исследовательских методов, необходимых для объективного и всестороннего раскрытия темы работы. Среди применяемых общенаучных теоретических методов можно отметить такие, как методы анализа и синтеза. В работе нашел отражение историко-генетический метод, заключающийся в исследовании социофилософской теории Л.И. Мечникова в процессе ее формирования и трансформации. Так, была исследована взаимосвязь отдельных идей и положений научной теории Л.И. Мечникова с тематикой его публицистических работ, и основными событиями жизненного пути ученого.

Из используемых конкретно-исторических методов следует отметить, прежде всего, практически неотъемлемый от подобного рода исследований историко-биографический подход. Он позволяет изучить индивидуальный характер Л. И. Мечникова как ученого, лучше понять смысл его поступков и идей. Применение этого метода позволяет лучше понять специфику социофилософской теории Л.И. Мечникова не только через исследование написанных им научных и публицистических работ, но и в результате изучения его личности во всей полноте его жизненного опыта.

Методология истории также предполагает применение ряда подходов для осмысления и познания исторического процесса, определенных методологических принципов. Во-первых, это принцип объективности, позволяющий рассматривать исторические явления, как объективные события и факты, приближающие исследователя к исторической реальности, позволяющей раскрыть истину, являющуюся основным предметом научного поиска. Принцип объективности позволяет избежать умозрительного подхода к истории, исходить не из доктринальных соображений, а из реального, непротиворечивого сопоставления исторических фактов. Данный принцип проявляется в работе в том, что исследование проводилось с опорой на репрезентативный круг источников, в том числе на опубликованные и не опубликованные документы личного происхождения, публикации Л.И. Мечникова и другие источники, с применением критического подхода к анализу и учету характера их субъективности.

Во-вторых, это принцип историзма, позволяющий рассматривать исторические явления в развитии и изменении, поскольку сам исторический процесс есть развитие общества во времени. Данный принцип проявился в том, что исследуемая в работе социофилософская теория Л.И. Мечникова рассматривается в общем контексте развития социальной философии в XIX в., со схожими по проблематике с ней натуралистическим, идеалистическим и материалистическим подходами.

Наконец, это системный подход, позволяющий отразить в ходе изучения исторических явлений их взаимосвязь, взаимозависимость, взаимообусловленность, в том числе рассматриваемых социофилософских подходов.

Источниковая база исследования. Основную группу источников для исследования научного и публицистического наследия Л.И. Мечникова сформировали его статьи и заметки, опубликованные в таких отечественных подцензурных и эмигрантских изданиях, как «Русский вестник», «Современник», «Русское слово», «Колокол», «Отечественные записки», «Дело», «Русские ведомости», «Русское богатство» и других. Отличительной особенностью этой группы источников можно назвать то, что большая часть из них была опубликована под различными псевдонимами, что несколько затрудняет их поиск в условиях отсутствия полной доступной библиографии Л.И. Мечникова. Еще одной особенностью публикаций Л.И. Мечникова является преобладание политических и популярно-исторических работ на раннем этапе его деятельности, полемических и литературоведческих на зрелом этапе, и научных в последние 15 лет его жизни. Из огромного множества публикаций Л.И. Мечникова непосредственному анализу были подвергнуты те его статьи, которые позволили лучше раскрыть основную тему работы, а именно его социофилософскую теорию. Кроме того, важнейшим источником для изучения социофилософской теории является его работа «Цивилизация и великие исторические реки»¹, являющееся своего рода трудом жизни ученого.

Вторую группу источников составляют труды различных мыслителей и ученых, так или иначе привлекаемых в исследовании для определения места и значения концепции Л.И. Мечникова в общем контексте развития философии истории и социальной философии. К ним относятся работы сторонников географического подхода, в т.ч. Монтескье, И. Гердера, Г. Бокля, сторонников материалистического понимания истории К. Маркса, Г.В. Плеханова, К.А. Виттфогеля и др. мыслителей.

¹ Мечников Л. И. Цивилизация и великие исторические реки. М. : Пангея, 1995. 464с.

Немаловажную роль сыграли также источники, позволяющие лучше представить жизненный путь ученого и понять истоки его мировоззрения. К источникам такого рода относятся мемуары и воспоминания, в т.ч. самого Л.И. Мечникова¹, его родных и близких, в том числе И.И. Мечникова², О.Р. Скарятиной³, Н.В. Масловича⁴, Элизе Реклю⁵, О.Н. Мечниковой⁶. К этой же группе источников относятся письма, как опубликованные в виде сборников (в основном связанные с Н.Г. Чернышевским⁷, А.Н. Некрасовым⁸, М.А. Бакуниным⁹, Н.П. Огаревым и А.И. Герценом¹⁰), а также хранящиеся в фондах Государственного архива Российской Федерации (ГАРФ) и Российского государственного архива литературы и искусства (РГАЛИ). Весьма полезными оказались материалы швейцарских газет «Feuille d'Avis de Neuchâtel»¹¹ и «L'Impartial», а также некрологов, опубликованных его друзьями, в том числе Ч. Кнаппом¹² и Г.В. Плехановым¹³, в той степени, в которой они позволили уточнить некоторые вопросы, связанные с последним периодом научной деятельности Л.И. Мечникова.

¹ Мечников Л. И. Встречное и поперечное // ГАРФ. Ф. 6753. Оп. 1 Д. 22 Л. 2; Виктор Н. Бакунин в Италии в 1864 году (Из воспоминаний Л. И. Мечникова) // Исторический вестник. 1897. № 67. С. 807-834; Мечников Л. И. Записки Гарибальдийца // Русский вестник. 1861. № 35. С. 134-189; Там же. № 36. С. 84-124; Мечников Л. И. Воспоминания о двухлетней службе в Японии // Изв. Восточного института. 2001. № 6. С. 170-211.

² Мечников И. И. Страницы воспоминаний. М., 1946. 290 с.

³ ГАРФ. Ф. 6753. Оп. 1. Д. 88.

⁴ Маслович Н. В. К биографии Л. И. Мечникова // Исторический вестник. 1897. № 68. С. 999-1000.

⁵ Reclus É. Préface ... Р. I-XXVIII.

⁶ Мечникова О. Н. Жизнь Ильи Ильича Мечникова. М. ; Л. : Государственное изд-во, 1926. 232 с.

⁷ Процесс Н. Г. Чернышевского. Архивные документы. Под ред. Алексеева Н. А. Саратов, 1939.

⁸ Литературное наследство. Н. А. Некрасов II. М., 1949. Т. 52.

⁹ Письма М. А. Бакунина к А. И. Герцену и Н. П. Огареву. Женева: Украинская типография, 1896.

¹⁰ Литературное наследство. А. И. Герцен II. М., 1941. Т. 41; Литературное наследство. Герцен и Огарев III. М., 1956. Т. 63; Герцен А. И. Собрание сочинений: в 30 т. М. : Изд-во АН СССР, 1961. Т. 27, кн. 1.

¹¹ В настоящее время газета называется «L'Express».

¹² Кнапп С. Nécrologie ... Р. 272-276.

¹³ Плеханов Г. В. Л. И. Мечников. Некролог ... С. 329-331.

Научная новизна исследования состоит в том, что впервые в современном диссертационном исследовании подвергнуты развернутому анализу многие научно-публицистические работы Мечникова по социально-политической и экономической тематике, что позволило значительно лучше раскрыть специфику его социофилософской теории. В исследовании опровергается ряд заблуждений, встречающихся во многих советских и современных научных работах относительно теории Мечникова, в том числе господствовавшее в прошлом представление об идеалистическом уклоне Мечникова, ошибочная классификация Мечникова как сторонника географического детерминизма, эволюционизма, либо даже социал-дарвинизма. Кроме того, подвергнуто критике встречающееся представление о Мечникове, как о народнике и стороннике субъективного подхода, не соответствующее действительности. Вопреки наиболее распространенному в исследованиях советского и российского времени мнению, автор работы, соглашаясь с Г.В. Плехановым, исходил и того, что учение Мечникова, из известных социофилософских теорий, концептуально является наиболее близким к историческому материализму. Более того, делается вывод о том, что теория Мечникова способна органично дополнить теорию исторического материализма, особенно в тех вопросах, которые касаются проблемы зарождения первых цивилизаций, и влияния на общество географической среды. Кроме того, впервые проводится анализ социофилософской теории Л.И. Мечникова и более поздней теории «Гидравлического государства» К.А. Виттфогеля, на основании чего делается вывод о концептуальной преемственности последней по отношению к теории Мечникова.

Основное внимание в работе уделяется анализу социофилософской теории Мечникова, в особенности проблеме географического фактора и теории прогресса в его работе. Выдвигается гипотеза о том, что описанная Мечниковым концепция зарождения цивилизации представляет в действительности оригинальную теорию общественного договора, выгодно отличающуюся от более ранних концепций возникновения государства как по своей внутренней логике, так и по степени научной аргументированности.

Положения, выносимые на защиту:

1. Социофилософская теория Л.И. Мечникова, вопреки распространенному мнению, не относится к традиции географического детерминизма, поскольку он рассматривал влияние среды на общество опосредованно, через призму материального производства.
2. Теория Л.И. Мечникова представляет своего рода противоположность эволюционистскому подходу. Суждения ряда современных авторов о преобладании данного подхода в его работах является ошибочным.
3. Теорию Л.И. Мечникова следует классифицировать как одну из попыток материалистического понимания истории, т.к. он не ставил под сомнение первичность материи по отношению к идее. Устоявшееся в советской литературе представление об идеалистическом характере его учения является тенденциозным и бездоказательным.
4. В социофилософской теории Л.И. Мечникова можно выделить несколько ключевых компонентов: теорию общественного договора, геосоциологическую концепцию зарождения цивилизации и теорию социально прогресса.
5. Теория общественного договора Л.И. Мечникова заключается в предположении, что создание государства не было ответом на потенциальную опасность, исходившую от других людей, как предполагалось ранее, но являлось необходимым условием для выживания в тех географических условиях, где без глубокого разделения труда и создания сложных иерархических структур существование более или менее крупного людского сообщества иначе было бы невозможным.
6. На основании сравнительного анализа концепции Л.И. Мечникова и более поздней теории «Гидравлического государства» К.А. Виттфогеля, делается вывод об их разительном концептуальном сходстве.

Теоретическая значимость диссертации заключается в том, что в ней был проанализирован и уточнен ряд определений и классификационных схем, применяющихся в отечественной науке по отношению к социофилософской теории Л.И. Мечникова и близким к ней подходам. **Практическая значимость**

диссертации обусловлена возможностью использования полученных результатов исследования и представленного в нем конкретно-исторического материала при разработке учебных курсов, проведении исследований по проблемам развития общественно-политической, гуманитарной мысли в России во второй половине XIX в., развития натуралистического и материалистического направлений в социологии.

Степень достоверности результатов диссертационной работы и основных ее выводов подтверждается опорой на репрезентативный круг источников, применением адекватных цели и задачам работы общенаучных и специально-исторических методов исследования, изучением значительного количества исследований по данной теме и смежным проблемам. **Результаты исследования были апробированы** на предметных научных конференциях молодых ученых ТГУ в 2013–2015 годах, и опубликованы в виде ряда статей в журналах, входящих в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук.

Структура диссертации определена поставленной целью и задачами исследования. Она состоит из введения, двух глав, заключения, списка использованных источников и литературы, а также приложения.

1 Формирование социофилософских взглядов Л.И. Мечникова

Большую часть своей жизни Мечников зарабатывал средства к существованию трудом публициста. В разные годы он публиковал работы в таких газетах и журналах как «Русский вестник», «Flegello»¹, «Современник»², «Русское слово», «Колокол»³, «Современность», «Отечественные записки», «Дело», «Русские ведомости», «Русское богатство» и других изданиях. Хотя работал он чрезвычайно плодотворно, и порою публиковал по несколько статей в месяц, это занятие не приносило ему больших средств и творческого удовлетворения. Впоследствии он писал о себе: «20 с лишком лет я существовал почти исключительно работая в русских журналах, работая подневольно из-за куска хлеба, [...] что еще хуже – работая под цензурою, при которой [...] писать приходилось решительно об о всем, кроме того, о чем чувствовал потребность писать в данную минуту»⁴.

Трудно представить, какая сила воли требовалась от авторов и издателей того времени, которые, несмотря на жесточайшую цензуру, правдами и неправдами стремились донести до читателей прогрессивные идеи. Любой журнал власти могли закрыть по своему произволу. Такая участь постигла журналы «Современник», «Русское слово», «Искра», «Отечественные записки», «Дело» и другие. Нередко одновременно с закрытием издания происходили аресты. Пожалуй, самым известным, и одновременно печальным примером является судьба Н.Г. Чернышевского.

Однако прежде, чем закрыть журнал, цензоры делали все возможное, чтобы осложнить его существование. Так, первый номер журнала «Дело», с большим трудом отрытый Н.И. Шульгиным и Г.Е. Благодетелевым, по цензурным соображениям лишился 22 листов из первоначальных 48⁵. Любыми возможными

¹ Приложение А. С. 217.

² Приложение А. С. 216.

³ Приложение А. С. 224.

⁴ ГАРФ. Ф. 6753. Оп. 1. Д. 22. Л. 2.

⁵ Бенина М. А. Журнал Дело (1866-1888). Указатель содержания. СПб. : 1993. С. 8.

способами издатели старались снять «осадное положение» с журнала. Писали во все заинтересованные ведомства, подавали прошения о замене особо рьяных цензоров, пытались опротестовать цензурные запреты отдельных статей и публикаций.

Самые трудные времена для отечественной печати настали в 1871 г., когда начальником Главного управления по делам печати был назначен М.Н. Лонгинов. В прошлом литератор, друг и соратник М.Л. Неваховича¹, он сам стал наиболее одиозным цензором. В это время в журнале «Дело» предварительная цензура не допускала до $\frac{3}{4}$ всех написанных материалов, но несмотря ни на что, он продолжал работать. Примерно в это же время началось сотрудничество Мечникова с журналом, которое продолжалось 14 лет. Именно в журнале «Дело» он опубликовал большую часть своих статей.

В письме от 11 декабря 1873 г. Благосветлов дал такую оценку работе Мечникова: «Работая с Вами постоянно вот уже 3 года, и печатая Ваши статьи в каждой книжке, я тем самым даю Вам полнейшую уверенность в том, что в основаниях, в самой сути дела мы не расходимся. Напротив, Ваши работы желательны, они всегда по самой идее поучительны, и статьи Ваши читаются [...]. Вы обладаете той гибкостью ума и чувства, которая может дать гораздо больше, чем вы думаете»².

Г.Е. Благосветлов умер в 1880 г., и с этого времени начался постепенный закат журнала. В 1883 г. был арестован редактор Н.В. Шелгунов, а в 1884 г. К.М. Станюкович. Фактически работа журнала прекратилась. Ко времени закрытия «Дела» Мечников все больше занимался научной работой, и после 1884 г. публиковал статьи относительно редко.

За свою жизнь он написал больше ста научных и публицистических статей. Попытка описать и проанализировать их все в одной работе заранее обречена на неудачу. Более разумным представляется подход, в рамках которого могут быть выделены и рассмотрены отдельные сюжеты по социально-экономической,

¹ Издатель сатирического журнала «Ералаш», дядя Мечникова по материнской линии; Приложение А. С. 200.

² РГАЛИ. Ф. 1636. Оп. 1. Д. 1. Л. 7-8.

культурно-исторической, политической тематике, которые представлены в его статьях, и в той или иной степени связаны с основной его научной работой.

1.1 Л.И. Мечников о Пьере Прудоне

Часто Л.И. Мечникова называют анархистом. В определенном смысле небезосновательно. Влияние анархизма на его взгляды несложно заметить при анализе работы «Цивилизация и великие исторические реки». Оно проявляется как в суждении о значении солидарности в человеческом обществе, так и в самом понимании сущности прогресса в истории. Но, прежде всего анархизм Мечникова – это свобода воли и мысли, это представление о рациональном устройстве общества, основанном на принципах братства и равенства, это суждение о значимости добровольных союзов, кооперации и самоуправления, это, безусловно, неприятие насильственного принуждения человека человеком, тем более деспотизма. Нетрудно заметить, что эти идеи не являются эксклюзивным достоянием анархистов, но в той или иной степени близки большинству свободомыслящих людей независимо от их политических убеждений.

Мечников был близко знаком с такими известными анархистами, как М.А. Бакунин, П.А. Кропоткин и Э. Реклю. Однако с Бакуниным Мечникова связывала в большей степени дружба, нежели политические взгляды. Что касается Кропоткина и Реклю, то помимо дружбы их связывал интерес к науке – географии. Поэтому представляется важным сохранять некоторую осторожность, говоря о Мечникове как об анархисте, особенно по отношению к его поздним работам. Но в молодости идеи анархизма, прежде всего П. Прудона, оказали на него большое влияние.

Известного французского анархиста Мечников назвал учителем¹, которому, как он писал, «много обязан лучшей стороной своей нравственной жизни»². Однако это ему не помешало подвергнуть Прудона критике за его отношение к Польше и его геополитическую концепцию в целом. Он также не разделял

¹ Мечников Л. И. Точка поворота // Колокол. 1863. 1 сентября. Л. 170.

² Мечников Л. И. Письмо к Прудону // Колокол. 1864. 15 мая. Л. 185.

оптимистических оценок Прудона в отношении итогов Вестфальского мира и Венского конгресса. Свои взгляды Мечников изложил в нескольких статьях, первая из которых «Письмо к Прудону»¹, в которой он рассматривал его работу «Sur les traités de 1815» (Перестали ли существовать договоры 1815 года?).

Прудон полагал, что с помощью системы международных договоров, направленных на сохранение границ в Европе, можно достичь коллективной безопасности. Как и многие другие, он надеялся, что внешняя угроза будет нивелирована совместными усилиями разных стран, которые совокупно, несмотря на сокращение военных расходов, должны оказаться сильнее любого агрессора. Но, главное, он рассчитывал, что это позволит народам отказаться от «губительной централизации», которая, по его мнению, осуществляется преимущественно с целью защиты от внешних врагов. Следовательно, создавались бы предпосылки для осуществления идеала анархистов, связанного с отрицанием государства в его современном понимании.

Вследствие этого, а не из особой любви к русскому царю, Прудон критиковал Польское восстание, и набиравшую силу национальную борьбу за независимость других народов Европы. Его логика заключалась в том, что в такой борьбе нет никакого смысла, она только расшатывает установившийся порядок, а что касается угнетенных, то даже в национальных государствах их будут ждать прежние эксплуататоры. Однако подлинное освобождение возможно только при коренном изменении основ государственного устройства. К идее национального государства Прудон относился отрицательно, как и ко всему национальному, разделявшему народы. Впрочем, в этом с Прудоном были не согласны другие анархисты. Так, М.А. Бакунин², равно, как А.И. Герцен, Н.Г. Чернышевский и другие представители прогрессивной русской общественности, видели в освобождении Польши первый шаг к освобождению русского народа, ведь так или иначе оба народа находились под гнетом русского царизма. И все же

¹ Мечников Л. И. Письмо к Прудону ... Л. 185.

² Приложение А. С. 225.

сомневаться в том, что Прудон в своих рассуждениях руководствовался благими мотивами, не приходится. Да и сам Мечников не ставил это под сомнение.

Рассуждения Прудона напоминают о тезисе «Война всех против всех», введенном в оборот Т. Гоббсом. Его идея заключалась в том, что первоначально общество находилось в «естественном состоянии», характеризовавшемся абсолютной свободой и отсутствием каких-либо ограничений, в том числе на убийство людей. Негативные стороны данного положения, полная неопределенность и наличие постоянной угрозы для каждого, значительно преобладали над положительной стороной – свободой. В определенный момент истории люди добровольно ограничили естественную свободу, и делегировали свою часть прав для обеспечения безопасности, что и привело к созданию государства. Так в наиболее общих чертах выглядит «теория общественного договора» в концепции Гоббса. По-видимому, Прудон полагал, что если необходимость в защите со стороны государства отпадет в силу изменившихся обстоятельств, то со временем исчезнет и необходимость в самом государстве.

Однако реальность сильно отличалась от этих идеалистических построений. Так, Венская система международных отношений не смогла уберечь Европу от новых войн, в том числе от невиданной ранее по количеству жертв Первой мировой войны. Точно также Лига наций не спасла мир от еще более разрушительной катастрофы. Вместо солидарного ответа набравшему силы нацизму большинство стран предпочли политику «умиротворения», а слова британского премьер-министра Н. Чемберлена «Мир для нашего времени» (Peace for our time), произнесенные им в отношении Мюнхенского соглашения, навсегда запомнились, как печальная эпитафия этим наивным стараниям. Хотя все эти события произошли уже после смерти Прудона, – ошибочность его идеи была очевидна уже в то время, что наглядно показал Л.И. Мечников.

Он выразил солидарность с Прудоном в его протесте против национализма: «Я совершенно понимаю ваше предубеждение против него, он слишком долго служил опорой всякому деспотизму»¹, однако он же отмечал, что чувство

¹ Мечников Л. И. Письмо к Прудону ... Л. 185.

национальности нельзя рассматривать как простой предрассудок, и считал, что это более сложное явление: «Как все живущее в массах бессознательно, чувство национальности – инстинкт, стихия, ни добро, ни зло. [...] Но даже становясь сознательным, чувство неприкосновенности своей национальности представляет концентрирующий элемент народов, мешает возвратиться безличному братству между ними. Одним словом, оно в народе соответствует сознанию своего человеческого достоинства в мире, в человеке»¹.

Этот любопытный феномен охарактеризовал Б. Рассел, когда он анализировал отдельные пробелы в теории исторического материализма: «Наиболее очевидным неэкономическим фактором, отрицание которого ведет социалистов по ложному пути, является национализм [...]. Во время войны наемные рабочие за небольшим исключением находились во власти националистических чувств, и игнорировали традиционный призыв коммунистов «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!». Согласно марксистской ортодоксии, их сбили с пути коварные капиталисты, которые наживались на убийстве. Но для любого человека, способного к исследованию психологических явлений, очевидно, что это в большой степени миф. Огромное количество капиталистов было разорено войной; те из них, кто был молод, также подвергались опасности быть убитыми на войне, как и рабочие [...]. Капиталисты были охвачены националистическим инстинктом так же сильно, как и их пролетарские «жертвы обмана». В обоих классах кто-то выиграл от войны, но всеобщее желание воевать не было вызвано надеждой на обогащение. Желание воевать происходило из другого комплекса инстинктов, который марксистская психология не в состоянии адекватно осознать»².

Мечников также напоминал, что значение государства не заключается в одной только защите от внешних угроз, и даже если последняя отпадет, это не приведет к исчезновению самого государства. В доказательство он привел тезис, который отчасти проливает свет на источник многих бед, постигших

¹ Мечников Л. И. Письмо к Прудону ... Л. 185.

² Рассел Б. Практика и теория большевизма. М. : «Наука», 1991. С. 46-47.

человечество в XX столетии, актуальный поныне: «(Государство) употребит остаток сил на то, чтобы не дать человеку очнуться. Если нет врага, избиением которого можно занять своих подданных, то государство его придумает»¹.

В целом, выступая критиком Прудона со страниц «Колокола», Мечников предстает достаточно рациональным человеком. Ему были близки высокие идеалы свободы и справедливости, однако он, кажется, понимал, что идеальное общество – это грезы о далеком будущем, которое не будет достигнуто ни путем революции, ни актом Провидения. Он указывал, что недостатки, которыми обладает современное общество, носят объективный характер, они порождены некоторыми реальными силами или факторами, и чудесным путем не исчезнут в ближайшем будущем. В этом, как представляется, Мечников был ближе к материалистам, чем к анархистам. Уже в этой статье он представил идею, что деспотизм, сколько бы он ни был отвратителен, появился в истории не случайно, и что до некоторых пор деспотические формы правления способствовали выживанию и даже прогрессу: «Конечно, мы еще очень далеки от равенства; но мы и еще отодвинемся от него, если не захотим сознаться, что деспотизм везде и всюду вовсе не случайная конспирация меньшинства»². Мечников критиковал современный буржуазный строй, но вместе с тем ставил риторический вопрос: «Но возможна ли какая-нибудь другая форма государства в настоящее время?» Потому-то он выступал за права рабочих, за право на самоопределение народов, но, будучи реалистом, не питал бесплотных надежд.

Неизвестно, прочел ли Прудон это открытое письмо, что особенно сомнительно в свете того факта, что оно было опубликовано на русском языке. Зато хорошо известно, что уже через год французский анархист покинул несправедливый мир. Стремясь обобщить теорию собственности Прудона, Мечников представил читателям несколько статей под заголовком «Прудонova «Новая теория собственности», являвшихся ответом на работу «Théorie de la propriété» (Теория собственности), вышедшую в год смерти самого Прудона. Но

¹ Мечников Л. И. Письмо к Прудону ... Л. 185.

² Там же.

если в своей прошлой публикации Мечников справедливо критиковал Прудона, то здесь, напротив, его собственные рассуждения, почти лишенные критического подхода, следуют в общем фарватере теории собственности Прудона. То есть теории, по меньшей мере, спорной, не раз критикуемой К. Марксом¹ и многими другими.

Свое повествование Мечников начал с того, что познакомил читателя с терминологией Прудона, который использовал в своих работах два термина: «Установив [...] различие между собственностью (*dominium*) и владением (*possessio*), Прудон находит, что первое, т.е. собственность, вовсе не сущность дела, вовсе не необходимая основа или антецедент всякой общественности. Собственность оказывается только формой владения, или точнее одною из форм владения, потому что таких форм мы уже имеем несколько в нашем историческом прошлом»².

Далее Мечников комментировал тезис о божественном происхождении собственности, указывая, что под «божественностью» Прудон имел в виду лишь естественный, как писал Мечников, космический характер происхождения данного явления: «Т.е. оно не сознательно придумано каким-нибудь законодателем, лицом или корпусом, а явилось в истории человечества, как стихийный, безразличный, космический факт, не нуждающийся в оправданиях за прошлое, но не имеющий иных оправданий в настоящем»³.

Данный тезис не вызывает дополнительных вопросов, чего нельзя сказать о его следующих высказываниях: «Как бы ни развивалось право собственности, злоупотребления и противоречия его будут развиваться вместе с ним. Отречься от них оно не может: это значило бы приспособиться к окружающей среде, совершенствоваться; а к этому, как уже сказано, продукты божественного или стихийного творчества неспособны»⁴, с чем уже можно поспорить.

¹ Маркс К. и Энгельс Ф. Нищета философии Прудона // Сочинения. 2-е изд. М. : Госполитиздат, 1955. С. 69-185.

² Мечников Л. И. Прудонова «Новая теория собственности» // Колокол. 1866. 15 апреля. Л. 218.

³ Там же.

⁴ Там же.

Разумеется, институту частной собственности, а ведь именно такой вид собственности мы имеем в виду прежде всего, присущи недостатки, и во многом поэтому наше общество нельзя назвать идеальным. «Собственность – это кража», так звучит широко известная цитата Прудона, и неслучайно она получила такую популярность. Чем же он объяснял такую необычную на первый взгляд идею? Конечно, Прудон хотел заинтересовать, но не ввести читателя в заблуждение: «Если бы мне надо было ответить на вопрос: «Что такое рабство?» – я ответил бы: «Это убийство», и мысль моя была бы сразу же понятна. Мне не было бы нужды в длинных рассуждениях, чтобы показать, что право отнять у человека его мысль, волю, его личность есть право над его жизнью и смертью, и сделать человека рабом – значит убить его. Почему же на другой вопрос: «Что такое собственность?» – я не мог бы ответить просто, не боясь быть непонятым: «Это кража», – тем более что это второе предложение является лишь перефразированным первым»¹. Собственность порождает неравенство, что, в свою очередь, позволяет одним людям эксплуатировать других. Эксплуатация – это присвоение результатов чужого труда с неполным возмещением его стоимости. Присвоение без возмещения – это кража. Следовательно, собственность является источником несправедливости в обществе.

Пожалуй, так оно и есть. Однако мир, в котором мы существуем, не состоит лишь из абстрактных категориальных терминов. Уничтожение собственности невозможно, по крайней мере в обозримом будущем. Идеи Прудона о натуральном обмене, о полном возмещении стоимости труда хозяином работнику, наконец, о том, что человек в течение жизни должен быть и работником, и хозяином, – утопичны, мало осуществимы и, наконец, просто бессмысленны. Эти идеи не лучше и даже менее реалистичны, чем капиталистические общины социалистов утопистов Ш. Фурье и Р. Оуэна, которых Прудон критиковал.

Действительно ошибочно другое. А именно утверждение, что институт собственности не может «совершенствоваться» или «приспосабливаться», как

¹ Прудон П. Ж. Что такое собственность? или Исследование о принципе права и власти. М. : Республика, 1998. С. 14.

вслед за Прудоном писал Мечников. Фактически это означает, что со времен неолита, когда появились первые орудия и продукты производства человека, которые стали его собственностью, и до современной эпохи с ее защитой прав трудящихся, прогрессивным налогообложением и трудовым законодательством в развитых странах, институт собственности не претерпевал значимых перемен. Простая логика подсказывает, что это некоторое преувеличение.

Еще очевидней ошибочность этого суждения становилась, когда Мечников сравнивал собственность с религией, которую он вслед за Прудоном также рассматривал как стихийный фактор: «Религия точно такой же продукт божеского или стихийного творчества, как и собственность. Только в религии отразилась другая, и крайне противоположная любостязанию жадности, сторона человеческой природы: а именно стремление к нравственному равновесию, к созерцательности и справедливости. Человек совершенствуется и замечает, что религия очень плохое средство удовлетворять тем потребностям, которые породили ее. Но религия не способна совершенствоваться; в доказательство стоит сослаться на нелепость всевозможных деистических и протестантских компромиссов. Человек либо держится религии (т.е. либо он стихийный человек), либо же он человек сознания»¹.

Выражение это по-своему интересное и верное. Однако преувеличение, к которому прибегнул автор, очевидно. Религия не может измениться только в одном: какой бы она ни была, она всегда будет основана на вере. Но нужно помнить, что религия – это не только попытка дать ответ на вечные вопросы. Прежде всего, это социальный институт, который является своеобразным источником и одновременно отражением социальных норм, и этот аспект нельзя игнорировать.

Протестантизм, о котором упоминал Мечников, – это не просто религиозное ответвление от католицизма. Появление протестантизма было вызвано не столько богословскими спорами, сколько глубокими переменами, связанными с реформацией, произошедшими в самом обществе. В том числе, речь идет,

¹ Мечников Л. И. Прудонова «Новая теория собственности» ... Л. 218.

конечно, о зарождении и развитии буржуазных отношений. Разумеется, преобразования в церкви происходят не сразу. За прошедшие две тысячи лет этот институт менялся так медленно, что для отдельного человека он выглядит статичным. Впрочем, в наше динамично меняющееся время даже церковь вынуждена отказаться от размеренного темпа существования, о чем напрямую свидетельствует относительно недавняя «досрочная» отставка Бенедикта XVI.

Развивая идею Прудона, Мечников писал: «Собственность, как сказано, гениально – одностороннее порождение любостяжания, жадности, корыстолюбия. Она, по прудоновскому выражению, апофеоз этих непохвальных, но, к сожалению, очень свойственных человеку качеств [...]. Герой собственности, гениальный спекулятор, если он только может быть искренен хоть на одну минуту, должен поставить своим девизом: невыгода всех и каждого – моя выгода. И этот девиз выражает не только заветное стремление собственников; он выражает и должен выражать собою весь смысл, все цивилизованное значение собственности»¹.

Выражение «герой собственности» в данном контексте выглядит как эвфемизм к слову капиталист. Действительно, кого, как не буржуа, можно критиковать за неиссякаемую жажду наживы. Однако свободный предприниматель, как бы идеальное воплощение собственника, на практике более далек от жажды наживы, чем та часть духовенства, против неумеренного стяжательства которой восставали протестанты. Эта идея, известная по книге М. Вебера «Протестантская этика и дух капитализма», кажется самоочевидной. Так, он писал: «Стремление к предпринимательству», «стремление к наживе», к денежной выгоде, к наибольшей денежной выгоде само по себе ничего общего не имеет с капитализмом. [...] Подобные наивные представления о сущности капитализма принадлежат к тем истинам, от которых раз и навсегда следовало бы отказаться еще на заре изучения истории культуры. Безудержная алчность в делах

¹ Мечников Л. И. Прудон «Новая теория собственности» ... Л. 218.

наживы ни в коей мере не тождественна капитализму, и еще менее того его «духу»¹.

Справедливость данного суждения стала еще более очевидной в современную эпоху, когда многие новоявленные «капиталисты» стремятся открыть свое дело не только для того, чтобы сколотить капитал, но и для того, чтобы реализовать свои идеи, проекты и изобретения. Конечно, это стремление сопряжено с расчетом на прибыль, но не сама идея прибыли зачастую движет этими людьми, а скорее потребность к самореализации и вера в прогресс.

Как отмечал Мечников, собственность – это стихийный фактор, но вовсе не случайное, а закономерное явление, необходимое человечеству на его пути к прогрессу. В таком случае можно ли необходимое называть кражей?

В своей публикации Мечников, увы, допускал немало спорных суждений. Это довольно странно, насколько можно судить, будучи знакомым с другими более поздними его публикациями, в которых он выступал с более взвешенных и рациональных позиций. Кажется, в какой-то момент Мечников слишком увлекся идеями Прудона, не подвергнув их необходимому критическому анализу. Впрочем, судить по одной ранней публикации об этом авторе опрометчиво, можно лишь признать, что «Прудонова «Новая теория собственности» была не самой удачной его работой.

1.2 Л.И. Мечников об общественно-экономическом развитии России

Одно из современных исследований посвященных Л.И. Мечникову, начинается со слов, которыми автор обосновывает актуальность работ Мечникова: «Современное российское общество находится на переломном этапе своего исторического пути. Это трудный, противоречивый и болезненный процесс радикальной модернизации всех сторон общественной жизни – экономической, политической, социокультурной. В условиях общественных преобразований активизируется интерес к богатейшему наследию русской общественной мысли, особенно к тем его страницам, которые были в

¹ Вебер. М. Избранные произведения. М. : Прогресс, 1990. С. 47-48.

предшествующие десятилетия или забыты, или сознательно зачеркнуты как идеологически вредные течения»¹. Много лет, начиная с перестройки, в различных вариациях повторяется эта фраза о «России на переломном этапе своей истории». С начала перестройки минуло больше четверти века, чуть меньше четверти с момента распада Советского Союза, и перехода к радикальным рыночным преобразованиям, что сопоставимо с царствованием ряда российских императоров в XIX в. Не слишком ли много для переломного этапа в современной истории? Создается ощущение, что это какой-то эвфемизм, что под переломным этапом у нас подразумевается лишь очередной виток, не то чтобы развития, а скорее просто течения общественно-политической жизни в стране.

Почему же такое банальное выражение, которое еще несколько лет назад воспринималось как своего рода неотъемлемый реквизит любого вступления, связанного с актуальностью темы исследования, вызвало у нас такое внимание? Дело в том, что теперь Россия вправду стоит на «переломном» этапе своей истории, когда очередная оттепель сменилась очередными заморозками. Сколько раз уже подобное встречалось в нашей истории советской и царской? И сколько еще мы будем бежать по этому заколдованному кругу? Конечно, ответить на второй вопрос не представляется возможным, но, благодаря таким людям, как Мечников, мы по крайней мере можем прийти к пониманию самой сути проблемы и оценить ее масштабы в исторической перспективе. Поэтому, когда Е.Н. Горина пишет, что работы Мечникова по-прежнему актуальны, мы хотим не только подтвердить правоту этого утверждения, но даже более того, сказать, что они по-своему злободневны!

В журнале «Дело» в разные годы Л.И. Мечников опубликовал немало работ по социально-экономической тематике: «В недрах родной земли»; «Итоги нашей промышленности»; «Хлебный вопрос в Америке и Европе»; «Колонизация в Австралии и Америке» и другие. Вследствие серьезных ограничений царской цензуры, он, как и многие его современники, был вынужден тщательно маскировать свои политические взгляды и убеждения. Однако вполне очевидно,

¹ Горина Е. Н. Вклад Л. И. Мечникова в становление русской социологии ... С. 3.

что его тревожили не столько проблемы западных держав, сколько противоречия аграрной экономической политики его собственной страны, недостатки которой он умело демонстрировал в сравнении с индустриально развитыми государствами.

Его работы представляют полезный материал для исследования социально-экономического положения Российской империи. Но значительно интереснее то, что его критические отзывы и замечания о дореволюционной России помогают в некоторой мере понять противоречия общественно-экономического развития современной нам страны.

Конечно, исторические события уникальны и неповторимы, однако их совокупность формирует то, что называется историческим процессом, который, в свою очередь, отличается наличием определенных закономерностей. Следовательно, нет ничего удивительного в том, что мы должны извлекать уроки из исторического прошлого.

Размышляя о путях социально-экономического развития, Мечников анализировал доводы сторонников индустриального преобразования России по примеру промышленно развитых стран Запада, и сторонников особого русского пути, в каких бы формах он ни выражался. Этот спор, который в том или ином виде не прекращается со времен Петра I, в последнее время значительно оживился, однако и по прошествии многих лет в нем обнаруживается не слишком много нового.

В конце XIX века Мечников написал вполне современные строки: «Экономическое отчуждение России от Запада проповедуется с большой настойчивостью, как, якобы, вернейшее средство от обуревавших нас невзгод и неурядиц [...]. Сторонники восточных порядков и мрака времен литературных и не литературных не переводились на Руси никогда, но только в последнее время они находят довольно деятельных союзников, научившихся говорить несколько новым языком и предлагать идеалы китайской косности на более современный лад. Прежде манили нас вдаль от гнилого Запада на патриархальный Восток, стараясь пленить нас прелестью давно уже известных нам восточных идеалов.

Теперь проповедуется точно такое же отчуждение от западной культуры, но на него нам указывают как на путь в какой-то новый неведомый мир будущего, в котором мы будто бы призваны стать на небывалую высоту среди других народов и обновить человечество»¹. Думается это напоминает часть общественных настроений в России XXI века. Однако не о современной нам России писал эти строки Л.И. Мечников. Объектом его критики была Российская Империя последней четверти XIX века, ее отсталая промышленность, ее аграрная экономика, ее проблемы поиска путей социально-экономического развития. В ряде статей Мечников обосновал свое видение данного вопроса.

Первое, что он отметил, это проблема перетекания ресурсов и капитала: «Экономическая зависимость чисто земледельческих народов от промышленных стран обходится первым дорого, – так же дорого, как первобытным расам эксплуатация их цивилизованными нациями. Земледельческая страна относительно своего индустриально сильного соседа представляет резервуар, из которого, как бы по наклонной плоскости, постоянно переливается народное богатство в другой всепоглощающий промышленный резервуар; по мере того, как истощается первый, наполняется и расширяется второй»². Мечников неслучайно использовал аналогию с перетекающими резервуарами. Вполне очевидно, что государство, которое сосредоточилось лишь на экспорте ресурсов, скорее всего, не догонит промышленно развитые страны в сфере социального и технического прогресса. Напротив, на каждом новом витке развития дистанция между ними будет увеличиваться. Таким образом, писал он: «Россия очутилась в числе отсталых и зависимых стран относительно своего промышленного прогресса. Эта роковая отсталость обрекает ее на роль деревенского захолустья по отношению к Западной Европе, как к промышленному центру»³.

Более того, со времен Карла Маркса известно, что именно экономическая или практическая деятельность вообще, определяет основные особенности общественных институтов, а перемены в способе производства являются

¹ Мечников Л. И. Хлебный вопрос в Америке и Европе // Дело. 1880. № 6. С. 135, 152.

² Мечников Л. И. Итоги нашей промышленности // Дело. 1877. № 8. С. 289.

³ Там же. С. 290.

своеобразным двигателем социального прогресса. Но если хозяйственная деятельность слишком однообразна, и не претерпевает значительных изменений, то и изменения социального характера проводятся медленно. Выращивание зерновых культур является одним из примеров такой деятельности. Как в начале XV в., так и в середине XIX в. способы выращивания и обработки зерна в России мало изменились. Не удивительно, что крестьянские быт и традиции в «глубинке» за это время также менялись медленно: «При настоящем социальном и экономическом положении для нас есть много шансов сделаться первым землевладельческим народом в мире. Но, избирая этот путь, мы осуждаем себя на безвыходное положение постоянного данника Западной Европы, и на патриархально-неподвижный экономический быт»¹. То есть Мечников не исключал аграрный путь, хотя и указывал на его бесперспективность. Сам же он считал, что каким бы ни было трудным индустриальное развитие, его выгоды заметно превосходят недостатки.

Конечно, его также волновала проблема социального неравенства. Он указывал на парадоксальную ситуацию, сложившуюся в 1879 г., когда в России был собран рекордный урожай, а экспорт зерна достиг невиданных 40 млн. четвертей (5,25 млн. т.). Удивительно, но положение крестьян в этом году почти не улучшилось, т.к. при резко возросшем предложении на внутреннем рынке, посредники просто снизили закупочную цену до границы рентабельности. В результате обычный крестьянин получил почти прежний доход при продаже большего объема зерна, а, следовательно, за большой проделанный труд: «Рассуждая а priori, следовало бы непременно предположить, что так как уплывающий хлеб, в конце концов, все же исходил от мужика, по крайней мере, хоть малая часть нашего крестьянства извлекала непосредственно для себя некоторую пользу от выгодного сбыта за границей. Но увы [...] уродится много хлеба – и наш крестьянин-производитель отдает его за ничто кулаку, который один и извлекает весь барыш»².

¹ Мечников Л. И. Итоги нашей промышленности ... С. 290.

² Мечников Л. И. Колонизация в Австралии и Америке // Дело. 1880. № 11. С. 63.

Реальность была такова. Крестьяне получали от продажи хлеба средств столь мало, что их едва хватало на пропитание семьи. Зерно они выращивали тем примитивным способом, который был завещан дедами, в силу того, что достижения прогресса индустриальной эпохи были им просто недоступны¹. Помещики пользовались своим привилегированным положением и эксплуатировали практически дармовой труд, что также не способствовало увеличению производительности труда². В то же время в других индустриальных странах, где динамично развивались капиталистические отношения, будь то Австралия или Америка, которые в качестве примера приводил сам Мечников, поиск путей повышения рентабельности проводился весьма успешно.

Выяснилось, что даже такое известное много веков дело, как выращивание пшеницы, может быть облегчено с помощью технического прогресса. Нетрудно представить разницу в производительности труда пешего сеятеля с коробом и конной, а позднее механизированной сеялкой. Даже учитывая заметную разницу в материальном вознаграждении труда американского фермера и русского крестьянина, значительное различие в производительности труда делало продукт последнего менее конкурентоспособным. Это значило, что рано или поздно Россия должна была уступить свою и без того не великую нишу на мировом рынке.

Уже в начале Первой мировой войны стало очевидно, что с экономической точки зрения Россия несостоятельна. Не только экспорт, но и обеспечение собственных продовольственных нужд в условиях войны оказались невозможными. Ко всему прочему отсталая промышленность не могла обеспечить фронт необходимым вооружением и боеприпасами, что привело к неоправданным потерям и поражению в войне.

«Колосс на глиняных ногах» – так характеризовала Россию западная пресса еще в XIX веке: «Глиняные ноги эти, которыми одними только и стоим на реальной почве, – наша экономическая несостоятельность, обусловленная

¹ Мечников Л. И. В недрах родной земли. (Начало) // Дело. 1877. № 11. С. 134.

² Мечников Л. И. В недрах родной земли. (Окончание) // Дело. 1877. № 12. С. 303.

единственно нашею беспримерною общественною косностью и отсутствием всякой деятельной инициативы во всех слоях общества»¹. Приведенное выше сравнение уже не кажется преувеличением. Фактический крах во время Первой мировой, Февральская революция и распад Российской Империи – закономерный итог отсталой экономической политики.

Очевидно понимая, что противодействие необходимым реформам в России приведет лишь к еще более тяжелым последствиям, Мечников вместе с другими умеренными социалистами предлагал альтернативный путь. Рецепт его достаточно прост, и был предложен на примере все той же Америки и Австралии: «Уничтожения всяких внутренних таможенных и иных преград к свободному передвижению населения, и включения в число неотъемлемых человеческих прав также права каждого отдельного лица и целых обществ селиться там, где им вздумается, совершенно достаточно, чтобы в какие-нибудь пятьдесят или шестьдесят лет совершенно сгладить вековое зло [...]. Действительно, пока мы, среди хронического нашего застоя и голодания, проводим десятилетия за десятилетиями в малодушных сказках от радужных надежд к унынию и отчаянию [...] там, за морем, в Австралии и в Америке слагаются мощные землевладельческие государства, в которых головоломный у нас вопрос о привлечении рабочих рук к плодородным полям [...] разрешается как-то сам собой к великому посрамлению нашего вексельного курса»².

Иными словами, главное, что необходимо для экономического развития, это экономическая свобода, которая просто неотделима от других гражданских свобод, и защита права собственности. На определенном этапе истории вполне достаточно свободного предпринимательства для решения социальных и экономических проблем, стоящих перед государством. В противном случае государство, которое будет искусственно сдерживать развитие внутренних производительных сил, будет ими же сломлено или потерпит крах, не выдержав конкуренции с более развитыми странами. Собственно, об этом писал еще К.

¹ Мечников Л. И. В недрах родной земли. (Начало) ... С. 134.

² Мечников Л. И. Колонизация в Австралии и Америке ... С. 66, 93.

Маркс»: «Буржуазия быстрым усовершенствованием всех орудий производства и бесконечным облегчением средств сообщения вовлекает в цивилизацию все, даже самые варварские, нации. Дешевые цены ее товаров – вот та тяжелая артиллерия, с помощью которой она разрушает все китайские стены и принуждает к капитуляции самую упорную ненависть варваров к иностранцам»¹.

Именно это и имел ввиду Мечников, когда говорил о необходимости промышленного развития. Конечно, будучи анархистом, т.е. социалистом, он не был сторонником капиталистического строя, но лишь указывал, что из реальных альтернатив развития, перед которыми стояла Россия, путь развития капитализма был наиболее верным: «Не будем утверждать [...], что европейский индустриальный путь, или, выражаясь языком Карла Маркса, товарный строй промышленного развития, строго обязателен для каждой страны и для каждого народа. Мы только свидетельствуем тот факт, что промышленное развитие Европы шло именно этим путем, и что там, до известного предела, промышленник-предприниматель, действуя исключительно под влиянием своих корыстных побуждений, являлся, да отчасти является еще и теперь, общественно полезным деятелем в той мере, в которой он рациональным ведением собственных своих дел способствовал разрешению национальной задачи организации народного труда. Личная корысть естественно побуждает предпринимателя направлять свою деятельность на такие поприща, на которых труд каждого работника способен дать наивозможно большее количество ценных продуктов: таким образом, выясняется фактически то, что может быть названо экономическим призванием страны, т.е. народный труд перестает тратиться бесплодно в таких применениях, в которых он едва способен окупать издержки производства»².

Увы, надеждам Мечникова и других представителей прогрессивной общественности не было суждено свершиться. Напротив, сбылись их самые мрачные прогнозы. Российское общество, доведенное до отчаяния бедственным

¹ Маркс К. и Энгельс Ф. Манифест коммунистической партии // Сочинения. 2-е. изд. М. : Госполитиздат, 1955. Т. 4. С. 427.

² Мечников Л. И. В недрах родной земли. (Начало) ... С. 128.

экономическим положением, войной и беспросветностью существования, встало на путь радикальных преобразований, а государственная машина в лице фактически неограниченной монархии, ставшая явным анахронизмом в XX веке, рухнула и погребла многих под своими завалами. Из всех причин, приведших ее к краху, экономическая несостоятельность была, пожалуй, главной.

Но, кажется, история действительно нас ничему не научила. Сегодня Россия полностью зависима от экспорта углеводородов. Высоки цены на нефть, и казна наполняется золотовалютными резервами, потребности огромной и неповоротливой государственной машины более или менее обеспечиваются. Но стоит этим ценам упасть, как тут же возникает экономический кризис. Более того, в долгосрочной перспективе нефть и газ могут просто утратить свое значение под натиском альтернативных источников энергии, в которые развитые страны вкладывают огромные инвестиции. О «грозной американской конкуренции, стремящейся если не вовсе стереть нас с лица земли, то, по крайней мере, вырвать окончательно из наших дряблых и неумелых рук единственное земледельческое сырье, с которым мы могли показаться на международном рынке»¹ Мечников писал еще в конце XIX в. Как известно, его прогноз уже сбывлся однажды, но не рискуем ли мы повторять прежние ошибки?

Некоторые исследователи полемизируют с Мечниковым по этому вопросу. Так Д.Т. Толгамбаева пишет: «Мечников подчеркивает отсталость русской цивилизации от цивилизации западной»². Но, как видно из вышесказанного, это нельзя назвать правдой. Начнем с того, что Мечников старался избегать подобных формулировок. Понятие цивилизации слишком широкое, и в него входит, например, культура. Конечно же, Мечников никогда не писал об отсталости русской культуры в сравнении с западной, впрочем, как и любой другой культуры. Но он действительно считал, что в экономическом отношении у России очень много самых разнообразных проблем, и конечно он не раз писал о проблемах общественно-политического развития страны, но не «подчеркивал

¹ Мечников Л. И. Колонизация в Австралии и Америке ... С. 62.

² Толгамбаева Д. Т. Философско-историческая концепция Л. И. Мечникова ... С. 21.

отсталость русской цивилизации». Поэтому, когда Д.Т. Толгамбаева пишет, что «несмотря на пессимистическую оценку русской цивилизации, Мечников, подобно П.Я. Чаадаеву, видит в ее отсталости определенное преимущество: возможность учета и использования исторического опыта передовых государств»¹, то вероятно она неосознанно привносит повестку дня 1993 г. в анализ работ Мечникова, а он был в своих оценках и суждениях более осторожен. Ведь далее она совершенно справедливо замечает: «Но это отнюдь не означает, по Мечникову, что европейский путь – это единственный путь, ведущий к высокому уровню цивилизации»². Действительно, Мечников неоднократно доказывал, что индустриальная Европа живет лучше аграрной России, но лишь с той целью, чтобы переломить общественное мнение, застрявшее в нерешительности и какой-то патриархальной косности. При этом, как мы могли убедиться, он вовсе не утверждал, что европейский, индустриальный, капиталистический путь развития является единственно верным для всех стран. Он скорее пытался доказать, что не так уж и важно, каким будет это развитие, и как оно будет называться, когда необходимостью является хотя бы сам факт его наличия.

Однако в выводах Д.Т. Толгамбаевой содержится высказывание, которое все же можно назвать тенденциозным: «Оценка Л.И. Мечникова исторической судьбы России, современного ему общественно-культурного ее бытия, по мнению диссертанта, не совсем справедлива. История показывает, что пореформенная Россия стала иной, общественная ситуация быстро менялась, в стране нарождался новый общественный строй»³. Это вообще характерно для эпохи перестройки, когда Русская революция 1917 г. стала восприниматься, как событие, прервавшее естественное развитие Российской империи. При этом нередко вспоминали и либеральные реформы Александра II, и быстрое развитие экономики в царствование Александра III, и реформы Столыпина, которые, впрочем, были столь же необходимы, сколь и запоздалы. Действительно, наивно думать, что те потрясения, которые постигли Россию, были чем-то случайным или

¹ Толгамбаева Д. Т. Философско-историческая концепция Л. И. Мечникова ... С. 21.

² Там же. С. 22.

³ Там же. С. 23.

искусственным. В самом деле, причины, повлекшие падение империи, мало напоминали извержение Везувия, повлекшего гибель Помпеи. Все, что случилось – имело свои вполне объяснимые, по большей части, внутренние причины, многие из которых охарактеризовал еще сам Мечников.

Конечно, многое можно было бы списать на Первую мировую войну. Но уже сам факт поражения в этой войне, равно, как и в Русско-Японской свидетельствует о справедливости тезиса «Россия – колосс на глиняных ногах». Мы вовсе не станем отрицать, что многое в стране менялось к лучшему в последние десятилетия существования Российской империи. Пышный цвет набирала русская культура (которую Мечников на самом деле любил, и о которой он никогда не отзывался уничижительно), зарождался класс буржуазии, росло производство большинства видов продукции. Однако и в советское время можно отметить периоды, когда иные пятилетки показывали устойчивый рост экономики, а передовые умы эпохи совершенно справедливо доказывали, что без структурных реформ этот рост не будет вечным. Так и в последние царствования рост экономики был в значительной степени экстенсивным, или по крайней мере связанным с общечеловеческими достижениями технического прогресса. Он не мог продолжаться долго без необходимых экономических, социальных, в конце концов, политических преобразований, что прекрасно понимали лучшие умы России, будь то представители правящей элиты или интеллигенции, конечно, понимал это Мечников. И нет ничего удивительного в том, что он не уделял особого внимания успехам российской экономики. Оценки подобного рода удел историков, Мечников же был публицистом, его задачей было обличение перед обществом наиболее острых проблем, тех, которые требовали незамедлительного решения, и, похоже, с этой задачей он справлялся вполне успешно. Однако власти были глухи, а общество, даже его лучшие представители, были тогда слабее государства. Нам, потомкам, хорошо известно, что негативные прогнозы Мечникова, увы, сбылись, и это вполне доказывает справедливость его оценок.

1.3 Л.И. Мечников о федерализме и местном самоуправлении в Швейцарии

В Швейцарии Мечников провел почти половину своей сознательной жизни. После буйной молодости и многих путешествий он поселился в швейцарском Невшателе, где обрел дом, получил солидную должность¹, и смог, наконец, заняться систематизацией своих знаний и опыта. Именно с швейцарским периодом связана его действительно научная деятельность, и нет сомнения, если бы не короткая жизнь, Мечников подарил бы гораздо больше мировой науке.

Неслучайно он решил провести остаток жизни именно в этой стране. Швейцарию Мечников любил, и видел в ней образец гармоничного развития экономики и общественной жизни. В одном из писем Прудону он выразил свое отношение к этой стране: «Несколько слов еще о Швейцарии, которая, по Вашему мнению, будто бы фактом своего существования опровергает теорию национального права. Она, напротив, представляет нам как бы образчик возможного в неотдаленном будущем общественного устройства с полным признанием органической цельности каждого племени. Что же, как не полная автономия кантонов, составляет всю силу этой страны, представляющей каким-то фениксом среди расшатавшихся и грозно догнивающих государств современной Европы?»².

Как видно по приведенной цитате, порядок швейцарского государственного устройства, то есть вполне реальной, а не фантастической страны, был близок к видению того государственного устройства, которое Мечников представлял в качестве оптимального для большинства стран в будущем. Уже сам факт этого должен свидетельствовать о том, что Мечников являлся скорее реалистом, чем утопистом. Однако, несмотря на это, многие исследователи продолжают критиковать его за якобы идеалистические, и даже утопические представления об общественном устройстве будущего. Но можно ли назвать эти обвинения обоснованными? Например, одна из исследовательниц научного творчества Мечникова пишет об этом: «Мечников говорит [...] Будущее – это строй

¹ Приложение А. С. 249.

² Мечников Л. И. Письмо к Прудону ... Л. 185.

безгосударственный, лишенный национальных границ, но учитывающий многообразие наций и культур. Утопизм Мечникова заключался в том, что он не видел связи государственного и национального начала, освобождение национальное мыслилось им одновременно как безгосударственное солидарное развитие»¹. Автор данной цитаты отмечает очень важную особенность представления Мечникова. Он считал, что общество будущего должно учитывать национальные и культурные различия. Это действительно достаточно прогрессивная и гуманистическая идея для XIX в. Более того, ее разделяли далеко не все анархисты. В частности можно отметить, что по этому вопросу Мечников сильно расходился во взглядах с П. Прудоном.

И коль скоро Мечников отстаивал такую идею, он должен был также полагать, что общество будущего не превратится просто в обезличенное братство, но все же сохранит некоторые различия, а, следовательно, и границы. Конечно, вовсе необязательно, а для Мечникова к тому же весьма нежелательно, чтобы эти границы были государственными. Однако ведь даже у свободных ассоциаций должны существовать какие-то определенные очертания. Поэтому не будем забывать, что слово «анархия», особенно в понимании самих анархистов означает вовсе не хаос, а напротив понятие прямо противоположное. Но действительно ли это делает Мечникова утопистом, если он, как пишет Д.Т. Толгамбаева, «не видел связи государственного и национального начала»? Вовсе нет, и любимая им Швейцария доказывала, что различные сообщества, отличающиеся своей культурой и языком, могут прекрасно уживаться в одной стране при условии, что права каждой из групп не ущемляются другими. Что же тогда может помешать представителям разных культур жить по их собственному желанию обособленно в представляемом Мечниковым мире будущего? Разве что глобализация и окончательное смешение культур и народов. Именно поэтому швейцарский опыт общественного и государственного устройства так волновал Мечникова, ведь он являлся своего рода реальным подтверждением справедливости идей анархистов, пусть и представленным в, своего рода, миниатюре. Но главное, он доказывал,

¹ Толгамбаева Д. Т. Философско-историческая концепция Л. И. Мечникова ... С. 19.

что уже в настоящем, а не просто в отдаленном будущем, возможно добиться пусть не идеального, но все же более справедливого устройства.

Подробнее рассказать русским читателям о Швейцарии Мечникову удалось, когда он начал сотрудничать с «Отечественными записками». Его первыми публикациями в журнале были «Очерки швейцарской жизни и нравов» в двух частях: «Женева» и «В горах». В первой части он рассказал о столице одноименного франкоязычного кантона. Ее современной истории, культурных, политических и экономических особенностях.

В Женеве нашли второй дом многие политические изгнанники из других стран. Этот город отличался своим гостеприимством, однако настоящий наплыв иностранцев начался в нем после 1848 г., что было связано как с некоторыми преобразованиями в этом кантоне, сделавшими жизнь иностранцев проще, так и с повсеместным поражением революционного движения, которое будоражило многие европейские страны. Искавшие убежища изгнанники, как правило, находили его здесь, а старые монархии, за редким исключением, встречали отказ со стороны швейцарских властей на запросы об экстрадиции.

В качестве одного из исключений можно вспомнить С.Г. Нечаева, которого швейцарские власти выдали вследствие совершения им убийства: «Замечу мимоходом, что женевское законодательство предоставляет начальнику полиции право изгонять из кантона всякого иностранца под эластическим условием «дурного поведения». Однако на практике полиция очень редко пользуется этим правом, и в дела изгнанников не вмешивается. Кроме того, федеральный совет имеет право требовать от кантонального правительства изгнания лиц, которые своим присутствием мешают дружелюбным отношениям союза с другими державами. Таким образом, в 1850 г. федеральное правительство, по настоянию австрийского посла, требовало изгнания из Женевы немецкого эмигранта К. Шурца. Фази, игравший в это время в Женеве роль сиракузского тирана, выгнал, однако, вместо Шурца австрийского правительственного агента»¹.

¹ Мечников Л. И. Очерки швейцарской жизни и нравов. I. Женева // Отечественные записки. 1868. № 5. С. 2.

Самому Джеймсу Фази Мечников уделил немало внимания в цитируемой статье, а десятью годами позже, в год смерти Фази, он написал о нем отдельную работу¹. Этот человек, будучи несколько противоречивым политиком, сыграл в истории Женевы замечательную роль, сумел осуществить многие преобразования, необходимые для развития Женевского кантона.

Проведя молодость во Франции, Фази стремился воплотить прогрессивные идеи на родине в Женеве. В 1847 г., на волне революционных событий, закончившихся преобразованием Швейцарии из союза отдельных кантонов в полноценное союзное государство, он вместе с единомышленниками из радикальной партии захватил власть в Женеве: «Случилось это в 1847 году. Женевец, Джеймс Фази, проведший большую часть своей жизни в Париже [...] вернулся к этому времени на родину и быстро сгруппировал вокруг себя все элементы, недовольные управлением кальвинистской аристократии. Элементы эти были многочисленны и сильны, но слишком разнохарактерны. Их представители, во-первых, католики, преимущественно рабочее население подгородной общины Карум, на левом берегу Роны; во-вторых, протестанты работники и мелкие буржуа [...]. Немало ему помогла при этом скупость олигархов и их тупая уверенность в незыблемости своей власти. Радикальный переворот был сделан в несколько часов. Фази, с горстью работников, мирно разогнал отцов отечества, заседавших в Hôtel de Ville в государственном совете. Будучи тут же облечен диктаторскою властью, он соблазнил женевскую демократию наперед заготовленным проектом Конституции»².

В политической деятельности Фази опирался на поддержку женевских рабочих, которые в то время находились в незавидном состоянии. Основной проблемой был недостаток жилья. Старая Женева, окруженная мощными фортификационными сооружениями, в прошлом представляла огромную неприступную крепость, однако к середине XIX в. эти стены и земляные укрепления утратили прежнее значение, и значительно сдерживали

¹ Мечников Л. И. Джеймс Фази // Дело. 1878. № 12. С. 1-39.

² Мечников Л. И. Очерки швейцарской жизни и нравов. I. Женева ... С. 3.

строительство, отчего цены на жилье были очень высокими. Фази начал работы по разрушению этих укреплений и масштабной застройке освободившихся площадей. Это позволило занять большое число рабочих рук и улучшить жилищные условия значительной части населения.

Одновременно были проведены либеральные реформы, в том числе давшие равные права представителям всех религиозных конфессий. В результате Женева из средневекового городка превратилась в один из самых красивых, просторных и чистых городов Швейцарии. В нее стали приезжать туристы и иммигранты¹. В городе начался стремительный рост производства. Численно вырос класс мелких буржуа, которые со временем стали проявлять недовольство диктаторской политикой Фази, и поэтому сформировали независимую партию. После поражения на выборах большого совета в 1864 г. партии радикалов, и последовавших волнений, Фази был вынужден уйти в отставку и уехать из Женевы. Партия радикалов ушла с политической арены, а в Женеве произошел некоторый экономический спад, впрочем, временный. Не изменилось главное: космополитический характер этого города.

Во второй части, статье «В горах», Мечников познакомил читателей с той частью швейцарской экономики, которую в наше время называют туристическим сектором. Курорты издавна приносили швейцарцам немалый доход, причем не только жителям горных районов, но и жителям городов, а также сел, чьи товары и продукты в немалой степени находили покупателей в лице иностранцев: «А потому немудрено, что альпийские жители, – стар и мал, часто с сердечным замиранием следят за пароходами и паровозами, подвозящими им грузы живого товара; следят за погодой и за политическими событиями, под подавляющим влиянием одной преобладающей мысли, одного тяжкого сомнения: а как уродит нам Господь это лето англичан?»². Именно в этом, по мнению Мечникова, «лежит ключ к разгадке политических убеждений швейцарцев»³. Вместе с родством

¹ Мечников Л. И. Очерки швейцарской жизни и нравов. I. Женева ... С. 5.

² Мечников Л. И. Очерки швейцарской жизни и нравов. II. В горах // Отечественные записки. 1868. № 7. С. 2.

³ Там же.

экономическим возникает родство гражданское: «Голос (швейцарца) имеет свое значение на ряду с голосами других сограждан, с которыми неразрывно сближает его не одна только общность прав, но и общность экономических интересов»¹. Поэтому едва ли стоит удивляться, что население Швейцарии отличается миролюбием и космополитизмом, а внешняя политика государства характеризуется подчеркнутым нейтралитетом. В конце концов, какой прок сориться с соседями из-за второстепенных вопросов, если это повредит благосостоянию граждан: «Из-за чего бы ни возникали войны на нашем политическом горизонте, каков бы ни был исход этих войн, обязательно нейтральная Швейцария непременно будет от них в убытке, потому что она лишается ими сбыточного места для своих товаров»². Однако не только космополитическая Женева или виды горных курортов привлекли внимание Мечникова к этой стране.

Среди различных его идей и суждений можно найти такую, которая, кажется, проходит через всю его жизнь. Это идея о превосходстве свободной солидарной деятельности над подневольной. Поэтому ему нравилась идея общины, в которой человек мотивирован не только экономическими факторами, но и межличностными отношениями.

Конечно, не всякую общину он рассматривал как явление позитивного характера. Русское общинное землевладение он оценивал положительно, но указывал на неприглядность и искаженность этого явления в современной ему России: «Мы много носились с этим знаменательнейшим явлением нашей народной жизни; много пролили за и против нее желчи и чернил, что вовсе не мешает этой вековой основе будущего величия и славы русской земли изнывать теперь под гнетом всякого рода неблагоприятных обстоятельств [...] община без сомнения великое дело, но неприглядная насущная действительность лучше всего убеждает нас, что на нее нельзя смотреть, как на философский камень, как на какое-то чародейственное лекарство против всех общественных и

¹ Мечников Л. И. Община и государство в Швейцарии // Дело. 1881. № 6. С. 291-292.

² Мечников Л. И. Очерки швейцарской жизни и нравов. II. В горах ... С. 4.

политических зол, что голый факт сохранения общинного землевладения после тысячи лет государственной истории в нашем народно-хозяйственном быту далеко не обеспечивает нашим народным массам даже того, крайне скудного, уровня экономического благосостояния и культурного развития, которым пользуются народы «гнилого Запада»¹.

Как видно из предыдущего раздела, Мечников вполне приемлемо относился к индустриальному пути развития. Да и сам контекст использования им выражения «гнилой Запад», подсказывает, что гнилым он считал вовсе не Запад. Но совершенно очевидно, что такой путь развития не был идеалом в его понимании. Неверным было бы суждение о том, что он идеализировал швейцарский путь. Ведь и в Швейцарии существовали неравенство, эксплуатация, бедность. Впрочем, несмотря на то, что эти негативные явления существуют во всех странах, это вовсе не означает, что положение граждан в них также одинаково. В Швейцарии они во многом смягчались наличием общины. Гражданин этого государства вообще не мог жить сам по себе, он обязан был быть членом какой либо общины, даже если он житель крупного города. Община, в свою очередь, давала человеку определенные блага, но, в то же время, налагала на него некоторые повинности и отчасти ограничивала его свободу: «Здесь вовсе даже не знают «гражданина», а знают только «общинника», и одна из главнейших обязанностей союзного правительства заключается именно в наблюдении, чтобы на союзной территории не было необщинников-граждан. Швейцарец, не состоящий членом какой-нибудь общины, такой же *heimatlos* (лишенный отечества) у себя дома, как и пришлый чужеземец»².

Отчасти это можно оценить, как некоторое ограничение свободы граждан. Однако данное ограничение представляется нарушением свободы лишь в западном, либертарианском понимании этого вопроса. Мечников же считал данный строй более близким к понятию демократии, нежели американская демократия или английский парламентаризм. Это становится заметным также при

¹ Мечников Л. И. Община и государство в Швейцарии ... С. 271.

² Там же. С. 288.

анализе взглядов Мечникова относительно сущности социального прогресса. Подлинная свобода всегда начинается с ограничений. Первоначально их накладывает общество, но по мере развития самосознания граждан они все более и более переходят в самоограничение.

Кроме ряда формальных ограничений община давала швейцарцу также определенную социальную защиту, что было редкостью в те времена: «Швейцарская конституция формально не признает за своими гражданами права умереть с голоду: полицейский в каждом швейцарском городе обязан подбирать на улице каждого нищего, не затем, что бы сажать его в кутузку, а что бы доставить его в его общину, которая, в свою очередь, обязана дать ему кров и хлеб»¹.

Вполне очевидно, что преимуществ общины в Швейцарии было больше, чем недостатков, и Мечников доказывал это простым примером: «Таким образом, становится легко понятным, почему в швейцарских кантонах, даже при высоком уровне промышленного развития, не возникает больших городов. Работник нелегко покидает общину, которая дает ему кусок хлеба и возможность жить на чистом воздухе в своей избе. С другой стороны, предприниматели также находят выгодным заводить свои фабрики в деревнях»². Удивительно, но и в наши дни эта тенденция не изменилась. Поныне современная Швейцария отличается тем, что большая часть ее населения проживает в относительно маленьких городах и селах. Лишь пять швейцарских городов обладают населением больше ста тысяч человек, и даже население самого крупного из них, Цюриха, не доходит до полумиллиона. Этим Швейцария выгодно отличается от других индустриально развитых государств: «Современный индустриализм преобразил фабричного работника в бездомного кочевника, для которого отечество пустое слово, и все помыслы которого невольно поглощены ожесточенною борьбой с предпринимателем из-за надельной платы. Для общинника напротив родина есть *Alma parens*, действительно дорогая мать-кормилица, которая не забывается

¹ Мечников Л. И. Община и государство в Швейцарии ... С. 289.

² Там же. С. 290-291.

никогда... Тот, кто получает свой хлеб от другого, не может считать себя независимым»¹.

Конечно, во времена Мечникова швейцарская община переживала не лучшие времена. Все-таки она представляла собой определенный, хотя и не плохой, пережиток средневековья. С началом индустриального роста общинное земледелие медленно уходило в прошлое. Общинные стада, как правило, представляли собой совокупность частных стад, общинные поля и луга сдавались в аренду, а общинное производство трансформировалось в кооперативное, что тоже неплохо². Таким образом, ее чисто экономическое значение со временем уменьшалось, но ее политическая функция сохранилась. Даже в наше время община в Швейцарии является единицей местного самоуправления, а любой швейцарец является, прежде всего, общинником, а уж затем жителем кантона и гражданином страны. Вполне очевидно, какое влияние этот факт оказывает на мировоззрение швейцарцев. Вместо абстрактного «я здесь проживаю», человек, владеющий и управляющий своей землей, как собственник, пусть и на паритетных основаниях с другими общинниками, должен значительно бережнее и ответственнее относиться к родному краю. Учитывая, насколько плохо обстоит ситуация в большинстве стран с местным самоуправлением, и прежде всего с вовлеченностью граждан в этот процесс, у Швейцарии и теперь есть, чему поучиться.

1.4 Критический анализ мальтузианства в работах Л.И. Мечникова

Статья Мечникова «Проекты аграрных преобразований в Англии», опубликованная в 1883 году, является одной его из последних публикаций в журнале «Дело». Тема этой работы представляет ценность для понимания сущности процессов аграрных и промышленных преобразований, происходивших в Англии в Новое время. Эти процессы, известные как «Британская аграрная революция» и «Промышленная революция в Англии», были первыми в череде

¹ Мечников Л. И. Община и государство в Швейцарии ... С. 291.

² Мечников Л. И. Очерки швейцарской жизни и нравов. II. В горах ... С. 11-13.

аналогичных революций в других странах, и вместе с тем наиболее показательными в плане исследования процесса перехода от феодализма к капитализму. В этой работе Мечников подверг критике мальтузианство, являвшееся своеобразной попыткой осмыслить некоторые негативные явления, такие, как нищета и голод, которыми сопровождался вышеназванный процесс для части населения.

Концепция, о которой идет речь, изложена английским священником и ученым Томасом Мальтусом (1766 – 1834) в работе «Опыт закона о народонаселении»¹. Суть его концепции заключалась в следующем. Согласно теории Мальтуса, население Земли растет в геометрической прогрессии, в то время, как рост производства продовольствия происходит в алгебраической². Со временем из-за нехватки продовольствия начинаются голод и войны за ресурсы, что приводит к временной депопуляции. Соответственно, с точки зрения Мальтуса, чем меньшим будет население страны, тем выше будет его благосостояние.

Свой закон Мальтус вывел по аналогии с законом природы: «Природа щедрою рукой рассыпала зародыши жизни в обоих царствах, но она бережлива относительно места и пищи для них. Без этой предосторожности одного населения земли было бы достаточно, чтобы в несколько тысячелетий покрыть людьми миллионы миров, но настоятельная необходимость сдерживает эту чрезмерную плодовитость, и человек наравне с прочими живыми существами подчинен закону этой необходимости»³.

Уже в этой аналогии заключается его первая ошибка. В своих рассуждениях Мальтус прибег к редукционизму, т.е. к попытке объяснить явление высокого порядка через законы, действующие на более простом, в данном случае биологическом уровне. Однако, как нельзя охарактеризовать различия живого и неживого на субатомном уровне, также нельзя объяснить явления общественной

¹ Мальтус Т. Опыт закона о народонаселении. Пер. И. А. Вернера. М., 1895. Вып. 3. 250 с.

² Там же. С. 10.

³ Там же. С. 10-11.

жизни на уровне биологии, что убедительно доказывал Мечников в своей работе¹. Закон, описанный Мальтусом, действительно существует в мире живого, и помимо прочих факторов регулирует численность биологических видов. Очевидно, что он влиял на популяцию древнего человека, так же, как на популяцию, например, волков. Однако с тех самых пор, как человек изобрел орудия труда и перешел от простого собирательства и охоты к возделыванию земли и скотоводству, в отношении человека стали действовать в значительной степени иные законы – общественные. То же можно отнести и к критике социал-дарвинизма, который являлся в некоторой степени развитием идей мальтузианства.

Хотя теория Мальтуса базируется на законах природы, можно предположить, что на его взгляды в значительной степени повлияли наблюдаемые им экономические и демографические процессы, происходившие во время промышленной революции в Англии. Причем в то время, когда потери для самой незащищенной части общества были максимальными, а дивиденды от заверченной промышленной революции для этих слоев еще не были ощутимыми.

Примерно с XVI до середины XIX в. в Англии проходил процесс, названный в отечественной историографии «огораживаниями»². Данное явление заключалось в насильственной экспроприации общинных земель, которая сопровождалась изгнанием крестьян и уничтожением их жилья. Причиной данного явления было интенсивное развитие овцеводства. Англия в это время активно развивалась как морская торговая держава, однако едва ли не единственным английским товаром, который приносил высокую прибыль торговцам, было высококачественное шерстяное сукно. Поскольку оно приносило устойчивые доходы, большинство лендлордов превращали свои поля в пастбища для овец. Но тут же возникала проблема, связанная с тем, что овцам для выпаса были необходимы большие пастбища, однако для ухода за ними не требовалось

¹ Мечников Л. И. Школа борьбы в социологии // Цивилизация и великие исторические реки. М. : Пангея, 1995. С. 195-196.

² Семенов В. Ф. Огораживания и крестьянские движения в Англии XVI века. М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1949. С. 3.

слишком много людей. Поэтому большинство крестьян буквально выгоняли из их домов. Отсюда другое ироническое название этого явления: «Овцы съели людей», которое навеяно «Утопией» Томаса Мора: «Ваши овцы. Обычно такие тихие, питающиеся так скудно, ныне, как говорят, стали они такими прожорливыми и неукротимыми, что пожирают даже людей, опустошают и разоряют поля, дома, города. Как раз в тех частях королевства, где производится более тонкая и поэтому более ценная шерсть, там знатные и благородные господа, даже некоторые аббаты, святые мужи недовольны теми ежегодными доходами и прибылью, которые обычно получали от владений их предшественники. Им недостаточно того, что, живя в праздности и богатстве, они нисколько не полезны обществу, если только не вредны ему. Для пашни они ничего не оставляют, все занимают пастбищем, ломают дома, разрушают города, оставляя лишь только храм под овечий хлев. И, словно мало земли, губят у вас лесные выгоны и заповедники для дичи, – эти добрые люди обращают в пустыню вдобавок еще и все живое, все, что только было возделано. Следовательно, держателей вышвыривают оттого, что один ненасытный обжора, жестокая чума в Отечестве, распространив поля, окружает несколько тысяч югеров единым забором»¹.

У оставшихся без средств к существованию людей был небольшой выбор. Часть из них отправлялись в города, и они заложили основу будущего пролетариата. Большое количество рабочих рук и активно развивающаяся текстильная промышленность привели к индустриализации, поэтому неслучайно, что в Англии, первой из всех стран, произошел промышленный переворот. Вторая часть населения была вынуждена отправиться в английские колонии, в т.ч. Америку и Австралию.

Наконец, существовала последняя, наименее удачливая часть безземельных крестьян, которых называли «паупер», т.е. нищий, отсюда и название массового обнищания – пауперизм. Оставшись без средств к существованию, они скитались вдоль дорог, занимаясь воровством или попрошайничеством. Разумеется, власти желали как можно быстрее избавиться от этой категории граждан, что они делали

¹ Мор Т. Утопия. М. : Наука, 1978. С. 132-133.

наиболее простым и радикальным способом. Никогда прежде в Англии не было столько виселиц, как в эту эпоху. В середине XVIII века этой мерой наказания карали даже за карманные кражи.

Вполне возможно, именно этих несчастных Мальтус принял за жертв «перенаселения», однако, как мы сейчас понимаем, их нужда и голод были связаны с другими факторами. Напротив, вывод Мальтуса, что чем меньше будет население страны, тем будет лучше для самого населения, как бы представлял моральное оправдание действиям правящего класса.

К середине XIX века, когда Мальтуса уже не было в живых, а Мечников писал свои работы, положительные плоды аграрной революции были очевидны. Голод постепенно отступал в прошлое, т.к. возросшая производительность труда и рост урожайности за счет технического прогресса позволили производить в несколько раз больше продуктов на одного крестьянина, чем раньше, что позволило обеспечивать едой численно возросшие города. А промышленные товары сделали жизнь человека легче. Еще более очевидным это стало с появлением механизации, а затем и автоматизации труда. В далеком прошлом остался массовый голод в развитых странах. Само время доказало ошибочность взглядов Мальтуса.

Едва ли можно воспринимать всерьез опасения Мальтуса о перенаселении Земли. Бессмысленность этих эсхатологических ожиданий Мечников продемонстрировал достаточно убедительно: «Если закон этот должно понимать только в смысле мрачного предостережения, что когда-нибудь, в совершенно неопределенном будущем, земной шар окажется настолько перенаселен, что люди при всевозможных технических усовершенствованиях и социальных приспособлениях не в состоянии уже будут доставать себе питательные вещества, в таком случае наперед уже можно бы было решить, что закон этот не имеет решительно никакого социологического значения. Астрономы полагают же, например, что солнечная теплота должна со временем оскудеть, угрожая не только целой Земле, но зараз уже и всем планетам с их спутниками неизбежную гибелью. Немного выиграет род людской от того, что вместо смерти от голода

исчезнет от мороза»¹. Действительно, весьма вероятно, что род человеческий не вечен (хотя мы и не можем знать этого наверняка), а упоминаемая Мечниковым проблема «тепловой смерти Вселенной» является одним из многих, хотя и вероятно самым отдаленным сценарием гибели человечества. Однако он совершенно справедливо заметил, что даже потенциальная гибель человечества в будущем не является оправданием для потери человечности в настоящем. Ведь пока жив человек, он стремится облегчить и улучшить свое существование, даже, несмотря на то, что, увы, сознает свою смертность. Так и все общество в целом должно бороться за лучший мир для живущих людей, и тем самым, насколько это, возможно, передать лучшие ценности будущим поколениям. Что же касается бестолкового пророчества о якобы неизбежной гибели человечества от голодной смерти, то как верно заметил Мечников, оно не только вредно для ныне живущих людей, поскольку неспособно облегчить жизнь страждущих, но также бесполезно для будущих поколений, которые, по Мальтусу, все равно «обречены» на голодную смерть. Вот только сам факт, якобы неизбежного в будущем перенаселения Земли, в настоящее время можно оспорить.

Действительно, еще несколько десятков лет назад, в середине XX века, такие опасения казались вполне обоснованными, что подкрепляло уверенность неомальтузианцев. Однако в последние десятилетия в процентном отношении рост населения Земли стал замедляться. Более того, в развитых странах произошел так называемый «демографический переход», т.е. снижение рождаемости до уровня простого воспроизводства населения, а зачастую и ниже этого уровня. Так, известный ученый и популяризатор науки С.П. Капица в исследовании «Общая теория роста человечества» на основе системного анализа приводит такой прогноз: «Оказалось возможным установить соответствие между свойствами, часто отвлеченными, математической модели и представлениями наук о человечестве и человеке. Это привело к пониманию природы демографического перехода, который сейчас переживает человечество при

¹ Мечников Л. И. Школа борьбы в социологии ... С. 177.

стабилизации населения нашей планеты на уровне 12-13 млрд, отвечающей представлениям и расчетам демографии»¹.

Заметно, что наибольшая рождаемость наблюдается в странах с более бедным населением, в которых постиндустриальные процессы еще практически отсутствуют. Можно ожидать, что по мере завершения процессов индустриализации в странах третьего мира, этот переход произойдет повсеместно. Далее ученый пишет: «В настоящее время наиболее существенно то, что человечество переживает демографический переход. Это явление состоит в резком увеличении скорости роста популяции, сменяющемся затем столь же стремительным ее падением, после чего население стабилизируется в своей численности. Этот переход уже пройден, так называемыми развитыми странами, и теперь подобный процесс происходит в развивающихся странах. [...] В современном взаимосвязанном мире переход завершится меньше чем через 100 лет и произойдет гораздо быстрее, чем в Европе, где аналогичный процесс начался в середине XVIII в.»².

Причин у этого явления несколько, и, разумеется, Мальтус не мог о них знать. Во-первых, если в аграрном обществе дети становились помощниками для своих родителей еще с ранних лет, то в современном обществе в экономическом отношении они скорее являются «обузой». Действительно, требования к квалификации современных работников настолько высоки, что люди вынуждены тратить на получение образования едва ли не треть своей жизни. И, как правило, большую часть финансовых издержек несут родители. Поэтому многие из них, трезво оценивая свои силы, сознают, что воспитать и выучить больше одного – двух детей у них вряд ли получится. В конце концов, многие современные люди в молодости слишком заняты своей карьерой.

Во-вторых, существуют некоторые внеэкономические факторы, сдерживающие рождаемость в развитых странах. Общественная жизнь стала настолько активной и насыщенной, что она отнимает у современного человека

¹ Капица С. П. Общая теория роста человечества: Сколько людей жило, живет и будет жить на Земле. М. : Наука, 1999. С. 11.

² Там же. С. 18.

большую часть его времени. Молодые люди зачастую просто не хотят тратить время на рождение и воспитание детей, по крайней мере в молодом возрасте. Этому способствует современная массовая культура с ее индивидуалистическими, эгоцентричными установками культа молодости, активного образа жизни, ориентации на самореализацию, творческое самовыражение, которые не всегда сочетаются с традиционными семейными ценностями. И хотя тенденция к снижению рождаемости по мере роста благосостояния, стала более отчетливой в настоящее время, она все же была отмечена еще Мечниковым: «Проследим ли мы в одной какой-нибудь стране возрастание за различные промежутки времени цифр населения параллельно с суммой наличных богатств – и тут мы решительно неспособны усмотреть требуемой Мальтусом функциональной зависимости. Вообще в цивилизованных странах прогрессия возрастающего населения (по Мальтусу, будто бы геометрическая) приметно отстает от прогрессии богатств (по Мальтусу, будто бы арифметической). Упрочивающееся благосостояние повсюду не только не обнаруживает склонности вызывать усиленную деторождаемость, а действует в диаметрально противоположном направлении. В Древнем Риме параллельно с накоплением богатств обнаружилось такое общераспространенное отвращение от производства на свет себе подобных, что явилось поползновение в законодательном порядке налагать штрафы на холостяков и поощрять государственными мерами рождение младенцев. В любом современном государстве, в любом большом городе можно очень явственно проследить, что нищета, являющаяся в мальтузианском мировоззрении прямым последствием перенаселенности, в действительности оказывается, наоборот, коренною причиною усиленной рождаемости»¹.

Ошибочность идей Мальтуса была очевидна также для многих других его современников. Немало критики в адрес мальтузианства высказали К. Маркс и Ф. Энгельс. Замечания о Мальтусе и его законе можно встретить во многих их работах, и, как правило, они весьма нелестны. Так, Энгельс характеризовал мальтузианство, как «самую грубую, самую варварскую систему из всех когда-

¹ Мечников Л. И. Школа борьбы в социологии ... С. 178.

либо существовавших, систему отчаяния, втоптавшую в грязь все прекрасные речи о любви к человеку...»¹.

В работе «Наброски к критике политической экономии» он подверг резкой критике его закон о народонаселении: «Вся система Мальтуса построена на следующем расчёте. Население возрастает якобы в геометрической прогрессии: $1+2+4+8+16+32$ и т. д., производительная сила земли – в арифметической прогрессии: $1+2+3+4+5+6$. Разница очевидная, устрашающая, но верна ли она? Где доказано, что производительная способность Земли растёт в арифметической прогрессии? Площадь обрабатываемой земли ограничена – допустим. Рабочая сила, применяемая на этой площади, возрастает с ростом населения; допустим даже, что величина урожая с увеличением затрат труда не всегда повышается в той же степени, что и труд; тогда остаётся ещё третий элемент, не имеющий, конечно, для экономиста никакого значения, – наука, а её прогресс также бесконечен и происходит, по меньшей мере, так же быстро, как и рост населения. Какими успехами обязано земледелие этого века одной только химии, даже только двум лицам – сэру Гемфри Дэви и Юстусу Либиху? Но наука растёт, по меньшей мере, с такой же быстротой, как и население; население растёт пропорционально численности последнего поколения, наука движется вперёд пропорционально массе знаний, унаследованных ею от предшествующего поколения, следовательно, при самых обыкновенных условиях она также растёт в геометрической прогрессии. А что невозможно для науки? Смешно, однако, говорить о перенаселении, пока «долина Миссисипи имеет достаточно неводеланной земли, чтобы туда можно было переместить всё население Европы»². Следует отметить, что рассуждения Энгельса не вполне безупречны, ведь действительно крупный рост производительности труда в сельском хозяйстве начался уже после того, как Мальтус сформулировал свои идеи. С другой стороны, закон Мальтуса теоретически работает только при «перенаселённости», т.е., когда земли не хватает, но, как отмечалось выше,

¹ Маркс К. и Энгельс Ф. Наброски к критике политической экономии // Сочинения. 2-е. изд. М. : Госполитиздат, 1955. Т. 1. С. 546.

² Там же. С. 568.

никакого естественного перенаселения в Англии не было, зато был процесс искусственного обезземеливания крестьян крупными землевладельцами.

Маркс также, не стесняясь в выражениях, подверг критике Мальтуса в первом томе «Капитала». Кроме собственно указаний на то, что закон о народонаселении при проверке фактами законом не является, Маркс обвинял Мальтуса в присвоении идей ряда современных ему экономистов¹.

Определенную критику в адрес Мальтуса высказал британский историк Арнольд Тойнби (1852 – 1883). В исследовании «Промышленный переворот в Англии в XVIII столетии» он также уделил внимание мальтузианству, как некоторой попытке дать анализ социально-экономическим процессам той эпохи. Впрочем, с точки зрения Тойнби, анализ этот был ошибочным, как и вся идеология Мальтуса: «Ни в одной системе, утверждал он (Мальтус), нельзя достигнуть такого счастья. Людские страдания являются не результатом человеческой несправедливости и дурных учреждений, а следствием неумолимого закона природы, в силу которого население стремится перерастить средства к существованию. Этот закон в течение немногих поколений уничтожил бы действие наилучших учреждений, какие только могла придумать человеческая мудрость»².

Из русских мыслителей одним из первых, кто подверг мальтузианство критике, был П.Н. Ткачев. Он не стал прибегать к эмоциональным обвинениям Мальтуса в человеконенавистничестве. Напротив, Ткачев характеризовал его как «человека очень сильного ума, привыкшего мыслить самостоятельно и логично»³. Более того он отмечал редкий экономический талант у Мальтуса. Впрочем, Ткачев иронизировал: «Редко кто из экономистов обладал таким искусством, как он, группировать факты и делать из них широкие обобщения. А между тем, несмотря на эту силу мысли и на это искусство распоряжаться своими

¹ Маркс К. и Энгельс Ф. Капитал. Том 1. // Сочинения. 2-е. изд. М. : Госполитиздат, 1960. Т. 23. С. 515.

² Тойнби А. Промышленный переворот в Англии в XVIII столетии. М. : Либроком, 2011. С. 167.

³ Ткачев П. Н. Мальтус. Опыт о законе народонаселения // Сочинения: в 2 т. М. : Мысль, 1975. Т. 1. С. 273.

материалами, едва ли когда-нибудь человек мыслящий делал такие промахи и доходил до таких абсурдных выводов, как Мальтус»¹.

Ткачев считал, что идея Мальтуса о двух прогрессиях является не научной, она не подкреплена объективными данными, и, в целом, опровергается наблюдениями: «Свои знаменитые прогрессии Мальтус, несмотря на то, что он придает им огромную важность, почти совсем не доказывает; он высказывает их в виде какого-то откровения на первых шести страницах своего исследования, и потом, приняв это откровение за несомненную истину и вообразив, что эта истина уже вполне доказана, он строит на ней свою теорию»².

Ткачев также в иронической форме отмечал некоторую неуместность призыва Мальтуса жить скромнее, и довольствоваться малым к беднякам, а не к господствующим слоям, которым, несомненно, не приходилось стеснять себя в еде. Он считал, что Мальтус создал своеобразную идеологию господствующего класса, а вовсе не объективный закон: «Никто еще до Мальтуса не воплощал эгоистического интереса торжествующего меньшинства с таким грубым цинизмом, и с таким мнимо ученым видом»³.

Но, пожалуй, наиболее основательно к критике мальтузианства в то время подошел именно Л.И. Мечников. Свою статью он начал с рассуждений об итогах и издержках промышленной революции в Англии: «Приверженцы капиталистического строя [...] должны принимать это английское зло за возможный минимум несовершенств, присущий всем человеческим и историческим учреждениям: иначе пусть они скажут нам, какой другой капиталистический культурно-исторический строй [...] остался более чист от английских язв пауперизма, лицемерия и бездушного эксплуататорства?»⁴.

Мечников, конечно, немного преувеличивал; ведь он сам указывал, что некоторые страны, например Швейцария, решили эту задачу с меньшими потерями, однако общая его идея верна. Построить индустрию без потерь для

¹ Ткачев П. Н. Мальтус. Опыт о законе народонаселения ... С. 273.

² Там же.

³ Там же. С. 279.

⁴ Мечников Л. И. Проекты аграрных преобразований в Англии // Дело. 1883 № 1. С. 61-62.

живущих поколений невозможно. Увы, история не раз показывала, насколько жестокой может быть индустриализация.

Как и Ткачев, он не стал обвинять Мальтуса в лицемерии, а его теорию в преднамеренной лжи. Мечников был далек от того, чтобы называть Мальтуса «шарлатаном», как это делали Маркс, и многие другие. Его критика носила иной, более взвешенный характер. Он доказывал, что Мальтус был убежден в том, что он пишет, и позитивно отзывался о его неприкрытой манере излагать непопулярные идеи: «Мальтус не отрицает, что просвещеннейшие народы Европы, в том числе и [...] английская нация, живут людоедством, точно так же, как самые кровожадные из диких островитян Тихого океана. Он не отрицает, что весь прогресс, все усовершенствования цивилизации заключаются только в утончении искусства обращать плоть и кровь побежденного в жизненном состязании врага в очень разнообразные и вкусные произведения кулинарного искусства, в неисчислимые продукты просвещенной роскоши. Он готов признать, что благодаря именно этому искусству пожирательная способность просвещенных победителей становится безмерно ненасытнее, чем волчий аппетит счастливого дикаря, пожирающего свою жертву живьем и сырьем на самом месте побоища. [...] Избегнуть печальной участи медленно пожираемого на этой каннибальской оргии – есть только одно средство: не родиться»¹.

Более того, Мечников показал, что взгляды Мальтуса были весьма смелыми и оригинальными для своего времени, и отчасти даже предвосхитили «Происхождение видов» Чарльза Дарвина. Мечников также отметил, что именно Мальтус, задолго до появления учения Дарвина и его некорректной социал-дарвинистской интерпретации, одним из первых высказал идею «о борьбе за существование», которое Мальтус рассматривал в качестве движущей силы общественного прогресса: «Дарвин и Уоллес знали очень хорошо, что они применяют к биологической области закон, более полувека тому назад уже примененный к обществознанию Мальтусом, и сами они, конечно, нисколько не помышляли обновлять социологию этим своим глубоко осмысленным

¹ Мечников Л. И. Проекты аграрных преобразований в Англии ... С. 67.

применением»¹. Поэтому Мечников не был склонен вовсе отрицать какое бы то ни было положительное значение идей Мальтуса.

Однако мириться с этой откровенно антигуманной позицией Мечников не желал, и доказывал ошибочность его взглядов. Так, Мечников отмечал, что Мальтус хотя и открыл, скорее интуитивно, закон «о борьбе за существование» в природе, но применял его к обществу совершенно бездоказательно и необоснованно: «Коренная ошибка учителя и вся экономическая несостоятельность его учения заключается единственно в том, что он, так сказать, ошибся ведомством, т.е. принял закон зоологический или биологический за закон политико-экономический, а следовательно социологический. Альфред Россель, Уоллес и Дарвин слишком блистательно показали, что мальтузианский закон безусловно верен в применении к растительной и животной жизни, где борьба за существование является могущественным фактором возникновения и развития новых органических форм, а следовательно и прогресса»².

Как отмечал Мечников, Мальтус представил свой закон не просто как общественный или биологический, но как Божественный: «Мальтус в свободное от своих воскресных занятий время усмотрел, что эта борьба каждого против всех только по внешности кажется служащею исключительно узкоэгоистическим корыстным интересам состязающихся. В сущности же, пожирая ближнего в необузданном экономическом состязании, мы исполняем, хотя бы и сами о том не ведая, великий провиденциальный закон, закон благодетельный по преимуществу, так как им обеспечивается прогресс цивилизации и совершенствование человеческого рода. Таким образом, оказывается, будто бы обуздывающий свои корыстолюбивые побуждения не только не совершает тем самым нравственного поступка, но, скорее, даже заслуживает порицания, как солдат, уклоняющийся от битвы с неприятелем, низводит свое собственное значение на степень нуля, и тем как бы обманывает расчеты, возложенные на него провидением. Еще хуже, в смысле этого учения, поступает тот, кто вздумает из

¹ Мечников Л. И. Школа борьбы в социологии ... С. 176-177.

² Мечников Л. И. Проекты аграрных преобразований в Англии ... С. 72.

чувства человеколюбия оказывать поддержку слабым и беспомощным, затертым беспощадною конкуренциею, потому что таким образом как будто извращается благой закон борьбы, сохраняется негодный для коллективного предприятия субъект, который непременно должен занять место, будто бы приготовленное на жизненном пиру для более состоятельного бойца, нанося, таким образом, известный ущерб не только этому незаконно устраняемому сопернику, но и прогрессивному развитию дальнейших поколений»¹.

Мечников, вероятно, полагал, да и мы не станем отрицать очевидного, что конкурентная борьба в известных пределах может содействовать прогрессу в той или иной области общественных отношений. Критика же Мечникова заключалась в другом. Он справедливо указывал, что эту конкурентную борьбу нельзя возводить в абсолют, представлять ее, как единственную движущую силу прогресса, как стержневой закон в социологии. Да, полагал он, конкуренция в обществе существует, но не она одна способствует социальному прогрессу. Более того, конкуренция в обществе выглядит иначе, нежели в дикой природе, где действительно «выживает сильнейший» или самый приспособленный вид.

Но вернемся к основной идее Мальтуса, которая гласит, что, по мере роста населения борьба за выживание между людьми также должна усиливаться и обостряться, как это, например, происходит в дикой природе. Удивительной особенностью общества является то, что по мере роста населения страны, реальное благосостояние граждан не только не уменьшается, но в большинстве случаев возрастает. Это является очевидным проявлением принципиально более сложных экономических и демографических законов, которые Мальтус не сознавал. Напротив слишком низкая плотность населения в современном мире является фактором, сдерживающим развитие, так как в действительности, чем меньше население страны, тем обычно выше инфраструктурные затраты на каждого человека в отдельности, что отмечал также Мечников: «Если же признать, будто этот закон в каждый данный момент уже теперь благодеянием непрестанной грызни и беспросветной нищеты менее стойких бойцов спасает

¹ Мечников Л. И. Школа борьбы в социологии ... С. 174-175.

каждую данную страну от перенаселения, а цивилизацию от застоя, то с первых же шагов натыкаешься с ним на непреодолимые препятствия и противоречия. Прежде всего, бросается в глаза, что населенность и нищета нигде не состоят между собою в функциональном отношении. Россия, например, при 12 душах населения на 1 квадратную версту пользуется гораздо меньшею экономической обеспеченностью, чем Франция, населенная в пять или шесть раз гуще ее, и при этом мы не имеем ни малейшей возможности утверждать, будто борьба за существование во Франции ведется с большим ожесточением, чем у нас. А это уже прямо ведет к противомальтузианскому заключению, что успешность экономических приспособлений в данном обществе не соизмеряется ожесточением борьбы, что цивилизация, даже в современном несовершенном своем значении, обеспечивается вовсе не многочисленностью контингента вымирающего от нищеты и голятьбы. А о других каких-нибудь факторах во всем мальтузианстве нет и речи»¹.

Но что же с двумя прогрессиями, которые отметил Мальтус? Мечников отмечал теоретическую несостоятельность этого подхода. В качестве контраргумента он напомнил о роли кооперации или, выражаясь современными терминами, синергии труда: «Артель в 50 рабочих [...] шутя исполняет такие работы, которые 50 Робинзонов не могут исполнить ни в какой промежуток времени [...] Таким образом, получается, что 50000 населения процветают и благоденствуют на таком клочке земли, на котором прежде 50 человек нищенствовали и умирали с голоду, так как многолюдная человеческая колония может проводить оросительные каналы, прокладывать дороги, заводить общественные отношения и усиливать производственные ресурсы территории по сотням и по тысячам таких направлений, о которых в мире биологическом или в фиктивном мире Робинзонов, не может быть и помина»². Впоследствии Мечников активно развивал эту идею в работе «Цивилизация и великие исторические реки»,

¹ Мечников Л. И. Школа борьбы в социологии ... С. 178.

² Мечников Л. И. Проекты аграрных преобразований в Англии ... С. 73-74.

указывая, что именно совместный, направленный и достаточно организованный труд позволил возникнуть первым цивилизациям у великих рек.

Более того, Мечников предпринял попытку проверить приведенные Мальтусом в качестве доказательства статистические данные, и пришел к выводу, что они были фальсифицированы. На основе анализа статистики из США и ряда других стран он пришел к прямо противоположному выводу¹. Действительно, в этих странах наблюдался рост населения, однако производство продовольствия не только не отставало от этого роста, но и превалировало над ним. Тем самым Мечников выбил последние аргументы в пользу закона о народонаселении.

Увы, во второй половине XIX в. эта откровенно устаревшая теория пережила второе рождение в виде социологической концепции социал-дарвинизма, который Мечников классифицировал, как «школу борьбы в социологии», то есть учение, рассматривающее в качестве движущей силы социального прогресса тезис о борьбе за существование, который, в сущности, пытался обосновать еще Мальтус, но ставший в то время вновь популярным благодаря научным открытиям Дарвина. Уже выбранное Мечниковым в качестве эпиграфа к одной из статей высказывание Гесиода: «Пусть хищные звери и птицы грызутся между собою, но у нас есть справедливость»², настолько точно передает суть его критики социал-дарвинизма, что вся остальная работа Мечникова лишь дополняет и доказывает правоту данного выражения. Сам Мечников отмечал громадное значение «Происхождения видов» Ч. Дарвина для естествознания и развития философского реализма в целом³. Он писал о дарвинизме: «Признание основной мысли его учения заставило нас одновременно изменить более или менее существенно очень многие из представлений и воззрений, обращавшихся во всеобщем умственном обиходе с очень давних пор, а также пустило в наш умственный обиход немало и совершенно новых понятий, соответственно которым наш научный или даже публицистический язык обогатился некоторыми

¹ Романенко В. М. Борьба Л. И. Мечникова против мальтузианства, социал-дарвинизма и расизма ... С. 102.

² Мечников Л. И. Школа борьбы в социологии ... С. 152.

³ Там же. С. 153.

новыми словами и выражениями. В употреблении этих новых выражений и слов мы не всегда даем себе труд тщательно уяснить себе самим их точный смысл и значение»¹. Под «новыми выражениями» Мечников имел ввиду конечно тезисы о «естественном отборе» и «борьбе за существование», факт существования которых в природе он не подвергал ни малейшему сомнению. Однако он напоминал, что даже сам Дарвин, выводы учения которого современные Мечникову социологи с энтузиазмом пытались экстраполировать на общество, не был склонен необоснованно расширять сферу действия этих законов: «он считал свой закон борьбы за закон чисто биологический, т.е. применимый только к очень определенному разряду явлений и столь же недействительный у низших пределов оформленного органического бытия, как недействителен закон всемирного тяготения в первобытном хаосе»².

Таким образом, Мечников напоминал, что мир состоит из систем разного порядка, в котором законы, характерные для более общих систем, не объясняют специфики функционирования систем высокого порядка, хотя формально общие законы из этих частных систем никуда не исчезают, что Мечников наглядно продемонстрировал одним примером: «Теоретическая несостоятельность подобного рассуждения, казалось бы, должна сама собою бросаться в глаза. На таком же точно основании можно ведь построить и нижеследующий силлогизм: Ньютон показал, что весь солнечный мир управляется законом всемирного тяготения; растительные, животные организмы живут в солнечном мире; а следовательно, биологическая эволюция не может быть продуктом ничего, кроме закона всемирного тяготения. Таким рассуждением сразу упразднялись бы и дарвинизм, и эволюция, и всякая научная биология. Но Дарвин своим законом борьбы ведь и не думал освобождать или изымать биологический мир из-под власти всемирного тяготения. Во всем дарвинистском учении нет решительно ничего, позволяющего нам а priori утверждать, будто в мире культурном и социологическом не существует точно так же свой особый закон, не

¹ Мечников Л. И. Школа борьбы в социологии ... С. 154.

² Там же. С. 158.

упраздняющий животной борьбы за существование, но и не отождествляющийся с нею, точно так же как самый этот закон борьбы, не упраздня закона всемирного тяготения, не отождествляется тем не менее с ним»¹. Именно этого не заметили авторы новых учебников по геополитике, которые характеризовали Л.И. Мечникова, как сторонника социал-дарвинизма². Мечников действительно разделял идеи Дарвина, в частности тезис о «борьбе за существовании», однако же указывал, что применительно к обществу этот закон не является характерным или специфическим, он не способен объяснить явления общественной жизни, и следовательно ведет социологию по ложному пути: «Классицизм приучил нас делить всю природу на три царства: минералогическое, растительное и животное [...]. Старая классификация давно уже не отвечает новым научным требованиям. Недостаток ее не в неопределенности границ между ее «царствами», а в том, что ее отделы не состоят в прямом соотношении с живым процессом развития, который один составляет для нас интересную и подлежащую реалистическому изучению сущность явлений природы. Более соответственным духу новой науки является разделение [...] на три области: [...] неорганическую, исчерпываемую физическими и химическими процессами [...]; биологическую, включающая весь мир желудочных и половых интересов [...]; социологическую – мир коллективностей, мир интересов, выходящих за пределы одиночного биологического существования; мир кооперации, т.е. сочетания не противодействующих, а содействующих достижению одной общей цели сил [...]. Выше уже было замечено, что дарвиновский закон борьбы имеет очень определенную границу снизу, т.е. что он совершенно не нужен для объяснения явлений из той первой области [...]. Утверждать, будто закон этот применим к третьей, т.е. к социологической, области, значило бы добровольно отнимать у слов всякое определенное значение и впадать в ту безразличность, при которой содействие является одною из форм противодействия, а кооперация и

¹ Мечников Л. И. Школа борьбы в социологии ... С. 160.

² Исаев Б. А. Геополитика ... С. 76; Якунин В. И., Зеленов Е. И., Зеленева И. В. Российская школа геополитики ... С. 219-220.

товарищество являются синонимом борьбы»¹. Несмотря на то, что идеи мальтузианства и социал-дарвинизма оставались популярны еще долгое время, вплоть до конца Второй мировой войны, а отчасти, благодаря различным демагогам крайне правого толка озвучиваются время от времени и в настоящее время, из собственно научной повестки дня они исчезли достаточно скоро, во многом, благодаря усилиям Л.И. Мечникова и других прогрессивных мыслителей.

Сегодня мы живем в мире, который находится на пороге великих перемен, по глубине и масштабу подобных тем, что произошли в Англии в рассматриваемый период. В эпоху промышленной революции это были процессы урбанизации, индустриализации, механизации труда и перехода от феодального строя к капитализму. Негативной стороной этого процесса были многочисленные человеческие жертвы – обезземеленные крестьяне, бесправные рабочие, которые от непосильного труда становились стариками, едва закончится юность. Позитивными итогами этого процесса, которыми не смогли воспользоваться многие поколения, вынесшие на себе всю тяжесть этой ломки, были демократизация, рост продолжительности и уровня жизни, а также материального и культурного достояния человечества.

Теперь мы наблюдаем явления совершенно новые: научно-техническая революция; демографический переход; автоматизация труда, наконец, зарождение и развитие постиндустриального, информационного общества. Какими будут издержки и позитивные итоги этих процессов, предсказать однозначно невозможно. Представляется, что солидарный и взвешенный подход человечества к решению этих проблем может, по крайней мере, снизить издержки до приемлемого уровня. Но что можно сказать с определенностью, это то, что теория Мальтуса и подобные ей, не могут дать нам необходимых ответов на эти вопросы.

1.5 Литературоведческие заметки Л.И. Мечникова

Значительная часть публикаций Мечникова посвящена литературоведческой тематике. Многие его работы знакомили читателей с

¹ Мечников Л. И. Школа борьбы в социологии ... С. 164-165.

итальянской литературой эпохи Возрождения, другие же, напротив, были призваны рассказать о новинках мировой литературы. Однако в контексте данного исследования наиболее интересны публикации, в которых он рассматривал социальные противоречия, запечатленные в художественных произведениях современных ему авторов. Такова, например, биографическая статья «Бальзак и его школа». В произведениях Бальзака, сюжетные линии которых сами по себе его мало интересовали, он рассматривал любопытную эпоху, когда буржуазия завоевывала свои права.

Мечников не испытывал иллюзий относительно современного ему буржуазного строя, а значимость литературного наследия известных в то время писателей он оценивал не слишком высоко: «Их назначение – скорее украшать существующий строй, чем сменять его новым...»¹ – писал он о Бальзаке и ему подобных писателях. «Бальзак, сравнительно с другими романистами своего времени, представлялся своим ценителям настолько глубокомысленным, настолько богатым внутренним содержанием и реально-этическим направлением своих произведений, что многим может даже показаться за совершенную профанацию, что мы причисляем его к ряду «сомнительных» литературных знаменитостей. А между тем беглый очерк, который мы здесь предпринимаем, укажет нам в нем одного из самых рьяных представителей этого типа писателей. [...] макиавеллизм, свойственный этому типу, отличается полным безусловным поклонением перед материальной силой. Это был культ современной эпохи. Во Франции публика этого времени состояла исключительно из двух элементов: одного аристократического, поставленного реставрацией на самое видное и почетное место, так что если бы в нем был хоть малейший остаток жизненности, то он непременно ожил бы под отеческою заботою Людовика VIII и Карла X, но этого не случилось. Другой – буржуазный элемент, даже во время реставрации, уже можно смело назвать преобладающим»².

¹ Мечников Л. И. Бальзак и его школа // Дело. 1870 № 8. С. 245.

² Там же. С. 242.

Еще одну литературоведческую публикацию Мечников посвятил писательнице Жорж Санд¹. Несмотря на то, что она, как и Бальзак, была преимущественно романистом, ее литературное наследие Мечников оценивал намного выше, отмечая равнодушие Жорж Санд к проблемам общества², и прежде всего правам женщин: «Несмотря на то, что по силе чисто художественного таланта она не уступает ни одному из вышеупомянутых романистов [...], в ней прежде всего видели пропагандиста. Ее имя не отделяли от эмансипации женщин, которую она действительно проповедовала в большей части своих повестей и романов [...] Из любимой игрушки читателей того времени, из романа, она сделала орудие борьбы, тем более страшное для противников, что роман через эту метаморфозу в ее руках несколько не утрачивал своей первоначальной привлекательности»³. Конечно, Мечников не мог не отметить некоторую утопичность взглядов Жорж Санд и предлагаемых ею решений, концептуально восходящих к просветителям XVIII века, прежде всего к Руссо. Как и другие утописты, она критиковала современное ей общество, страдавшее от неравенства, и представляла образ нового мира «полного счастья и гармонии»⁴, она ставила перед читателем цель, но не предлагала реалистичных путей ее достижения. Впрочем, это не удивительно.

По мнению Мечникова, задача романа заключалась прежде всего в том, чтобы обличать наиболее острые противоречия существующего общества, в то время как попытка предложить их решение в рамках беллетристического произведения, скорее всего, принесет меньше пользы, чем произведение скромного автора, желающего лишь обозначить эти проблемы. Поэтому он ценил литературное наследие прогрессивных писателей, таких, как Жорж Санд, чьи идеи оказали влияние на развитие общественной мысли, и призывал не умалять их значения, даже если со временем они уже не кажутся передовыми и

¹ Настоящее имя писательницы Амандина Аврора Люсиль Дюпен.

² Мечников Л. И. Жорж Занд. Литературный этюд // Дело. 1870. № 10. С. 162.

³ Там же. С. 163.

⁴ Там же. С. 170.

актуальными: «Деятель, переживший свое время, не может быть выкинут из истории развития пережившего его общества»¹.

Не оставил он без внимания французского писателя Евгения Сю, малоизвестного в наше время, но очень популярного в России в середине XIX в. Мечников характеризовал его, как талантливого и плодотворного романиста, который отличался разнообразием сюжетов и направлений в его многочисленных произведениях. Он положительно оценивал демократическую направленность творчества этого писателя, и тот факт, что он стремился отразить в своих книгах актуальные проблемы французского общества. Среди произведений Сю, пожалуй, наибольшее значение Мечников придавал романам «Парижские тайны» и «Вечный жид». Первый роман изобличал ужасающий уровень обнищания рабочего класса во времена Гизо, в то время как второй был посвящен заметно более старой, но не изжитой полностью проблеме клерикализма во Франции.

Как и в других статьях, посвященных романистам, Мечников высказывал некоторое пренебрежение к литературному и идейному богатству самого жанра романа, отмечая его клишированность и ориентацию на сиюминутный успех². Вместе с тем, он отмечал безусловное положительное влияние этого жанра на общество. Так, он отмечал увеличение числа грамотных среди рабочих, для которых романы были единственным доступным чтением. Он не мог не отметить социальную направленность и пропагандистское значение романов Евгения Сю и многих других авторов, ведь, как писал Мечников, «от осознания зла до стремления к его исцелению едва ли есть даже и один шаг»³.

Иными словами, значение романа и любой беллетристики Мечников видел в просвещении и популяризации демократических идей среди широких слоев населения, для которых иная форма получения знаний недоступна в силу хотя бы ограниченности свободного времени и, в целом, бедственного культурного и материального положения: «Я долго не мог понять, говорил мне профессор во французской Швейцарии, откуда моя кухарка, старая, полуграмотная женщина,

¹ Мечников Л. И. Жорж Занд. Литературный этюд ... С. 164.

² Мечников Л. И. Евгений Сю. Литературный этюд // Дело. 1871. № 2. С. 254.

³ Там же. С. 257.

почерпнула некоторый запас либеральных мыслей или фраз касательно различных социальных и религиозных вопросов. Как-то мне попался под руку один из романов Сю, и я почти слово в слово прочел там эти мысли и эти фразы»¹. Несложно заметить, что при такой постановке проблемы на авторов, создающих свои произведения для массового читателя, налагается заметно большая ответственность, так как именно на них лежит во многом задача просвещения, распространения культуры и духовности.

Поэтому неудивительно, что больше всех романистов Мечников ценил Виктора Гюго, которого он называл не иначе, как королем современной французской поэзии. Впрочем, Мечникова восхищали не только литературный талант великого писателя, но и его гуманистические взгляды, его борьба против угнетения, пыток и смертной казни: «При всем своем поклонении искусству, он никогда не отрешался от общих гражданских и социальных интересов современного ему человечества»². Мечников привел рассказ о его удивительной жизни, полной драматизма.

В. Гюго родился в семье наполеоновского генерала. Его отец, Жозеф Гюго, будучи губернатором одной из испанских провинций, занимался умирением испанских партизан. В отличие от многих своих земляков, он пытался внести в этот процесс хотя бы немного разумности и гуманности, но испанский народ, не желавший мириться с захватчиками, продолжал вести бескомпромиссную войну; продолжались и массовые казни испанских партизан. Мать В. Гюго, Софи Требюше, была роялисткой. Ее взгляды и воспитание сильно повлияли на сына, и способствовали развитию его литературного таланта. Когда Виктор был еще ребенком, его наставник был арестован полицией и казнен. Это обстоятельство и другие душевные травмы детства выразились в том, что Гюго рос с чувством глубокого отвращения к насилию и деспотизму.

По мнению Мечникова, эти переживания воплотились в его произведении «Последний день осужденного». Он привел слова самого Гюго: «При виде

¹ Мечников Л. И. Евгений Сю. Литературный этюд С. 254.

² Мечников Л. И. Виктор Гюго (начало) // Дело. 1871. № 4. С. 162.

человека, живого, здорового, и в то же время осужденного через минуту умереть, ненависть моя к убийце перешла в непреодолимую жалость. Я был поражен тем, что общество хладнокровно, обдуманно, и не подвергая себя никакой опасности, делает преступнику совершенно то же самое, за что оно карает его»¹. Кажется, в этих словах писатель как нельзя лучше выразил чувства противников смертной казни. Они также были близки Мечникову.

Действительно, борьбе против телесных наказаний, в особенности смертной казни, Гюго уделил много творческих сил. И хотя смертные казни продолжались во Франции еще чуть меньше ста лет со дня смерти писателя, он все же добился отмены телесных наказаний. Мечников оценивал Гюго как не слишком удачливого политика, но он высоко оценивал его прогрессивное влияние на общество: «При небогатом запасе систематизированных политических воззрений, Гюго обладает в высшей степени прогрессивно-общественным чутьем, способностью как будто даже помимо воли расшатывать больные зубы общества»².

Особое внимание, и это не удивительно, Мечников уделил роману «Труженики моря»: «Он [...] рисует перед нами действительную жизнь с ее действительными невзгодами и борьбой; это уже не легендарный мир, не лирические картины восточной природы и чудес восточной роскоши, а всем близкое и понятное страдание [...]. Одним словом, в последних произведениях В. Гюго из под художника, отступающего на задний план, сильнее и сильнее пробивается общественный деятель [...]. Борьба Джиллиата с морем – борьба человеческой силы со всеми препятствиями природы и победа над ними составляет главную идею романа. Читатель чувствует, что в драматическом положении Джиллиата скрывается глубокий смысл той постоянной и бесконечной борьбы человека, которую он ведет с враждебными ему стихиями, будет ли это море или общественная жизнь»³.

¹ Мечников Л. И. Виктор Гюго (начало) С. 174.

² Мечников Л. И. Виктор Гюго (окончание) // Дело. 1871. № 5. С. 202.

³ Там же. С. 205-209.

Примечательно, что одного из любимых писателей Сталина (о чем Мечников, конечно, не мог знать) – Эмиля Золя, он оценивал крайне негативно, главным образом в связи со свойственными его творчеству элементами натурализма. Пожалуй, объяснить его неприязнь к творчеству Золя можно, вернувшись к идее ответственности автора перед читателем: «Роман без читателей представляет собой круглый ноль, но роман с большим количеством читателей может быть крупной отрицательной величиной, если его успех рассчитан на потакание грязным инстинктам публики»¹. Мечников считал, что натуралисты подменили характеристику социальной проблематики натуралистическим описанием непривлекательных сторон общественной жизни. Натурализм он рассматривал, как противоположную крайность по сравнению с романтизмом, когда внимание читателя акцентируется не на чувственности отношений, а на максимально точном описании отдельных деталей в произведении, или, по выражению Мечникова, «фотографической точности»². Подобное произведение, даже если и отражает действительность, все же теряет свою воспитательную функцию.

Он также отмечал принципиальное отличие натурализма от реализма: «реализм, не школьный, не мертвый и набиваемый на художественное творчество как колодки, а реализм живой, правдивый, как жизнь, и теплый, как кровь, течет освежающей струей»³. Творчество Золя он называл не настоящим реализмом, а лишь подделкой под него, указывая на то, что Золя подменял реальность какой-то собственной подтасованной и предвзятой теорией. Его успех Мечников называл ситуационным, отчасти связанным с падением империи и спросом на литературу, выставившую свергнутое правительство в неблагоприятном свете, а с другой – потаканием инстинктам публики. Он считал, что некоторые сюжеты Золя предназначены скорее для судебно-медицинской или психиатрической, но вовсе

¹ Мечников Л. И. Новейший «нана-натурализм» (По поводу последнего романа Э. Золя) // Дело. 1880. № 6. С. 43.

² Там же. С. 41.

³ Там же. С. 54.

не для художественной оценки¹. Впрочем, и в литературном отношении он дал Золя нелестную характеристику: «Ему недостает способности проводить ясно и логически свою мысль [...] (она) развивается с какой-то болезненной угловатостью и нестройностью. Он утомляет читателя, не убеждая его. К тому же он дурно владеет языком, употребляя слова в совершенно произвольном значении [...] Как все самоучки, он часто мучительно додумывается до того, что давным-давно уже выяснено. Он носится с какою-нибудь вымученною идеей, как с великим открытием, совершенно не подозревая, что она давным-давно стала достоянием всей читающей публики»².

Сложно сказать, насколько Э. Золя заслужил столь резкую критику в свой адрес. Так или иначе, этот писатель до сих пор сохранил популярность у читающей аудитории. К тому же большинство литературных критиков тогда и сейчас относились к нему заметно лучше, чем Мечников. Однако понять, почему творчество Золя вызвало у него такое отношение, несложно. Для Мечникова важен, прежде всего, прогресс духовный и нравственный, идее которого в той или иной степени служат цитируемые им произведения русских и зарубежных классиков: Гоголя, Достоевского, Гюго, Руссо... Он критиковал Золя за натуралистическое описание отдельных пошлых и неблагоприятных сторон человеческой жизни, но делал это не с позиции ханжества и морализма, а лишь указывая на то, что такие сцены в творчестве Золя представлены скорее для потехи извращенной публики, чем для сколько-нибудь глубокого анализа проблем общественного бытия. Еще лучше понять отношение Мечникова к творчеству Золя помогает его собственная метафора. Он сравнивал отдельные произведения этого автора с зельем гашиша, которое манит публику, погружает в наркотический транс, но не позволяет узнать ничего нового о природе человека и общества, оставляя после себя лишь тяжелое похмелье.

¹ Мечников Л. И. Новейший «нана-турализм» ... С. 48.

² Там же. С. 52.

Выводы по первой главе

Для потомков наиболее значимы научные работы Л.И. Мечникова по географии, социологии и истории, написанные им в последние пятнадцать лет его жизни. Однако его более ранние научно-публицистические работы также имеют немалую ценность для понимания истоков и генезиса взглядов ученого. Особое значение они приобретают ввиду того, что Мечников прожил, увы, относительно короткую жизнь, и далеко не все его задумки и идеи нашли законченное оформление в виде научных работ. Поэтому обращение к его статьям научно-публицистического цикла позволяет точнее и более комплексно реконструировать социофилософскую теорию ученого. Именно этим стремлением объясняется такой выбор сюжетов в первой главе, в каждом из разделов которой собраны и объединены публикации Мечникова, имеющие определенное отношение к главной теме данного диссертационного исследования.

Так, обращение к многочисленным публикациям о П. Прудоне позволяет лучше понять значение и место идей анархизма в социофилософской теории Мечникова, которое, как представляется, было менее значительным, чем предполагалось ранее. Анализируя публикации Мечникова, можно легко доказать, что, хотя он и был увлечен анархическим учением Прудона, все же не разделял большую часть его идеалистических и утопических идей. Анализ этих ранних публикаций Мечникова позволил проследить, как взгляды ученого менялись со временем.

Большой цикл статей Мечникова по социально-экономической тематике также имеет немаловажное значение в контексте данной работы. В частности очевидно, что экономические взгляды Мечникова скорее являлись либеральными. Так, он рассматривал капитализм в качестве закономерного, хотя и не последнего этапа развития общественно-экономических отношений. Данное наблюдение является одним из аргументов в пользу того, что Мечников по своим взглядам был материалистом, а не утопистом, как писали некоторые исследователи, и в чем-то даже был близок к идеям марксизма. Мечников справедливо указывал, что

искусственно задерживая развитие индустриальных сил, ради сохранения текущего общественно-экономического строя в угоду интересам господствующего сословия, Россия рискует оказаться на обочине мировой экономики.

Кроме того, из его экономических статей можно узнать, что, хотя Мечников позитивно относился к идее общины, он все же не был склонен идеализировать это явление, указывая, что классическую крестьянскую общину нужно рассматривать скорее как историческую форму организации общественного труда, которая устарела и не выдерживает конкуренции. По этой причине он считал бесполезными попытки искусственно вдохнуть в нее вторую жизнь в России, и не видел в общине основы для будущего развития и процветания страны. Следует отметить, что данное суждение не противоречит идее коллективной организации труда, которую Мечников, напротив, активно поддерживал. Разница в данном случае в том, что, как, очевидно, полагал ученый, свободные ассоциации будущего должны быть основаны на общности экономических, творческих, научных и иных интересов, в то время как община объединяет людей лишь по месту их рождения, и мало соответствует их собственным интересам и устремлениям. Кроме того, как упоминалось выше, классическая крестьянская община служила интересам не столько самих крестьян-общинников, сколько интересам помещиков, то есть господствовавшего сословия существовавшего за счет феодальной ренты, и в индустриальную эпоху таким архаическим институтам нет места.

Данную идею Мечникова мы также можем отметить при анализе его работ о Швейцарии, где, как он показал, община с ее коллективизмом сыграла очень важную роль в формировании особого государственного устройства страны, которая хотя во многом утратила к концу XIX в. экономическое значение, однако сохранила вплоть до наших дней социальные и политические функции. Кроме того, из его статей о Швейцарии также можно узнать о том, каким Мечников видел оптимальное государственное и политическое устройство страны. Очевидно, что ему были близки идеи глубокого развития форм местного

самоуправления, при котором государство должно превратиться в федерацию свободных коммун. При этом, хотя Мечников не поддерживал идею национального государства, в которое трансформировались многие европейские страны по мере завершения в них процесса буржуазной революции, он все же не был склонен отрицать причины этого явления, и полагал ошибочным игнорирование национальных чувств граждан и культурных различий разных народов, в отличие от многих своих товарищей по революционному делу.

Даже не самый важный, казалось бы, с точки зрения смысловой нагрузки сюжет, посвященный литературоведческим заметкам Мечникова, имеет определенное значение в контексте данной работы. Дело в том, что в своих заметках Мечников занимался не только литературной критикой, но и исследованием социальной роли и влияния современных писателей романистов и их литературных произведений. Он указывал, какое громадное значение имеет популярная литература для распространения грамотности, культуры, гуманистических и демократических идей для той части населения, которая в них наиболее нуждается, но по причине несправедливости общественного устройства не имеет к ним доступа. Следует отметить, что даже в социологии, т.е. в науке, которая зарождалась при жизни самого Мечникова, он видел в первую очередь средство для просвещения населения, возможность рассказать людям о настоящих законах, которые определяют общественные отношения, с тем, чтобы по возможности изменить эти отношения в лучшую сторону. Не удивительно, что даже его первая научная публикация носила название «Землеописание для народа». Поэтому и в литературоведческих заметках Мечникова просматриваются основы его нравственной концепции, и те морально-этические требования, которые он предъявлял своим коллегам – ученым и деятелям культуры.

Но особенно ценными для нас являются его публикации, посвященные критике мальтузианства и социал-дарвинизма. Как и многое из написанного Мечниковым они остаются удивительно актуальными в наше время, помогают лучше реконструировать его социофилософскую теорию. До и после Мечникова с критикой мальтузианства и эволюционизма выступало немало исследователей, но

часто она сводилась лишь к признанию человеконенавистнического характера этих, в общем то схожих учений. Подобная критика, конечно, справедлива, поскольку в рамках теории эволюционизма предполагается, что человеческое общество управляется теми же законами, которые действуют в мире живой природы, а именно – принципом «естественного отбора». В данной этической системе нет места состраданию по отношению к слабым, ведь, как и в дикой природе, в обществе должен действовать принцип «выживает сильнейший» иначе не будет социального прогресса. Понятно, что при такой трактовке нравственных ориентиров легко прийти к идее уничтожения той части людей, которые кажутся лишними, неуместными в обществе, сдерживающими его совершенствование. Такое учение не только не могло ответить человечеству на его «вечные вопросы», но и неминуемо вело его в пропасть. Мечников не только отметил эту, неприглядную сторону эволюционизма, он доказал ошибочность этой теории в основных ее положениях. Можно сказать, что именно из этой критики выросла его собственная социофилософская теория, которая, вопреки учению органицизма рассматривала общество, как уникальную систему, существующую по своим собственным законам, не являющуюся простым продолжением живой природы, и не детерминируемую ее законами непосредственно. Изучение данных публикаций Мечникова важно еще и потому, что его собственную социофилософскую теорию часть исследователей ошибочно причисляют к одному из натуралистических направлений в социологии, будь то географический детерминизм даже органицизм. Хотя, как представляется, Мечников в своих публикация на эту тему отчетливо показал, насколько разнятся его собственные взгляды со сторонниками данного подхода.

Подводя итог, следует отметить, что среди сотен публикаций Мечникова на разные темы, все же нет ни одной такой, которая бы не отражала мировоззрения ученого, и была написана им вопреки его взглядам и совести. В каждой из них, даже казалось бы весьма далекой от темы нашего исследования, можно найти любопытные ремарки и суждения об обществе и его истории. Конечно, это свойство научно-публицистического наследия Мечникова чрезвычайно

затрудняет исследование, но делает его еще более интересным и увлекательным. Выше были представлены довольно разнообразные, иногда на первый взгляд не связанные сюжеты, но все же они объединены общей целью – как можно более точно и комплексно охарактеризовать социфилософскую теорию Мечникова.

2 Историческая концепция Л.И. Мечникова

При всем множестве разнообразных, порою весьма актуальных и поучительных, порою несколько наивных и устаревших, но все же весьма любопытных работ Л.И. Мечникова, особое место занимает одна, его главная книга. В истории науки подобное не является редкостью. Кажется, у большинства известных ученых мы можем встретить труд, который воспринимается, как второе имя породившего его исследователя. В таких работах, как правило, отражаются самые важные идеи, с которыми жил автор, и которые он оставил для потомков: «Критика чистого разума» И. Канта; «Капитал» К. Маркса; «Россия и Европа» Н.Я. Данилевского; «Закат Европы» О. Шпенглера; «Постижение истории» А. Тойнби; «Золотая ветвь» Д. Фрэзера; «Этногенез и биосфера» Л.Н. Гумилёва... список можно продолжать довольно долго. Хотя Л.И. Мечников не является столь же известным в ряду этих корифеев науки и философии, он также завещал нам труд, известный всем, кто знаком с его именем – это «Цивилизация и великие исторические реки»¹.

Для Мечникова это была первая крупная работа по философии истории, она же стала его последним трудом, который был издан лишь после смерти ее автора. Уже только на основании этих обстоятельств можно сказать, что в этой работе воплотились его наиболее зрелые и сформированные взгляды. Действительно, при исследовании жизненного пути ученого создается впечатление, что основными источниками его работы были не привычные книги и документы, а богатейший жизненный опыт, полученный во время путешествий, изучения языков, общения с жителями разных стран, и созерцательного постижения культуры народов мира, в том числе тех его частей, которые прежде мало волновали европейцев. Поэтому и его исследование получилось довольно необычным, немного не систематизированным и несколько эклектичным. Во многом это, конечно, было связано с тем, что книгу, о которой идет речь, был

¹ Léon Metchnikoff. La civilisation et les grands fleuves historiques, avec une préface de m. Élisée Reclus. Paris, 1889. 369 p.

вынужден готовить к печати другой, пусть и хорошо знакомый с Л.И. Мечниковым человек – Э. Реклю. Тем не менее, независимость взглядов Мечникова, оригинальность и актуальность его идей, явно превалируют над незначительными недостатками, и даже в наше время делают целесообразным изучение его работы.

В исследовании Мечникова можно обнаружить сочетание нескольких, на первый взгляд мало совместимых подходов: географического подхода; анархистской философии; материалистического понимания истории; и особого цивилизационного подхода.

Очень часто в исследованиях советского времени Мечникова рассматривали именно, как сторонника географического детерминизма. Действительно, он очень внимательно изучил теоретическое наследие виднейших сторонников этого подхода, и, разумеется, использовал его отдельные достижения. Однако в своей работе он прямо писал, что не является сторонником этого подхода¹. Важно помнить, что географический детерминизм – это архаичное по своей сути учение. Оно основано на верном, в целом, наблюдении, что географическая среда влияет на общество, но представлять это влияние, как непосредственное или своего рода механистическое, явно ошибочно.

Мечников действительно много внимания в своей работе уделил вопросу влияния географической среды, но делал это опосредованно, через призму общественных учреждений и хозяйственной деятельности, и в этом вопросе он был гораздо ближе к материалистическим взглядам К. Маркса и Г.В. Плеханова. Но поскольку в советском ортодоксальном марксизме значение географического фактора несколько преуменьшалось, то Мечникова относили к буржуазным социологам, хотя и без отрицательного акцента.

Не менее сложным является вопрос о роли анархистской этики в учении Мечникова. Как представляется, она воплотилась, прежде всего, в его теории социального прогресса. В качестве критерия прогресса он выделял не просто степень свободы, что было вообще характерно для XIX в., но степень кооперации

¹ Мечников Л. И. Цивилизация и великие исторические реки ... С. 262.

и солидарности между людьми. Он считал, что со временем необходимость в государственной машине отпадет сама собой, когда люди станут достаточно разумными, чтобы работать и достигать компромиссов для общего блага, не прибегая к насилию и принуждению.

Что же касается цивилизационного подхода в работе Мечникова, то тут следует сделать ряд специальных оговорок. Ведь некоторые исследователи, поверхностно ознакомившись с концепцией Мечникова, отчасти обманываясь названием его главной работы, или стремясь подчеркнуть ее актуальность, вписывают Мечникова в один ряд с корифеями этого историко-фисолофского подхода Н.Я. Данилевским, О. Шпенглером и А. Тойнби.

Иные же исследователи и вовсе находят сходство в подходах Л.И. Мечникова и Л.Н. Гумилева. К примеру, такое мнение можно встретить в работе Д.Т. Толгамбаевой. Анализируя проблему перемещения центров передового развития от одних цивилизаций к другим в различные исторические эпохи, она представляет несколько спорную интерпретацию историко-философской концепции Мечникова: «Отдельные народы, выполнив свою культурно-цивилизационную задачу, как бы утрачивают жизненную энергию, творческую силу и дело развития цивилизации переходит к другим народам. В связи с вопросом о причинах расцвета и упадка той или иной цивилизации, Мечников, по мнению диссертанта, обозначил проблему жизненности, длительности исторической возможности созидания того или иного народа»¹. Очевидно подобное описание гораздо лучше бы подошло к пассионарной теории этногенеза Л.Н. Гумилева, что отмечает сама автор цитируемой работы пытаясь сблизить их взгляды, однако именно к теории Мечникова применение подобной интерпретации представляется не вполне корректным. Даже сама Д.Т. Толгамбаева отмечает, что «эта проблема в творчестве Мечникова не нашла завершенного концептуального оформления»². На самом деле, такая постановка проблемы вообще не характерна для трудов Мечникова. Напротив, он доказывал,

¹ Толгамбаева Д. Т. Философско-историческая концепция Л. И. Мечникова ... С. 12.

² Там же.

что приоритет исторического развития перешел от «речных» цивилизаций к «морским» и «океаническим» по причине того, что моря и океаны на определенном этапе развития человечества превратились в удобную среду для развития торговли, и тем самым способствовали развитию цивилизации, а вовсе не по причине утраты «жизненной энергии» старыми цивилизациями. Тем более, что сама Д.Т. Толгамбаева возможно видела отличие концепции Мечникова от концепции культурно-исторических типов Н.Я. Данилевского, и даже указывала, что концепция Мечникова также не явлась формационно-стадиальной.

И все же определенная «цивилизационная» специфика в его работе присутствует. Она заключалась, прежде всего, в том, что Мечников говорил не об одной «цивилизации», а о «цивилизациях». Дело в том, что еще до начала XIX в. в европейской социофилософской мысли господствовало представление о том, что «цивилизация» одна, а различные народы просто находятся на разных этапах ее развития. При этом обычно выделялись народы дикие, варварские и цивилизованные, в основном, конечно, европейские. Более того, европейцы даже отказывали «не цивилизованным» народам в признании факта существования их культуры. Мечников категорически отвергал подобные расистские представления. Так, он писал: «Большинство ученых подразделяют всех обитателей Земли на две группы: группу исторических, или культурных, народов и группу диких народов – «дикарей», или варваров. Однако при более тщательном изучении народов и их быта мы должны будем признать, что подобное разделение покоится на слишком неясных определениях, благодаря чему возможны очень грубые ошибки. Наиболее несчастные и дикие племена, описанные современными или прежними путешественниками, все же обладают кое-какими орудиями, они знакомы с употреблением огня, имеют своих фетишей, подчиняются какому-нибудь, хотя самому элементарному, политическому и семейному строю, они, наконец, владеют хотя и примитивным, но все-таки членораздельным языком. Все это скромное культурное «имущество» является наследием многих поколений, оно составляет сумму приобретенных благ; народ, обладающий этими благами, уже имеет свою историю, правда неписаную,

следовательно имеет право на причисление себя к семье цивилизованных народов»¹. Впрочем, в настоящее время это представление разделяют все более или менее здравомыслящие люди, а не только сторонники цивилизационного подхода.

Некоторую точку соприкосновения концепции Мечникова с цивилизационным подходом можно обнаружить в его представлении о трех видах цивилизаций: «речных»; «морских» и «океанических». Однако данная классификационная схема не тождественна «локальным цивилизациям». Она скорее характеризует степень разобщенности цивилизаций на разных этапах мировой истории. Кроме того, можно отметить некоторое поверхностное сходство отдельных положений теории Мечникова, в том числе его гипотезы зарождения государства, и концепции «вызова и ответа»² А. Тойнби, который полагал, что природа или история время от времени ставят перед цивилизацией определенный «вызов». В зависимости от адекватности «ответа», на этот «вызов» цивилизация либо придет к упадку, либо качественно улучшит свое состояние. Однако Тойнби полагал, что «ответ» вырабатывает интеллектуальное меньшинство, в то время, как с позиции теории Мечникова можно сказать, что цивилизация реагирует на вызовы консолидировано всем своим социальным организмом, несмотря на имеющееся разделение социальных ролей. Кроме того, Мечников не уделял пристального внимания концепции жизненного цикла цивилизаций, оканчивавшегося гибелью цивилизации, как это делали сторонники цивилизационного подхода, и, по-видимому, он не разделял этой идеи. В силу этого точная классификация историко-философской концепции Мечникова представляется несколько затруднительной, но вслед за Г.В. Плехановым мы будем рассматривать Мечникова как материалиста, хотя и с рядом оговорок.

¹ Мечников Л. И. Цивилизация и великие исторические реки ... С. 233.

² Тойнби А. Д. Цивилизация перед судом истории. М. : АСТ Астрель, 2011. С. 61.

2.1 Роль географического фактора в концепции Л.И. Мечникова

Изучая проблему общественного развития, исследователь часто встречается с необходимостью ответить на вопрос: почему различные цивилизации зародились и развивались такими непохожими друг на друга, и какие факторы стали тому причиной? Поскольку это волновало многих мыслителей еще в древности, представляется целесообразным рассмотреть один из подходов к его решению, начав с представлений о влиянии географической среды на общество, позднее оформленных в виде концепции географического детерминизма.

Впервые эта проблема была сформулирована в Древней Греции что, на наш взгляд, закономерно. К этому суждению приводит концепция Л.И. Мечникова, который считал, что все цивилизации можно условно разделить на три группы: речные, морские и океанические. Первые из них, наиболее ранние цивилизации, образовались вдоль великих рек, и были в значительной степени изолированы. Цивилизацию эллинов он относил к более прогрессивной группе морских цивилизаций, перед которыми, в свою очередь, возникла необходимость вести диалог с другими цивилизациями, уже менее отстраненными друг от друга. Поэтому не кажется удивительным факт, что вопрос о причинах различий между цивилизациями возник именно в эту эпоху.

Одним из первых, кто изучал влияние климата на народы, был Гиппократ. В трактате «О воздухах, водах и местностях» он рассматривал влияние климата на здоровье людей, и подробно описывал наиболее распространенные болезни жителей прибрежных городов, горных поселений, а также живущих в низменных районах. Его исследование оказалось гораздо шире первоначальных рамок. Развивая свои наблюдения, он описывал характерные черты жителей, населявших соседние с Элладой регионы: Египта, Европы и Восточной Азии: «По моему мнению, Азия весьма много отличается от Европы как природою всего того, что производится из земли, так и природою людей, ибо все в Азии рождается более красивым и более великим, и самая страна мягче другой, и нравы людей приветливее и спокойнее. И причиною всего этого служит умеренность времен

года [...] Что же касается вялости духа и трусости, то наибольшей причиной, почему азиаты менее воинственны, чем европейцы, и отличаются более тихими нравами, суть времена года, которые не производят больших перемен ни к теплу, ни к холоду, но всегда приблизительно одинаковы, ибо тогда ни ум не испытывает потрясений, ни тело не подвергается сильным переменам, от которых нравы естественно грубеют и делаются участниками безрассудства и отваги в большей степени, чем когда все остается в одном и том же состоянии. В самом деле, перемены всего сильнее возбуждают ум человека, и не позволяют оставаться в покое»¹.

Крайне любопытно еще одно его наблюдение: «Большая часть Азии управляется властью царей. А там, где люди сами над собой не властны и не автономны, а подчинены владыке, забота у них не о том, чтобы упражняться в военных делах, а чтобы казаться неспособными к войне»². Гиппократ неслучайно отметил деспотический характер отношений власти и населения в Азии, полагая, что такая форма отношений в значительной степени обусловлена иной формой ведения хозяйства, нежели в Европе. Первопричиной этого являлись различия в среде обитания народов этих частей света, что отмечал и сам Гиппократ.

Аристотель также не обошел вниманием данный вопрос в труде «Политика», посвященном вопросам государственного устройства. Однако далеко не все его суждения можно назвать верными. Так, он писал: «Природа определила образ жизни животных с таким расчетом, чтобы каждому из них можно было с большей легкостью добывать себе подходящую пищу [...] То же самое и среди людей. Образ их жизни бывает весьма различным. Наиболее ленивые из них ведут образ жизни кочевников, которые питаются, не прилагая ни труда, ни заботы, мясом домашних животных»³. Конечно, не природа определила подходящий способ пропитания для каждого биологического вида, но каждый вид в бесконечной борьбе за существование приспособлялся к среде обитания. Кочевой образ жизни не был следствием врожденной лени, но являлся

¹ Гиппократ. Избранные книги. М., 1936. С. 292-296.

² Там же. С. 296.

³ Аристотель. Сочинения: в 4 т. М. : Мысль, 1983. Т. 4. С. 388.

единственным способом выжить в бедных степных районах земли. Хотя это, конечно, не было столь очевидно в эпоху Аристотеля, как в наше время.

Несмотря на то, что его исходная точка зрения вряд ли являлась верной, дальнейшие рассуждения весьма интересны. Аристотель подверг сомнению наличие универсального типа государства, подходящего всем народам во все времена. Он полагал, что суждение о правильности выбора государственного устройства следует делать, исходя из конкретных условий, в которых это государство находится. «Ведь следует иметь в виду не только наилучший вид государственного устройства, но и возможный при данных обстоятельствах, [...] следует постараться ввести такой государственный строй, который при данных обстоятельствах оказался бы легче всего приемлемым»¹. Одним из таких обстоятельств, несомненно, является географическая среда. Далее он рассматривал влияние на государственное устройство и благополучие таких условий, как близость к морю, холодный климат и др.²

Другим античным ученым, обратившим внимание на данную проблему, был историк и географ Страбон. Его труд «География» был крупнейшим для своего времени исследованием в этой области, включив 17 томов, посвященных всем известным частям света. Как и предшественники, Страбон не стремился выдвинуть какую-либо концепцию, которая могла бы объяснить влияние природной среды на этнос, в ней обитающий, однако вполне очевидно, что он видел непосредственную связь между ними. Свидетельством этого являются его замечания о различных частях света и населяющих их народах: «Начинать описание следует с Европы, потому что она не только являет разнообразие формы, но и удивительно приспособлена природой для усовершенствования людей и государственных форм, а также потому, что она передала и другим частям света большую часть своих собственных благ и целиком удобна для обитания»³. Страбон считал, что европейские народы обязаны своим развитием удивительному сочетанию равнинных плодородных и гористых местностей, при

¹ Аристотель. Сочинения ... С. 487.

² Там же. С. 599-601.

³ Страбон. География. Л. : Наука, 1964. С. 126.

котором различные по своей культуре, характеру, преобладающему виду хозяйственной деятельности народы все же вынуждены взаимодействовать друг с другом из-за близкого соседства: «В силу этого среди других стран в отношении войны и мира Европа является наиболее независимой; ведь в ней много воинственного населения, а также земледельцев и стражей городов»¹.

С наступлением темных веков вопрос о географическом факторе утратил свое значение. В это время происходило укрепление провиденциализма, и события истории стали рассматриваться с точки зрения влияния Провидения или высшего Промысла. Вполне очевидно, что вопрос о влиянии среды в то время воспринимался как несущественный.

Все переменялось с началом Нового времени. В науке этот период связан с освобождением от господства теологии и ростом интереса к культурному и научному наследию античности. Более того, произошла определенная смена парадигмы общественного сознания. Человек и общество стали рассматриваться не как продукт Божественного Промысла, а как продолжение природы. Естественно, что в эту эпоху вновь возник интерес к роли географической обусловленности.

Одним из первых был труд французского философа и историка Жана Бодена «Метод, облегчающий познание истории», написанный в 1566 году. Боден отмечал, что климатические различия обладают большим влиянием на историю народов; он также анализировал влияние рельефа, рек и п.р. В то же время он писал о влиянии планет на человечество, что, конечно, было заблуждением: «В силу необходимости понять космографию, историк должен посвятить ряд исследований представлениям о мире в целом, включая малую карту. Затем он должен написать о соотношении небесных тел и элементарных стихий, особенно об уранографии, основанной на знаниях о соотношении элементов – воздуха, воды, земли. Из этого он должен сделать заключение об анемографии, гидрографии и географии, рассматривая последнюю на основе деления поверхности Земли на десять областей и столько же климатических поясов.

¹ Страбон. География ... С. 127.

Полезным для наблюдений будет учет направления ветров, особенностей климата, влияния морей и расположения земель»¹.

Проблему влияния географической среды рассматривали в своих трудах также Ф. Бэкон, У. Темпл, Б. Фонтенель², Т. Мор, Т. Гоббс³.

В это время произошло еще одно событие, которое нельзя обойти стороной. Итальянский философ и историк Д. Вико представил труд «Основания новой науки». Несмотря на то, в данной работе не было уделено особого внимания вопросу взаимодействия среды и человека, он тем не менее произвел определенный переворот в данной области. Причиной послужила предложенная им цивилизационная теория, а также концепция циклического развития цивилизаций, которая в трудах более поздних исследователей, в частности Л.И. Мечникова, рассматривалась неразрывно с географическим фактором.

С началом эпохи Просвещения интерес к влиянию географической среды на общество заметно возрос. Так, Монтескье посвятил вопросу влияния климата на государственное устройство целый раздел в труде «О духе законов». Его рассуждения были начаты с тезиса: «Если справедливо, что характер ума и страсти сердца чрезвычайно различны в различных климатах, то законы должны соответствовать и различию этих страстей, и различию этого характера»⁴. Основная идея относительно особенностей законодательства в странах с различным климатом была им сформулировано следующим образом: «Дурные законодатели – те, которые поощряли пороки, порожденные климатом, а хорошие – те, которые боролись с этими пороками»⁵. В восточном контексте, по мнению Монтескье, положительными можно назвать законы, побуждающие к труду, в то время как принципы религии индуизма с ее стремлением к небытию или нирване он считал негативными.

Как и многие его предшественники, Монтескье не избежал отдельных заблуждений, очевидных в наше время. Так, он писал: «Холодный воздух

¹ Жан Боден. Метод легкого познания истории. М. : Наука, 2000. С. 27.

² Семенов Ю. И. Философия истории. М. : Современные тетради, 2003. С. 268.

³ Ratzel F. Anthropogeographie. Stuttgart: Verlag von J. Engelhorn, 1909. P. 10.

⁴ Шарль Луи Монтескье. О духе законов. М. : Мысль, 1999. С. 198.

⁵ Там же. С. 202.

производит сжатие окончаний внешних волокон нашего тела, отчего напряжение их увеличивается и усиливается приток крови от конечностей к сердцу. Он вызывает сокращение этих мышц и таким образом еще более увеличивает их силу. Наоборот, теплый воздух ослабляет наружные волокна, растягивает их и, следовательно, уменьшает их силу и упругость. Поэтому в холодных климатах люди крепче...»¹. Таким нехитрым способом он объяснял различия в характере между европейцами и азиатами, указывая на, якобы, не слишком смелый характер последних. Удивительно, но рассмотренные выше взгляды Гиппократов относительно данного вопроса смотрятся современнее.

Развивая гипотезу о слабости духа южан, Монтескье пришел к противоречию с известным ему фактом: «Индийцы от природы лишены мужества. [...] Но как совместить с этим их жестокость, их обычаи и варварские наказания? Мужчины там подвергают себя невероятным мукам, а женщины сами себя сжигают»². Но и предложенное им решение едва ли можно назвать удовлетворительным: «Природа, которая дала людям слабость, делающую их робкими, наделила их вместе с тем столь живым воображением, что все поражает их сверх меры. Та же самая чувствительность органов, которая заставляет их бояться смерти, заставляет их страшиться многого более смерти. И та же самая чувствительность, которая заставляет их избегать опасностей, дает им силу презирать эти опасности»³. Таким образом, несложно заметить, насколько наивными и безосновательными были представления Монтескье о влиянии климата на общество.

Однако наряду с обыкновенными заблуждениями в его работе есть и такие идеи, с которыми мы решительно не можем согласиться. Монтескье писал о своем отрицательном отношении к рабству, но в отношении темнокожих рабов он сделал исключение, которые, с его точки зрения, были не вполне сродни человеку: «Если бы мне пришлось защищать право, в силу которого мы сделали негров рабами, то я сказал бы следующее [...] люди, о которых идет речь, черны

¹ Шарль Луи Монтескье. О духе законов ... С. 202.

² Там же. С. 201.

³ Там же.

от головы до пят, и нос у них до такой степени приплюснут, что жалеть их почти невозможно. Нельзя себе представить, чтобы Бог – существо очень мудрое – вложил душу, и притом хорошую, в совсем черное тело. Мысль, что сущность человека заключается в цвете его кожи, так естественна, что народы Азии, кастрирующие чернокожих с целью пополнить число своих евнухов, прибегают тем самым к наиболее наглядному средству, чтобы лишить негров сходства с нами. [...] Что негры лишены здравого смысла, доказывается тем, что они предпочитают ожерелья из стеклышек золоту, которое в таком великом почете у народов просвещенных»¹. И эта эпоха носит название «Просвещения»? Увы, несмотря на отдельные интересные идеи и замечания, Монтескье едва ли внес много нового в вопрос о влиянии климата на общество.

Иного мнения придерживался Иоганн Готфрид Гердер. Наибольший интерес для нас представляет его работа «Идеи к философии истории». Она заметно отличается по своему стилю от ранее рассмотренных трудов, оставляя ощущение научной работы в современном ее понимании.

Гердер не разделял взгляды мыслителей эпохи Просвещения, веривших в то, что лишь искусство периодов максимального расцвета культуры заслуживает одобрения, а также в то, что культура в ее высших проявлениях должна быть одинакова для всех народов.

Он считал, что культура каждого народа уникальна, является отражением истории и реальности этих этносов, а потому ее нельзя судить по единым правилам. Гердер был сторонником того, что народы, подобно индивидам, переживают в своем развитии периоды молодости и старости, т.е. каждый этнос имеет собственный срок жизни, ограниченный во времени. Он полагал, что человечество является частью Земли, оно вместе с Землей сотворено и неразрывно связано, и был уверен, что в этой великой мастерской человеку отведена главная роль. Вся предшествующая история Земли воспринималась им лишь как подготовка к рождению человека.

¹ Шарль Луи Монтескье. О духе законов ... С. 212-213.

Гердер решительно отверг расистские взгляды своих предшественников: «Ты, человек, чти себя. Не понго и не лонгиман – брат твой, а брат твой – американец, негр. И, значит, его не должен ты угнетать, его не должен убивать, у него не должен красть, ибо он человек, как и ты [...] Ибо каждый народ – это народ, и у него есть и язык, и особое, присущее только ему, строение. [...] Цвет кожи постепенно переходит один в другой и в целом каждый – лишь оттенок великой картины, одной и той же, простирающейся через все страны и времена земли»¹.

Вопрос влияния климата в работе Гердера также был поднят на новый уровень. Многие его замечания по данному вопросу сохраняют актуальность. Свое повествование он начал рассказа о положении Земли и ее орбиты относительно Солнца, и соответствующих различий в распределении солнечного тепла. Далее он рассмотрел положение основных горных хребтов и связанных с ними особенностей. Он не упустил из виду и влияние флоры и фауны на человечество: «односторонней и неполной будет история человека, если рассматривать его вне связи с животным миром»². Он также дал общую характеристику народам, связанными с различными типами климата: живущим вблизи полярного круга; близ горных хребтов Азии; в Африке. Его комментарии относительно характерной внешности этих народов просты, но не банальны. Так, малый рост эскимосов он объяснял тем, что плотному коренастому человеку намного проще переживать морозы. А их самих Гердер описывал с заметной долей уважения: «В браке, и во всем их образе жизни царит какой-то кроткий нрав, аффекты они упорно сдерживают. Не чувствуя тех раздражений, как более подвижные и энергичные, рождаемые теплым климатом существа, они живут и умирают кротко и мирно; равнодушно-довольные всем, они и трудятся, чтобы только-только удовлетворить малые потребности»³.

Резюмируя написанное о влиянии климата на человечество, Гердер все же признавался, что какого-либо единого закона, который мог бы описать его

¹ Гердер И. Г. Идеи к философии истории человечества. М. : Наука, 1977. С. 172.

² Там же. С. 45.

³ Там же. С. 141.

воздействие, нет, и он его также не предлагает: «Чем более систематично продумывали и формулировали подобные выводы, тем рискованнее были они. Их шаг за шагом опровергают примеры, взятые из истории, даже физиологические аргументы, потому что одновременно действует много сил, даже много противоречивых сил. Даже великого Монтескье упрекали в том, что климатический дух законов он основал на обманчивом опыте с «бараньим языком». Конечно, люди – это податливая глина в руках климата, но пальцы создают такие разнообразные формы, а противодействующие законы столь многообразны, что, быть может, лишь сам Гений человечества может составить уравнение всех этих сил»¹.

Вслед за Гердером многие ученые конца XVIII, а затем и XIX вв., так или иначе исследовали этот вопрос. Отметим лишь некоторых из них: И. Кант; И.Р. Форстер; П.С. Паллас; Э.А. Циммерман; И. Тэн; Ж.Б. Ламарк²; Э. Рэклю; Ф. Ратцель и многие другие. Так, Карл Риттер, ученый, являющийся одним из основоположников современной географической науки, уделял ключевое место вопросу о взаимодействии человека и среды в своей работе «Землеведение в отношении к природе и истории человечества» (*Die Erdkunde im Verhältniss zur Natur und zur Geschichte des Menschen*).

Нельзя не упомянуть также «Историю цивилизации в Англии» Генри Томаса Бокля, которая оказала большое влияние на формирование научного мировоззрения братьев Мечниковых. Илья Ильич, еще с детских лет увлекавшийся биологией, так же, как и его старший брат с большим интересом читал «Историю цивилизации». Эта работа, будучи новаторской по своей сути, была к тому же весьма увлекательна для читателей всех возрастов, что помогло ей добиться в то время большой популярности в мире. Увы, Бокль прожил еще меньше, чем Мечников, он умер в возрасте всего 40 лет, а его труд остался незавершенным³.

¹ Гердер И. Г. Идеи к философии истории человечества ... С. 178.

² Ratzel F. Anthropogeographie ... P. 12.

³ Как и Мечников он планировал написать историю мировой цивилизации, но успел опубликовать лишь два первых тома.

Работа Бокля начинается с размышлений о состоянии исторической науки. Он задал любопытный вопрос: почему современные ему историки видят в поиске и описании исторических фактов самоцель исторической науки в то время, как во всех остальных науках факты собираются и исследуются лишь для того, чтобы на их основе создавать обобщающую и непротиворечивую теорию¹? Свою историческую теорию Бокль планировал построить на основе достижений как собственно исторической науки, так и смежных областей знания, будь то естествознание, юриспруденция, политическая экономия и другие. Конечно, роли географической среды в этой теории он уделял первостепенное значение.

Увы, виновата ли короткая жизнь Бокля или не системный характер его образования, а, вероятнее, просто неподъемный для одного ученого объем задуманного исследования, но чего-то принципиально нового в вопрос о роли географического фактора Бокль не внес. Зато его труд зародил желание работать в этом направлении у многих других молодых ученых, в т.ч. и у Л.И. Мечникова.

Таким образом, к концу XIX столетия уже имелся широкий спектр взглядов о влиянии географической среды на общество. Некоторые мыслители, как Монтескье, явно абсолютизировали его значение, иные, как Карл Маркс, лишь указывали на его наличие, отдавая решающую роль в историческом процессе иным силам. Но само существование географического фактора уже никто не подвергал сомнению. Между тем, белые пятна в данном вопросе сохранялись. К примеру, не было вполне ясно, почему в регионах, более удобных для проживания человека, будь то, например, Океания или Южная Америка, социальный прогресс был меньшим, чем в странах умеренного пояса, где людям, несомненно, было сложнее выжить. В этой связи, заслуживает внимания замечание Д.Т. Толгамбаевой о характере среды способствующей зарождению цивилизации: «В диссертации проанализирована идея Мечникова о том, что цивилизация зарождается там, где существуют наиболее благоприятные физико-географические условия»² – в данном случае, следует лишь уточнить, что по

¹ Бокль Г. Т. История цивилизации в Англии. СПб., 1895. С. 2.

² Толгамбаева Д. Т. Философско-историческая концепция Л. И. Мечникова ... С. 10.

Мечникову наиболее подходящая среда для зарождения цивилизации вовсе не является наиболее благоприятной для человека. Напротив, в своей работе «Цивилизация и великие исторические реки» Мечников доказал, что цивилизация возникает лишь в тех условиях, где человеческому сообществу противостоят определенные вызовы среды, на которые требуется солидарный и координированный ответ данного сообщества.

Он писал: «Мы далеки от географического фатализма, в котором нередко упрекают теорию о влиянии среды. По моему мнению, причину возникновения и характер первобытных учреждений и их последующей эволюции следует искать не в самой среде, а в соотношениях между средой и способностью населяющих данную среду людей к кооперации и солидарности»¹. В данной цитате, по нашему мнению, отражена основная идея географического детерминизма в концепции Мечникова. Рассмотрим ее подробнее.

Ф. Энгельс, указывая на неоспоримую роль труда в процессе антропогенеза, писал: «труд создал самого человека»². По его мнению, важнейшие преобразования в жизни предков человека начались с того, что они перешли к прямоходящему способу передвижения. Освободившиеся кисти стали использоваться для более сложных операций, чем прежде. Так как умелые руки стали преимуществом в конкурентной борьбе с другими видами, то особи, ими обладающие, получали дополнительный шанс выжить и дать потомство. Со временем предки человека научились изготавливать примитивные орудия труда, что стало своего рода поворотным моментом в эволюции. Теперь в борьбе за выживание выигрывал не только сильный и выносливый, но умелый и трудолюбивый, способный восполнить собственный недостаток в длинных когтях каменным ножом, а в цепких лапах – копьём.

Так и облик первых цивилизации, по мнению Мечникова, сформировал совместный труд. В некоторых природных условиях древнему человеку приходилось кооперировать свои усилия с другими людьми, к примеру, для

¹ Мечников Л. И. Цивилизация и великие исторические реки ... С. 262.

² Маркс К. и Энгельс Ф. Роль труда в процессе превращения обезьяны в человека // Сочинения. 2-е. изд. М. : Госполитиздат, 1961. Т. 20. С. 486.

орошения полей. В таком случае структура общества становилась сложнее, появлялась основа для разделения труда и дальнейшей социальной дифференциации. В иных природных условиях каждый индивид мог сам получить все необходимое для жизни. В такой среде цивилизация как бы замирала в своем развитии, едва родившись¹. Разумеется, механизм воздействия географического фактора не был линеен. Выше описано влияние среды на зарождение и первоначальное развитие цивилизаций, по Мечникову, речных², так как все они зародились вдоль великих рек (Евфрат и Тигр, Нил, Хуанхэ и др.)

Море в эти ранние периоды не играло для человека почти никакой роли, разве что представляло собой природный барьер. Однако уже в эллинистическую эпоху оно превратилось из разделителя в естественный и удобный путь для плаваний. Он писал: «Цивилизации, возникшие на берегах великих исторических рек, могли быть только первобытными, изолированными и отличными друг от друга, и, наоборот, когда цивилизации распространялись с берегов рек на побережья морей, они становились способными к распространению, к дальнейшему развитию и постепенно охватывали целый ряд народов, приобретая международный характер»³. Таким образом, средиземноморские народы получили новую возможность для торговли, культурного обмена и даже ведения войны, что не преминуло отразиться на их развитии.

Новейший период, по мнению Мечникова, можно назвать периодом океаническим, который начался с открытия Нового Света Христофором Колумбом. Основным же результатом этого процесса являлось сближение народов и постепенное стирание различий между цивилизациями.

Увы, лишь эпоха речных цивилизаций была рассмотрена в его работе достаточно подробно. Судьба не дала ему возможности завершить начатое. Черновик рукописи «Цивилизаций», был подготовлен к печати после его смерти и издан его товарищем Элизе Реклю, с которым Мечникова роднили не только дружба, но и общность научных и политических взглядов.

¹ Мечников Л. И. Цивилизация и великие исторические реки ... С. 273.

² Там же. С. 333.

³ Там же. С. 334.

Кроме предложенной концепции о роли кооперации и предложенной им классификации цивилизаций, в работе Мечникова можно обнаружить интересные размышления о влиянии изменения климата, в частности завершения ледникового периода, на процесс перемещения культурных центров на север, в Европу¹, весьма передовые для своего времени. Следует отметить, что огромный вклад в изучение ледников в мировую науку внес друг Мечникова – известный русский анархист, П.А. Кропоткин, который по роду научной деятельности был профессиональным географом.

В своем исследовании Мечников также рассматривал влияние растительного и животного мира на народы. В конце концов, преобладающая флора и фауна привязана к определенным климатическим условиям, следовательно ее можно назвать частью географической среды, чего не скажешь о человеке, который заселил все части света, где вообще возможна жизнь. Он отмечал несомненное влияние на культуру народов хозяйственной деятельности: рыбной ловли; китобойного промысла; охоты; кочевничества; сельского хозяйства и преобладающей возделываемой культуры.

Иногда, писал он, воздействие географической среды бывает случайным и на первый взгляд непредсказуемым. Например, цепь плоскогорий, отделяющих Центральную и Южную Африку от ее северной части, на века скрыло сердце «Черного материка» от влияния извне. Схожую роль в формировании своеобразия островной культуры Японии сыграло течение Куро-Сиво и цепь подводных рифов, «делающих доступ к берегам японских островов весьма опасным»². Схожим образом Альпы сыграли важную роль в сохранении Швейцарской общины.

Таким образом, можно сказать, что географическая среда в концепции Мечникова является сложным и многогранным фактором, значение которого может варьироваться от определяющего до значимого, в зависимости от конкретных исторических условий. В отличие от многих других сторонников

¹ Мечников Л. И. Цивилизация и великие исторические реки ... С. 315.

² Там же. С. 279.

географического детерминизма, он ничуть не умалял значение иных факторов в историческом процессе, оставляя пространство для новых многофакторных теорий: «Говоря вообще, надлежит помнить, что историческое значение очертаний и рельефа страны – это главный факт, на который надлежит обращать внимание при изучении истории... Изучая пространство, необходимо, конечно, отдавать себе отчет и о действии другого равносильного элемента – времени.

Здесь, однако, следует добавить, что мы отнюдь не являемся защитниками теории «географического фатализма», провозглашавшего наперекор фактам, что данная совокупность физико-географических условий играет и должна всюду играть одну и ту же неизменную роль. Нет, дело идет только о том, чтобы установить историческую ценность этих условий и изменчивость этой ценности в течение веков и на разных ступенях цивилизации»¹.

2.2 Л.И. Мечников о социальном прогрессе

Явление прогресса – сложное и неоднозначное понятие. Несмотря на то, что данный вопрос впервые предстал еще перед мыслителями древности, он по сей день служит предметом для многочисленных споров в исторической науке. Одна из основных причин этого – оценочный характер данного понятия. Разумеется, в разное время критерии прогресса различались. Первоначально понимание исторического процесса, а, следовательно, и прогресса, в значительной степени было связано с религиозным мировоззрением. Так, известный философ и богослов Августин Блаженный в труде «О граде Божьем» представил идею линейного исторического времени и морального прогресса. С наступлением Нового времени теологическое понимание истории уступило место научным представлениям. В частности, в кругах просветителей в XIX в. стало господствовать представление о прогрессе, предложенное Сен-Симоном, который полагал, что в обществе основой прогресса является «совершенствование нравственной концепции»². Именно он предложил периодизацию истории,

¹ Мечников Л. И. Цивилизация и великие исторические реки ... С. 323.

² Изложение учения Сен-Симона. М: Изд-во АН СССР. С. 233.

разделенную на рабовладельческую, феодальную и индустриальную эпохи¹, при которой каждая последующая была прогрессивнее предыдущей, и отличалась все менее жестокой эксплуатацией человека человеком. Соответственно общество будущего, по Сен-Симону, должно было быть лишено всякой эксплуатации в принципе.

Важным этапом в развитии теории прогресса и философии истории, в целом, было учение Георга Гегеля. Наряду с Кантом, Фихте и Шеллингом Гегель был одним из наиболее значимых представителей немецкого идеализма. Одним из важнейших понятий, которое часто встречалось в его работах, была диалектика. Однако содержание, которое вкладывалось в этот термин, было несколько иным, чем у предшественников. Диалектика Гегеля это, прежде всего: представление о противоречии как движущей силе. Гегель доказывал, что противоречия присущи всем реальным явлениям и процессам, движение существует только потому, что оно содержит в себе противоречие. Собственно его взгляды на исторический процесс изложены в работе «Философия истории». История у Гегеля делится на несколько миров: Восточный, Греческий, Римский, Германский, к каждому из которых последовательно переходит инициатива мирового развития. Историей правит мировой дух, который ее сотворил и последовательно проявляется в ней. Исторический процесс, по Гегелю, разумен, он развивается по строгим законам, которые также могут быть поняты посредством разума: «Разум есть субстанция, а именно – то, благодаря чему и в чем вся действительность имеет свое бытие; разум есть бесконечная мощь, потому что разум не настолько бессилен, чтобы ограничиваться идеалом, долженствованием и существовать как нечто особенное, лишь вне действительности, неведомо где, в головах некоторых людей. Разум есть бесконечное содержание, вся суть и истина, и он является для самого себя тем предметом, на обработку которого направлена его деятельность [...] Подобно тому как он является для себя лишь своей собственной предпосылкой и абсолютной конечной целью, так и сам он является и осуществлением этой абсолютной конечной цели, и ее воплощением, благодаря которому совершается

¹ Семенов Ю. И. Философия истории ... С. 125.

ее переход из внутреннего мира в явление не только мира природы, но и духовного мира, а именно: во всемирной истории»¹. Иногда дух возлагает на отдельных людей особую роль, такие личности в истории являются героями или, как он их называет, всемирно-историческими личностями. Сама история уже предопределена, необратима и развивается независимо от воли и сознания людей. При этом проблему свободы выбора он решил почти по-христиански: общее направление исторического процесса предопределено, но конкретные исторические события являются случайными, поэтому каждый человек в личных поступках обладает свободой. Собственно основным критерием исторического прогресса является степень свободы в обществе, и прежде всего свободы мышления.

Следует понимать, что описанный дух является своего рода абстракцией по отношению к объективным силам, действующим в историческом процессе, которые Гегель не мог точно определить, но он понимал, что история движется столкновением интересов: «Великие исторические отношения имеют другой характер. Именно здесь возникают великие столкновения между существующими, признанными обязанностями, законами и правами, и между возможностями, которые противоположны этой системе, нарушают ее и даже разрушают ее основу и действительность»². Позднее к понятию прогресса обращались такие исследователи, как О. Конт, К. Маркс и др. Последний в качестве одного из основных критериев прогресса, как и Г. Гегель, выделял степень свободы в обществе.

Во второй половине XIX века в исследовании социального прогресса широкое применение нашел эволюционистский подход, позднее оформленный в виде социологической теории «социал-дарвинизма». Одним из наиболее известных сторонников применения данного подхода к осмыслению прогресса, в том числе и историческом процессе, был Г. Спенсер. В обобщенном виде данный

¹ Гегель Г. В. Ф. Философия истории. СПб : Наука, 1993. С. 64.

² Там же. С 81.

подход представлял попытку применения теории естественного отбора Ч. Дарвина при осмыслении общественных отношений.

В России, пожалуй, наибольшее внимание к понятию прогресса было приковано на рубеже XIX и XX веков. Заметную роль в этом сыграли представители народничества: П.Л. Лавров, Н.К. Михайловский, П.Н. Ткачев и др., что не удивительно ввиду их поиска благоприятного пути развития общества и государства. Определенную критику по данному вопросу высказывали русские религиозные философы, в частности, Л.П. Карсавин.

Одним из первых подверг критике идеи Спенсера Н.К. Михайловский. В статьях «Что такое прогресс?», «Теория Дарвина и общественная наука», «Борьба за индивидуальность» и других он обосновал свое видение прогресса. Прогресс, по мнению Михайловского – прежде всего прогресс личности. Соответственно, более прогрессивным он считал общество, в котором личность может свободно и разносторонне развиваться.

Н.К. Михайловский поставил интересный вопрос: «Спрашивается теперь, каковы результаты приспособления человеческой личности к условиям общественной жизни? Расширяют ли они наше Я или сужают?...», используя диалектический подход спрашивал автор, и отвечал «И да, и нет...»¹. Конфликт между личностью и обществом Михайловский усматривал прежде всего в разделении труда. В качестве наиболее яркого примера он приводил средневековую Индию с ее строгой системой каст. В то время, как элитарная часть общества, брамины, берет на себя роль «мозга» в этом общественном организме, индивидам, занимающим низкое положение на сословной социальной лестнице, отводится роль простого орудия труда. Конечно, такое положение вещей не может не препятствовать гармоничному развитию личности. Однако автор отмечал, что общество играет и положительную роль в развитии личности, прежде всего за счет «сочувственного опыта» и «кооперации» между людьми.

Похожие взгляды относительно прогресса были у П.Л. Лаврова. Свое представление о критериях прогресса он сформулировал в «Исторических

¹ Михайловский Н. К. Сочинения. СПб., 1906. Т. 1. С. 476.

письмах» таким образом: «Развитие личности в физическом, умственном и нравственном отношении; воплощение в общественных формах истины и справедливости – вот краткая формула, обнимающая, как мне кажется, все, что можно считать прогрессом...»¹.

Разумеется, под физическим развитием Лавров не имел в виду греческий идеал красоты физически развитого тела или нечто подобное. Речь шла скорее об удовлетворении минимальных насущных потребностей человека. Он указывал, что без победы над голодом, без укрепления элементарных гигиенических норм и удовлетворения базовых материальных потребностей человечество никогда не выберется из состояния страданий, болезней и повседневной борьбы за эти блага². Как следствие этого, дальнейший прогресс будет невозможен, пока эти условия не будут выполнены для большей части населения. Лавров отмечал: «Лишь тогда, когда физическое развитие личности возможно, когда умственное ее развитие прочно, когда нравственное ее развитие вероятно, лишь тогда, когда общественная организация включает в себе условия достаточной свободы слова, достаточного минимума среднего образования, достаточной доступности для изменений в общественных формах, – лишь тогда прогресс общества в целом может считаться более или менее обеспеченным...»³.

Очевидно, что для дальнейшего прогресса, после удовлетворения материальных благ, необходимо появление условий для свободного формирования личности. Такими условиями должны стать возможность защиты своей жизни, чести, достоинства, защита от гонений, свобода слова и т.п. Лишь после этого будет возможен переход к некоторым высшим духовным и нравственным формам прогресса.

Применительно к сказанному, можно провести аналогию между этим утверждением и современной «Пирамидой потребностей по Маслоу» с той лишь разницей, что идеи Лаврова были высказаны значительно раньше и

¹ Лавров П. Л. Философия и социология. Избранные произведения. М. : Мысль, 1965. Т. 2. С. 54

² Там же. С. 54-55.

³ Там же. С. 57.

характеризовали этапы развития общества в целом, а не потребностей отдельных индивидов.

Несложно заметить, что, как и Михайловский, Лавров отмечал большое значение роли личности в качестве основного фактора прогресса: «Как ни мал прогресс человечества, но и то, что есть в нем, лежит исключительно на критически мыслящих личностях [...] Его семя есть действительно идея, но не мистически присутствующая в человечестве: она зарождается в мозгу личности, там развивается, потом переходит из этого мозга в мозги других личностей, разрастается качественно [...] и становится общественной силою...»¹.

Продолжая ряд мыслителей, уместно упомянуть и П.Н. Ткачева. Как и его современники, он уделял немало внимания теории социального прогресса. Ткачев подверг критике органический подход Г. Спенсера к социологии, охарактеризовав его, как грубую аналогию общества и организма. Основную особенность общества, в отличие от биологических организмов, он усматривал в его возможности к саморазвитию: «Общественный организм отличается от всякого другого организма тем, что он способен сам себя совершенствовать. Но никакой другой животный организм сделать этого не может, потому что законы, по которым он развивается, не создаются его самопроизвольной деятельностью; они даются ему как бы извне, – они существуют прежде него и останутся после него»². Ясно что, как народника и революционера, его не устраивал фатализм, присущий теории Спенсера. Он считал, что последняя теория обесценивает человеческие поступки и нивелирует роль человека в истории, но сам-то верил в возможность людей сделать общество лучше.

Вместе с тем, Ткачев был не согласен с субъективным подходом в социологии Н.К. Михайловского и П.Л. Лаврова. «Исторические письма» последнего он подверг критике в статье «Что такое партия прогресса». Однако отдельные исследователи, например, И.Г. Лиоренцевич, полагают, что в сущности

¹ Лавров П. Л. Философия и социология ... С. 415-416.

² Ткачев П. Н. Сочинения: в 2 т. М. : Мысль, 1975. Т. 1. С. 183.

философская концепция Ткачева также является субъективной¹. Ткачев считал, что «революционное меньшинство» способно воплотить идеи прогресса революционным путем.

Теория прогресса в истории является одной из основных тем в работе «Цивилизация и великие исторические реки» Л.И. Мечникова. Он однозначно высказал свое мнение о значимости понятия прогресса в исторической науке: «Человеческая история, лишенная идеи прогресса, представляет лишь бессмысленную смену событий, вечный прилив и отлив случайных явлений...»². При этом, существует мнение, что Мечников в своем видении социального идеала и критериев прогресса также был близок к народникам. В частности, большое внимание этой проблеме уделяется в работе Д.Т. Толгамбаевой. Она подвергла анализу представления об общественном идеале Л.И. Мечникова, а также понятие «солидарности» использованное им. Однако вывод, к которому пришла исследователь, на наш взгляд, нельзя назвать однозначно верным. Так, Д.Т. Толгамбаева пишет: «При рассмотрении социального идеала Мечникова, автор исходил из того, что идея философа о солидарности по своей сути является народнической. В этой связи диссертант обращается ко взглядам русских народников на данную проблему, особое внимание уделяя взглядам М.А. Бакунина и П.А. Кропоткина. Автор подвергает критике попытку Г.В. Плеханова отделить Мечникова от русской народнической традиции»³. Во-первых, нельзя не отметить, что в термин народничество различные исследователи вкладывают разный, и порою, весьма неопределенный смысл. В первоначальном понимании народничество, это относительно массовое явление 1860-80 гг., заключавшееся в попытке радикально настроенной русской интеллигенции распространить революционные настроения непосредственно среди народа, прежде всего крестьян составлявших тогда большую часть населения страны. Для этого предпринимались своего рода хождения в народ, от чего и произошло само

¹ Лиоренцевич И. Г. П. Н. Ткачев // Социологическая мысль в России. Л. : Наука, 1978. С. 142-144.

² Мечников Л. И. Цивилизация и великие исторические реки ... С. 232.

³ Толгамбаева Д. Т. Философско-историческая концепция Л. И. Мечникова ... С. 17-18.

название данного явления. По вполне понятным причинам, эти чаяния оторванной от реальности интеллигенции встречали в крестьянской среде, в лучшем случае, с недоумением. Поэтому достаточно быстро от таких попыток было решено отказаться. Однако революционное меньшинство в стране продолжили называть народничеством, которое на проверку представляло собой весьма пеструю в идеологическом отношении группу.

Именно поэтому классификация Д.Т. Толгамбаевой Бакунина и Кропоткина, как народников в данном контексте выглядит недостаточно точной. Представляется, что в первую очередь этих мыслителей следует рассматривать, как идеологов анархо-коллективизма и, соответственно, анархо-коммунизма. Конечно, Кропоткин предпринимал хождения в народ в начале своей революционной деятельности. Бакунин же и вовсе считается одним из идейных вдохновителей народничества.

Однако какое отношение к этому, исключительно русскому явлению, мог иметь Мечников, который немногим старше 20 лет уехал из России, и никаких хождений в народ, по крайней мере, русский, не предпринимал? Конечно, он воевал в войске Гарибальди¹, но ведь то была борьба за правое дело в которой участвовали все неравнодушные жители Италии и не только. Мечников также принимал опосредованное участие в деятельности «Ремесленных братств» в Италии², но уже здесь можно заметить разительное отличие его от народников. Во-первых «братства» состояли из классов пролетариата и мелкой буржуазии, в то время, как народникам пришлось столкнуться с крестьянским сословием. Совершенно обоснованно Мечников рассматривал «братства», как платформу небогатых, хотя и не беднейших, классов для борьбы за свои гражданские и экономические права, то есть, как своего рода прообраз будущих профсоюзов. Уже по этому эпизоду можно сказать, что классовый подход к политической борьбе был для него более предпочтительным, чем народнический. Конечно, Мечников принимал участие в некоторых авантюрах Бакунина, в частности

¹ Приложение А. С. 206.

² Приложение А. С. 215.

связанных с Польским восстанием¹, но все же по его собственным воспоминаниям относился к этим занятиям, хотя и ответственно, но со значительным скептицизмом.

В целом, если же говорить именно о политической деятельности Мечникова, которая являлась хотя и важной, но далеко не определяющей в его жизни, то следует заметить, что собственно к народническим организациям он не имел почти никакого отношения, зато принимал участие, например в работе Интернационала, который конечно являлся организацией совсем иного рода. Более того, совершенно очевидно, что Мечников, по крайней мере, во втором швейцарском периоде своей деятельности, к которому относятся его основные историко-философские работы, непосредственно политической деятельностью занимался мало. Напротив, в это время он начал проводить серьезные изыскания в области социальной философии, и во многом черпал вдохновение в философии анархизма, в особенности П. Прудона, которого он называл своим учителем. Если Мечников что и перенимал у М.А. Бакунина, которого он считал скорее добрым другом, нежели идейным вдохновителем, то в лучшем случае его анархические, а не народнические идеи. Что же касается упомянутого П.А. Кропоткина, то его философская деятельность относится к более позднему периоду, и он едва ли сыграл важную роль в формировании мировоззрения Л.И. Мечникова, как философ. Но, очевидно, Кропоткин очень сильно повлиял на него, как ученый, географ, что нетрудно обнаружить при анализе книги «Цивилизация и великие исторические реки». Таким образом, мы можем сделать вывод, что Мечников не только не был народником, но и вообще именно к русской социально-политической традиции имел отношение несколько косвенное.

Гораздо важнее другое. Когда Г.В. Плеханов, как пишет Д.Т. Толгамбаева, пытался «отделить Мечникова от русской народнической традиции», что само по себе не совсем точно, то Плеханов вовсе не подразумевал под народниками Бакунина и Кропоткина. Конечно, Плеханов критиковал Мечникова за использование анархических, по его мнению, умозрительных суждений во вполне

¹ Приложение А. С. 225.

научной работе, которые, как ему казалось, да и мы не станем этого отрицать, несколько противоречат внутренней логике исследования Мечникова. Однако особого внимания критике анархизма Плеханов все же не уделял. Теми же народниками, которых он действительно очень рьяно и неоднократно критиковал в своих работах, были Н.К. Михайловский и П.Л. Лавров.

Вместе с тем, важно понять, что критика Плеханова была связана вовсе не с самим фактом принадлежности этих мыслителей к народникам, ведь и сам Плеханов в молодости был народником. Действительно непримиримыми противниками они являлись в силу приверженности к противоположным философским парадигмам. Плеханов являлся одним из наиболее выдающихся представителей исторического материализма, в то время, как Лавров и Михайловский, были сторонниками субъективизма, который, в сущности, являлся одним из идеалистических направлений в философии. Таким образом, то, чего действительно добивался Плеханов, было попыткой доказать, что историко-философская концепция Мечникова изложенная в книге «Цивилизация и великие исторические реки», несмотря на наличие отдельных заблуждений, все же является материалистической по своей сути, и при том весьма ценной с научной точки зрения.

Далее Д.Т. Толгамбаева пишет: «В построении общественного идеала у Мечникова ярко выражена гуманистическая традиция. Социальные условия общества будущего, по Мечникову, должны быть такими, при которых человек раскрывается как личность, развивая и проявляя все свои способности. В этой связи, автор отмечает общность взглядов Л.И. Мечникова и Н.К. Михайловского [...]. Таким образом, социальный идеал Л.Мечникова в целом совпадает с видением общества будущего русскими народниками, особенно теоретиками анархизма»¹. Здесь хотелось бы отметить два момента. Первый уже оговаривался выше, не следует рассматривать анархизм и народничество как тождественные понятия. В некоторых случаях оба определения можно использовать по

¹ Толгамбаева Д. Т. Философско-историческая концепция Л. И. Мечникова : автореф. дис. ... канд. филос. наук. М., 1993. С. 18.

отношению к одному человеку, например, М.А. Бакунину. Но все же большинство анархистов не были народниками, а большинство народников не были анархистами. Кроме того, проблема развития свободы личности является ключевой для большинства прогрессивных политических течений прошлого и настоящего: от либерализма до анархизма и коммунизма, так что у народников не было монополии на эту идею. Так в чем же в действительности состоял вклад Мечникова в теорию прогресса, и в чем его взгляды отличались от упомянутых сторонников субъективистского подхода?

Очевидно, что, если П.Л. Лавров и Н.К. Михайловский в вопросах прогресса придерживались определенной элитарной позиции, то Мечников не был склонен преувеличивать роль отдельных личностей. В качестве примера можно привести статью «Герои и толпа» Н.К. Михайловского, в которой тот доказывал, что историю творят отдельные выдающиеся личности, а широкие людские массы безмолвно за ними следуют. Мечников, напротив, указывал на то, что именно «безмолвные людские массы» есть истинные творцы исторического процесса: «Незаметный труд многочисленных поколений, живших до нас, является творцом исторических формаций, но эта работа безвестных поколений ускользает от исследователя...»¹.

Он также предупреждал читателя, что не следует отождествлять прогресс человечества лишь с прогрессом техническим, поскольку последний лишен нравственной составляющей. «Какое дело страдающей и мыслящей личности до того, красив ли памятник, воздвигнутый на ее могиле, или хорошо ли оружие, которым ее убивают»². Уточнение это представляется важным для конца XIX века, когда в обществе царил эйфория от невиданного ранее взлета технической мысли. Актуально оно и в наше время.

Конечно, Мечников также был против применения в социологии принципа борьбы за существование Ч. Дарвина. Он считал, что в человеческом обществе основополагающим принципом является кооперация, даже если она не является

¹ Мечников Л. И. Цивилизация и великие исторические реки ... С. 236.

² Там же. С. 235.

добровольной. На ранних этапах развития общества кооперация всегда является вынужденной. Людям приходится объединять усилия для охоты, для защиты или даже для нападения. Но по мере развития общества она становится все более осознанной и добровольной. Место простой, бессознательной кооперации занимает сознательная солидарность людей. Именно это движение от принудительного к добровольному Мечников считал основным критерием прогресса: «Таким образом, социальный прогресс находится в обратном отношении к степени принуждения, насилия или власти, проявляющихся в общественной жизни, и, наоборот, в прямом отношении к степени развития свободы и самосознания, или безвластия, анархии»¹.

В соответствии с данной концепцией он выделял три основных этапа, являющихся стадиями социального прогресса: «Низший период», в котором преобладают «подневольные союзы», возникшие для противодействия внешним силам, «Переходный период», основными признаками которого являются социальная дифференциация и разделение труда, и, наконец, «Высший период», отмеченный преобладанием свободных и добровольных союзов, будь то творческие объединения или группы, созданные в силу общности интересов².

Однако, даже при поверхностном анализе данной теории, возникает ряд вопросов. Например, почему некоторые туземные народы, которые были описаны самим Мечниковым, и чей общественный строй являлся чуть ли не идеалом свободы и демократии, в плане прогрессивности их культуры и технологий находятся едва ли не на уровне каменного века? Напротив, Древний Египет и Ассирия, несомненно, являлись более прогрессивными государствами, несмотря на их деспотический характер. Объяснение кажущемуся противоречию, конечно, существует.

Неслучайно Мечников в своей работе так много уделил внимания вопросу географического детерминизма. Именно среда, в ее широком понимании, является фактором, который принуждает людей к кооперации. Когда природные условия

¹ Мечников Л. И. Цивилизация и великие исторические реки ... С. 252.

² Там же. С. 258, 270-271.

«дружелюбны» к человеку, и дары моря и джунглей могут накормить каждого человека, то людям в такой среде нет нужды прибегать к кооперации. Следствием этого является отсутствие социальной дифференциации и необходимости в разделении труда, а, соответственно, социальный прогресс у таких народов практически отсутствует.

Однако в менее благоприятных природных условиях сотрудничество становится необходимым. Так, колыбель цивилизации – Месопотамия, до появления человека была довольно пустынным краем. Лишь небольшие полоски земли вдоль рек, протекавших по этой равнине, были пригодны для выращивания ячменя. Однако уже в древности жители, населявшие её, были знакомы с ирригацией, являвшейся необходимым условием для их выживания. И чем больше людям приходилось взаимодействовать друг с другом, тем более сложным и развитым становилось их общество. Несмотря на деспотизм, уровень кооперации в этих ранних речных цивилизациях был действительно высок.

Уместным будет вспомнить также родину демократии и прародителя нынешней западной цивилизации – Древнюю Грецию, чьи природные ресурсы были столь ограничены, что их неразумная растрата могла привести к катастрофе населявших её жителей. «Бедность – сводная сестра Эллады» – так писал о своей родине знаменитый историк Геродот. Весьма вероятно, что именно это обстоятельство стало причиной появления полиса, как особой формы самоуправления.

Еще легче понять, какой смысл Л.И. Мечников вкладывал в понятие среды, и географического детерминизма, помогает его вывод: «Мы далеки от географического фатализма, в котором нередко упрекают теорию о влиянии среды. По моему мнению, причину возникновения и характер первобытных учреждений, и их последующей эволюции следует искать не в самой среде, а в соотношениях между средой и способностью населяющих данную среду людей к кооперации и солидарности»¹.

¹ Мечников Л. И. Цивилизация и великие исторические реки ... С. 262.

Следует заметить, что данный аспект концепции Мечникова уже неоднократно изучался, и по-разному интерпретировался разными исследователями. Пожалуй, первым исследователем, который представил достаточно глубокий анализ концепции Мечникова, был И.Г. Лиоренцевич¹. Он писал: «Ответы Мечников ищет в географическом детерминизме, но в отличие от Ш. Монтескье, Г. Бокля, К. Риттера и многих других, которые ограничивались признанием влияния природы на человека, русский социолог впервые в немарксистской общественной мысли исследовал не только непосредственное воздействие географической обстановки на социальные отношения людей, но и прослеживал обратный ход – влияние общества на природу, изучал взаимодействие среды и общества, изменчивый характер последнего во времени [...]. Под географической же средой Мечников справедливо понимал не вообще окружающую природу, а лишь природу, вовлеченную в процесс труда и изменяемую под его воздействием. Проблему соотношения природы и общества Мечников представлял себе следующим образом. Среди компонентов географической среды он выделял гидрологический фактор, который, по его мнению, является главным двигателем цивилизации, т. е. реки, моря и океаны. Влияние «воды» на социальные судьбы людей происходит не непосредственно, а через кооперацию, необходимость создания которой и ее формы определяются различной географической средой. Гидрологический фактор в его глазах крайне важный, но не единственный, прямо определяющий поступательный ход истории. Другая причина изменений в обществе связана со способностью населения выполнять работы в соответствии с требованиями окружающей среды»². Но, в целом, его рецензия на работу Мечникова носила смешанный характер. С одной стороны он подчеркивал, что концепция Мечникова положительным образом отличается от западной традиции географического детерминизма, особенно его наиболее реакционного направления разрабатываемого Ф. Ратцелем, с другой стороны И.Г. Лиоренцевич ставил Мечникову в вину то, что он, по его мнению,

¹ Лиоренцевич И. Г. Л. И. Мечников ... С. 87-97.

² Мечников Л. И. Цивилизация и великие исторические реки ... С. 93.

не избавился от идеализма: «Мечников вошел в историю русской социологии как создатель оригинальной теории, в которой он пытался связать проблему географического фактора с материальными условиями жизни общества, выдвинув идеи закономерности и общественного прогресса. Однако Мечников не смог избавиться от идеализма при определении социального прогресса. Крайне узко и утопично его понимание типов кооперации, которые зависят исключительно от осознания людьми необходимости объединения. Но все-таки определяющей тенденцией в его социологии было переплетение натурализма и значительных элементов материалистического подхода к истории. Этим он существенно отличается от представителей теории географического фактора на Западе, чьи воззрения характеризовались большей узостью и односторонностью»¹. Увы, проблема даже не в том, что Мечников не являлся в действительности идеалистом, в чем его упрекали советские авторы. Хотя, действительно в его книге можно встретить некоторые суждения, которые не были им строго доказаны с научной точки зрения, что, разумеется, не является признаком идеализма. Проблема в том, что такая оценка советских авторов была предопределена изначально рамками марксистско-ленинской идеологии.

Описанного недостатка лишена работа Е.Н. Гориной, относящаяся уже к современному периоду. Анализу проблемы взаимодействия природной среды и общества в концепции Мечникова посвящена основная часть ее работы. Е.Н. Горина также обратила внимание на особенность теории прогресса Мечникова, которая, по сути, является одной из его важнейших идей, подаренных исторической науке, и при этом, увы, часто игнорируемой многими исследователями. Этой особенностью является взаимосвязь теории прогресса Мечникова и его концепция географического детерминизма². Характеризуя концепцию Мечникова, Е.Н. Горина приводит ее сравнение с теорией Г. Спенсера. Она особо подчеркивает, что Мечников отрицательно относился «к

¹ Мечников Л. И. Цивилизация и великие исторические реки ... С. 96-97.

² Горина Е. Н. Вклад Л. И. Мечникова в становление русской социологии ... С. 69.

попыткам биологизации общественной жизни, особенно к социал-дарвинизму»¹. Вместе с тем, она также указывает, что между подходами Мечникова и Спенсера можно обнаружить некоторое родство: «По его мнению, социальный прогресс отчасти повторяет те стадии эволюции, через которые прошли организмы, только не на основе борьбы, а на основе кооперации объединенного труда»². Это повторение, о котором говорит Мечников, очевидно заключается в дифференциации, которая в биологическом мире проявлялась в дифференциации ролей сначала отдельных клеток в рамках появившихся многоклеточных организмов, а в обществе в дифференциации социальных ролей отдельных людей, а позднее целых сообществ³.

Впрочем, в наше время мы хорошо понимаем, что такая аналогия хотя и является весьма любопытной, но, представляя по своей сути лишь некоторую общую характеристику любой саморазвивающейся системы, она не проливает свет на специфику развития общества. Очевидно, что Мечников понимал это также хорошо, поэтому в отличие от многих современников он и не пытался развивать это тупиковое направление. Напротив он сосредоточил внимание на поиске именно тех законов и условий, которые определили специфику именно социального, а не какого-либо другого прогресса. В качестве одной из важнейших детерминант такого рода, повлиявшей на процесс становления и развития цивилизации, Мечников рассматривал именно влияние природной среды, которое он подверг анализу в своей работе.

Но и здесь Мечникова подстерегала определенная ловушка, в которой оказались многие сторонники географического детерминизма в прошлом, в том числе Монтеस्कье. Оказалось, что какого-то универсального закона влияния среды на человеческое сообщество не существует. Влияние среды всегда является каким-то опосредованным, непостоянным, меняющимся в зависимости от исторической эпохи и прочих обстоятельств, числом столь многим, что описать и связать их всех исключительно механически не представляется возможным.

¹ Горина Е. Н. Вклад Л. И. Мечникова в становление русской социологии ... С. 68.

² Там же.

³ Там же. С. 69.

Учитывая эти две равно ошибочные крайности, может показаться, что задача анализа влияния природной среды на общество вовсе является неразрешимой, в чем так или иначе признавались многие исследователи, будь то уже упомянутые Монтескье и Гердер. Но не могли же пытливые умы вовсе оставить эту проблему без решения, и, пожалуй, первым ответ на этот вопрос, мучивший поколения исследователей, нашел Мечников. Однако в силу разных обстоятельств его выводы остались незамеченными многими исследователями.

В этом отношении выгодно отличается работа Е.Н. Гориной. Так, она пишет: «Развитие требует определенных стимулов, предполагает борьбу, преодоление препятствий [...]. Выходит, что ценность и полезность рек зависели не только от их природных данных, но и от самого человека, от того, как он, объединяясь с другими людьми, умел использовать реки для обеспечения и совершенствования условий своей жизнедеятельности. С первых шагов цивилизации Нил в Египте, Тигр и Евфрат в Месопотамии и другие исторические реки наложили на жителей, населяющих их берега, своего рода ярмо исторической необходимости – необходимости единения и совместного труда»¹. Развитие цивилизации через преодоления препятствий, именно так можно охарактеризовать данную идею. Комментируя Мечникова Е.Н. Горина отмечает, почему первые цивилизации возникли именно в долинах указанных рек, а не где бы то ни было еще. Ведь именно эти регионы, пожалуй, наилучшим образом подходили для зарождения цивилизации по той причине, что они как раз и представляли людям определенные вызовы, требовавшие координированного ответа. Далее она пишет: «Л.И. Мечников показывает, что сама природа ставила перед жителями орошаемых долин альтернативу: смерть или солидарность. Другого выбора у них не было. Зависимость земледелия от разливов рек, необходимость возведения сложных ирригационных сооружений и управления этими системами объективно толкали, большие массы людей на путь кооперации, ибо только благодаря коллективному, строго дисциплинированному труду в огромных масштабах можно было сколько-нибудь рационально организовать

¹ Горина Е. Н. Вклад Л. И. Мечникова в становление русской социологии ... С. 77.

жизнь и обеспечить нормальную жизнедеятельность членов общества»¹. Следует отметить, что Е.Н. Горина весьма точно показала суть концепции Мечникова. Тем не менее, в ее интерпретации есть некоторый момент, на котором следует остановиться подробнее, тем более, что он во многом отражает также противоречие в работе самого Мечникова, которое впоследствии стало поводом для его критики.

Так, Е.Н. Горина приводит цитату Мечникова, в которой он задается вопросом: «Почему историческая жизнь началась не с анархических и свободных группировок, как наиболее совершенной формы организации, но с совершенно противоположных форм»², под которыми Мечников, конечно, понимал деспотизм, и далее он писал: «совершенно легко понять угнетение и эксплуатацию слабых существ сильными [...], но каким образом можно объяснить факт угнетения сильных слабыми, эксплуатацию многочисленных народных масс незначительным меньшинством, иногда даже одним невежественным и полубольным человеком? Эту картину мы находим с некоторыми небольшими вариациями в начале исторического периода каждого народа...»³. Данное противоречие, сформулированное Мечниковым в начале его работы «Цивилизация и великие исторические реки», как бы задает тон всему дальнейшему повествованию, оно является ключевой проблемой, несколько болезненное⁴ решение которой будет описано Мечниковым немного позднее. Однако Е.Н. Горина, вероятно, не совсем точно интерпретируя цитату Мечникова, отвечает на его соображения: «У так называемых «примитивных» племен, быт которых отражает «детство человечества», налицо такой свободный общественный строй, о котором большинству культурных народов приходится только мечтать. Следовательно, на первоначальных этапах генезиса человеческого общества деспотизма не существовало»⁵. Но здесь следует

¹ Горина Е. Н. Вклад Л. И. Мечникова в становление русской социологии ... С. 78-79.

² Цит. по: Горина Е. Н. Вклад Л. И. Мечникова в становление русской социологии ... С. 66.

³ Там же.

⁴ Болезненное, для человека с анархическим мировоззрением.

⁵ Горина Е. Н. Вклад Л. И. Мечникова в становление русской социологии ... С. 66.

отметить, что когда Е.Н. Горина пишет о «детстве человечества», в котором не было деспотизма, она подразумевает то, что Маркс называл первобытнообщинным строем. Мечников же, говоря о начале истории, имел в виду более поздний период, в котором уже существовали первые государственные образования. Очевидно, здесь имеет место обыкновенное недопонимание.

Совершенно точно характеризуя важность тезиса об ирригационном земледелии, как об основе развития цивилизации, Е.Н. Горина пишет по-своему замечательные, но все же, как нам кажется, слишком оптимистичные строки: «Этот совместный труд как фактор исторической необходимости объединял людей разной этнической принадлежности, разной веры, способностей, социального положения эффективнее, чем грубая сила. Более того, совместная деятельность рождала чувство единства и ответственности, которая вначале ощущалась как круговая порука. Гигантские ирригационные сооружения, характерные для древних речных цивилизаций, являются, вероятно, результатами мудро объединенной; коллективной работы многих поколений, вероятно, гораздо более многочисленных, чем те поколения, какие строили египетские храмы и пирамиды. Малейшая оплошность при прорытии; какого-нибудь, канала, простая леность, эгоизм одного человека или небольшой группы при общей работе над созданием коллективного богатства – оберегания драгоценной влаги и рационального пользования ею – могли быть причиной, бедствия и голодовки всего народа. Под страхом, неминуемой смерти река-кормилица заставляла население соединять свои усилия на общей работе, учила солидарности, хотя в действительности отдельные группы населения могли ненавидеть друг друга»¹. Начнем с того, что ирригационные сооружения строили те же поколения, которые строили храмы и пирамиды, явшиеся своего рода побочным продуктом сверхцентрализованных государств древности, что впоследствии вполне убедительно доказал К.А. Виттфогель, также развивавший ирригационную теорию.

¹ Горина Е. Н. Вклад Л. И. Мечникова в становление русской социологии ... С. 78.

Мечников действительно совершенно отчетливо доказал, что особая среда Междуречья, равно как и многих других описанных им регионов, требовала от людей кооперированного, и, самое главное, координированного ответа на ее вызовы. Можно сказать, что для решения этой проблемы жители достигли определенного общественного договора, по которому большинство населения делегировало свою свободу меньшинству, которое осуществляло руководство. Каким образом был достигнут этот «общественный договор», который, конечно, называется таковым с большой долей условности, неизвестно. Но когда Е.Н. Горина пишет, что «совместный труд, как фактор исторической необходимости, объединял людей эффективнее, чем грубая сила», – это не совсем верно, ведь однажды делегировав или просто лишившись своей свободы, население уже управлялось лишь этой грубой силой. Именно так и возникли деспотические формы правления. Иначе просто невозможно заставить человека заниматься тяжелейшим физическим трудом, при этом отнимая у него практически весь прибавочный продукт, иным способом, кроме как насилием. Более того, весьма вероятно, что на заре человеческой истории деспотия была единственно возможной формой организации общества в условиях агрессивной человеку среды. По-видимому, Мечников пришел в своей работе к такому неприятному для него, как анархиста, выводу, и поэтому пытался снабдить его множеством оговорок, шедших вразрез с этой простой логикой, за что получил большую часть критических замечаний от Г.В. Плеханова. Вот и Е.Н. Горина, зачем-то идеализирует вывод Мечникова, снабжая его множеством оговорок о солидарности и даже своего рода альтруизме древних людей.

Истинный же вывод Мечникова заключается в следующем, и ему как анархисту нечего было его стыдиться. Действительно, в древности деспотические формы правления представляли единственный возможный при всех имеющихся объективных обстоятельствах способ организации общества. Вспомним хотя бы уже ранее приведенную цитату Мечникова, где он утверждал, что деспотизм в истории вовсе не являлся случайной конспирацией меньшинства. Но, по мере развития средств производства, деспотизм становился уже все менее

оправданным. Со временем исчезла сама необходимость в нем. Более того, он превратился в фактор, который замедлял дальнейший прогресс. В этой связи можно вспомнить, например, схему исторического прогресса Сен-Симона и общественно-экономические формации Маркса, которые в этом вопросе отлично согласовывались со схемой деления истории, предложенной Мечниковым.

Конечно, все эти схемы весьма условны, но в целом они объединены общей идеей: прогресс – это рост свободы. Но не просто свободы личности, что конечно само по себе очень важно, а свободы в общественных отношениях. Того, что можно охарактеризовать, как переход от жестких иерархических связей, системы контроля и подчинения к партисипативным отношениям в обществе. Именно в этом и состоит идея Мечникова, который считал, что социальный прогресс заключается в постепенном переходе от вынужденной кооперации к добровольной солидарности всех членов общества.

Итак, возвращаясь к первому и главному вопросу Мечникова: «почему историческая жизнь началась не с анархических и свободных группировок как наиболее совершенной формы организации, но с совершенно противоположных форм»¹, мы можем дать теперь вполне определенный ответ опирающийся на его же собственное исследование – иной альтернативы в древности просто не существовало. То есть, конечно, мы можем представить такую общину, где обязанности и продукты производства распределялись более или менее равномерно между членами общества. Более того, таких примеров было вовсе немало среди первобытных племен, но все эти примеры несовместимы с тем, что мы называем цивилизацией. Сам Мечников писал об этом: «Так, например, мы уже заметили выше, что кабилы, этот получивилизованный народ, пользуются, несомненно, более высокой с социологической точки зрения общественной организацией, чем сами французы, победители кабилов. Между тем никто не будет оспаривать у французов права занимать первые ряды среди цивилизованных народов. К несчастью, мы имеем в данном случае дело не со случайной аномалией. Свободные народы довольно многочисленны на земном

¹ Мечников Л. И. Цивилизация и великие исторические реки ... С. 254.

шаре, но все они без исключения представляют больше интереса для этнографа, чем для историка, так как в области наук, искусств и индустрии эти народы не вышли большею частью из периода так называемого каменного века. Но между культурными народами можем ли мы назвать хоть один народ, который хотя бы в один какой-нибудь период своей истории не подвергался бы деспотизму»¹. Дело в том, что дифференциация, то есть неравенство в обществе, на определенном историческом этапе являлась необходимым условием появления социального прогресса.

Вполне естественно, что по мере усложнения хозяйственной экономической деятельности, в обществе кто-то должен был взять на себя роль управления и распределения ресурсов. Именно так появились жрецы, а затем и иные привилегированные сословия. Освобожденные от физического труда, жрецы могли посвятить свое время изучению природы, и познавая ее законы способствовали овладению ею людьми. Что же касается мифологии, то помимо задачи своеобразного регулятора норм поведения и прочих задач, она также являлась своеобразной доктриной, оправдывающей неравноправное положение разных сословий в обществе. Поэтому в сакрализации правящего класса, и прежде всего жречества, нет ничего удивительного. Конечно, когда общество перестало быть однородным, продукты производства стали также распределяться неравномерно. Чтобы обеспечить привилегированные сословия необходимыми для их существования продуктами, нужно было отнять часть прибавочного продукта у другой, притом большей части населения, которая была их непосредственным производителем. Следовательно, неизбежным было также применение насилия и принуждения. Но без этой несправедливости было невозможно появление, к примеру, письменности, календаря, математики и других достижений прогресса, которые в свою очередь являлись необходимым условием для ведения ирригационного земледелия.

Эти идеи, которые сейчас кажутся нам почти самоочевидными, еще 150-200 лет назад не только не являлись аксиомой, но и едва ли кем-то ясно осознавались.

¹ Мечников Л. И. Цивилизация и великие исторические реки ... С. 259

Конечно, многие факты в отдельности уже были известны, но лишь благодаря таким исследователям, как Л.И. Мечников, их удалось увязать в единую непротиворечивую картину цивилизационного развития человечества.

К сказанному хотелось бы добавить еще один важный момент. Вначале мы упомянули, что Мечников не отождествлял технический и социальный прогресс. Его суждение является совершенно справедливым, однако это не значит, что они вовсе не коррелируются. Ведь по мере роста производительности труда, который, в свою очередь, связан с техническим прогрессом, росло и национальное благосостояние. Что в свою очередь также содействовало некоторым общественным переменам. Так, в силу ряда накопившихся изменений ко времени промышленной революции, ознаменованной невиданным ростом производительности труда, произошел и определенный общественный переворот, заключавшийся в смене сословного строя классовым делением. С этого времени начинается второй период истории, по классификации Мечникова.

Но как же охарактеризованный им третий период свободных ассоциаций, возможно ли его осуществление или эта идея является лишь утопией? Наверняка можно сказать лишь то, что когда Карл Маркс писал свои знаменитые строки «призрак бродит по Европе – призрак коммунизма»¹, то реальных перспектив для перехода к этому самому коммунизму, увы, еще не существовало. Как верно заметил В.М. Межуев: «За доказательство приближающейся смерти капитализма они (то есть Маркс и Энгельс) поспешили выдать то, что в действительности оказалось лишь симптомом его незрелости и просто молодости»². Однако Мечников то, в отличие от Маркса, был более сдержанным в своих прогнозах, и ограничился высказываниями, что этот период «едва лишь начинается»³, и что он «принадлежит еще будущему»⁴. Так что обвинять его в неправоте или, как минимум, близорукости взглядов, было бы поспешно. Более того, за прошедшие годы в обществе произошли важные преобразования, анализ которых позволяет

¹ Маркс К. и Энгельс Ф. Манифест коммунистической партии // Сочинения. 2-е. изд. М. : Госполитиздат, 1955. Т. 4. С. 423.

² Межуев В. М. Маркс против марксизма. М. : Культурная революция, 2007. С. 37.

³ Мечников Л. И. Цивилизация и великие исторические реки ... С. 270.

⁴ Там же. С. 271.

сказать, что далеко не все в образе общественного устройства будущего, каким его представляли социалисты, является утопией. Чтобы понять, какие изменения могут ждать общество в будущем, необходимо обратиться к историческому опыту. Выше уже приводился рассказ об Английской промышленной революции в связи с критикой мальтузианства Мечникова.

Дело в том, что в середине – конце XIX в. индустриальное общество, капитализм и классовое деление постепенно сменили аграрное общество, феодализм и сословное деление. Хотя эти преобразования заняли по времени больше столетия, и произошли не одновременно, они все же были связаны друг с другом. Отчасти, по аналогии с этими событиями, можно предположить, что и в начале XXI в. зарождаются процессы, которые по значению в чем то сопоставимы с промышленной революцией. Во-первых, и это общепризнанный факт, в наиболее передовых странах произошел переход к постиндустриальному обществу. Его специфика заключается в том, что информация в современном мире приобрела особую ценность, становясь тем самым как бы основным средством производства. Но информация в отличие от материальных объектов является легко тиражируемым продуктом. Поэтому именно сейчас проблемы свободы обмена информацией, доступа граждан к знаниям, образованию, культуре приобрели первостепенное значение.

Однако важно понять причины перехода от индустриального общества к информационному, который, как представляется, еще не завершен даже в самых передовых странах. В этой связи можно также вспомнить о предпосылках перехода от аграрного общества к индустриальному. Вполне очевидно, что промышленная революция никогда бы не произошла, если бы ей не предшествовала аграрная революция. Ведь возросший процент городского населения нужно было обеспечивать продовольствием. Но если крестьяне общинники сами жили впроголодь, откуда взять недостающее продовольствие? Поэтому лишь соответствующий рост производительности труда в аграрном секторе позволил произойти процессам урбанизации и индустриализации. Но ведь и в настоящее время мы наблюдаем в чем-то похожий процесс. Так, в аграрном

секторе за последние десятилетия произошла еще одна революция. Благодаря массовой механизации сельскохозяйственных работ, в наиболее передовых странах удалось сократить число работников, занятых в аграрном секторе производства до нескольких процентов населения. Таким образом, абсолютное меньшинство населения удовлетворяет потребности в еде абсолютного большинства населения, а не наоборот, как это было во времена, подробно описанные Мечниковым. Главное, что нечто похожее происходит также в промышленности. В настоящее время в развитых капиталистических странах, в том числе и в России, рабочий класс уже не является большей частью населения. Благодаря росту производительности труда и массовой автоматизации процессов производства, в настоящее время с нагрузкой обеспечения «нетрудовых» классов промышленными товарами справляется многократно меньший процент населения, чем столетие назад. При этом есть основания предполагать, что в ближайшем будущем количество людей, занятых в сфере производства, продолжит сокращаться.

Куда же перемещаются эти людские массы? Большая часть из них в настоящее время занята в сферах обслуживания или различных видах творческой, либо новаторской деятельности. Иногда этих людей исследователи называют «креативным классом», однако более вероятно, что этот процесс скорее является постепенным распадом классовой системы и признаком перехода к новому, профессионально дифференцированному обществу.

Как видно общество и экономика в современном мире качественно изменились. Уже довольно сложно говорить об антагонизме буржуазии и рабочего класса. Не только потому, что рабочие в экономически развитых странах находятся уже далеко не в столь тяжелом положении, как прежде, но еще и потому, что рабочий класс заметно сократился в процентном соотношении от числа всего населения и рискует со временем стать его меньшинством. Конечно, современные марксисты могут возразить, что классовый антагонизм перешел на наднациональный уровень вместе с распространением транснациональных корпораций и последовавшим перераспределением производственных площадок в

страны развивающегося капитализма. Это безусловно верное мнение, однако на него можно возразить двумя соображениями. Во-первых, «Старый свет» покидает далеко не вся промышленность, а лишь та, которая на данный момент плохо поддается автоматизации, а, следовательно, повышению рентабельности. По мере того, как появляются новые способы автоматизации трудоемких процессов, замедляется также и процесс эмиграции промышленности. Во-вторых, страны развивающегося капитализма, в особенности Китай, доказывают, что путь индустриализации и промышленного развития теперь отнимает во много раз меньше времени, чем у первых индустриальных держав. Резонно предположить, что по мере роста благосостояния граждан в странах развивающегося капитализма, а, следовательно, и оплаты труда в них, мировая промышленность также должна мигрировать в другие страны. Однако этот процесс не может длиться бесконечно. Единственным решением в данной ситуации является дальнейший рост производительности труда, основанный на широком применении автоматизации и робототехники, а, следовательно, и дальнейшее сокращение процента населения занятого в сфере производства, в идеале до значений близких к нулю. Пока это кажется невозможным, но на самом деле это не так. Достаточно вспомнить хотя бы о том факте, что все крупнейшие автопроизводители уже включились в весьма затратную гонку по созданию автоматического управления автомобилем, причем наиболее приоритетным для производителей является использование подобных систем в сфере грузоперевозок.

Итак, возвращаясь к общественному идеалу, каким его описал Мечников. Что необходимо для его осуществления, и что может свидетельствовать в пользу версии о его утопичности? Совершенно очевидно, решения, которые предлагали анархисты в прошлом, в том числе Пьер Прудон, о том, что работник и хозяин должны время от времени меняться местами и тому подобные идеи абсурдны. Исследование Мечникова позволило ясно понять, что деспотизм, неравенство, эксплуатация и пр. несправедливости появились в процессе исторического развития неслучайно. Они до некоторой поры являлись необходимым условием

для появления и развития нашей цивилизации. Однако по мере того как растет производительность труда, а человечество освобождается от необходимости заниматься тяжелым и рутинным трудом, по мере того, как все больше людей становится занятыми в сфере интеллектуального труда, наступление третьего, высшего периода «преобладания свободных союзов и групп, возникающих в силу свободного договора и объединяющих отдельных людей в силу общности интересов, личных наклонностей и сознательного стремления к солидарности»¹, который описывал Мечников, становится не утопией, но вполне реальной перспективой.

Вполне очевидно, что хотя книга Мечникова «Цивилизация и великие исторические реки» повествует, об истории нашей цивилизации, Л.И. Мечников все же хотел найти ответы на вопросы относящиеся к настоящему и будущему человечества. Да, очевидно полагал он, в прошлом было много жестокости и несправедливости, но в будущем им нет оправдания. Такими он видел принципы этой эпохи, которая уже может быть зарождается на наших глазах: «Свобода – т.е. уничтожение всякого принуждения, Равенство – уничтожение всех ненормальных и несправедливых социальных и политических делений и привилегий, Братство – т.е. солидарная согласованность индивидуальных сил, заменяющая борьбу и разъединение, ведущие к жизненной конкуренции»², и как представляется нужно быть убежденным мизантропом, чтобы назвать эти принципы утопичными. Главу своей книги, посвященную прогрессу в истории, Мечников закончил весьма жизнеутверждающе: «Не будем забывать, что последнее слово самой жестокой войны – это мир»³, указывая тем самым, что историческая борьба человечества со всеми «враждебными ему стихиями»⁴ также должна рано или поздно завершиться наступлением нового мира.

Что же касается нас, то мы, также как и Г.В. Плеханов когда-то, хотели бы просто сказать, что всецело поддерживаем суждение Мечникова, и поставить на

¹ Мечников Л. И. Цивилизация и великие исторические реки ... С. 258.

² Там же. С. 271.

³ Там же.

⁴ Мечников Л. И. Виктор Гюго (окончание) ... С. 205-209.

этом точку в вопросе анализа теории прогресса. Однако должны, тем не менее, сделать небольшую оговорку. Сценарий, описанный Мечниковым, является, пожалуй, одним из наиболее оптимистичных, но далеко не единственным. Ведь кроме позитивных сценариев развития общества есть и, своего рода, депрессивные модели, в которых больше внимания уделяется проблеме энтропической тенденции в развитии общественных отношений, которая, увы, также существует. Одним из наиболее известных примеров альтернативного, и даже противоположного социалистической теории прогресса, подходом была традиция русских религиозных философов, которая помимо всего прочего интересна нам тем, что стала активно развиваться не многим позднее, чем подход Мечникова.

Справедливости ради все же следует заметить, что упомянутая разница во времени сыграла очень важную роль в различиях двух подходов. Вполне очевидно, что характерный для второй половины XIX века энтузиазм в отношении теории прогресса был связан с особой атмосферой, царившей в обществе. Ситуация серьезно изменилась с началом XX века, когда во многих слоях общества постепенно начало нарастать ощущение тревоги. В это время уже многие мыслители стали относиться к понятию прогресса скептически, либо даже негативно.

Одной из первых работ такого рода было сочинение В.С. Соловьева «Три разговора о войне, прогрессе и конце всемирной истории», опубликованное в 1900-м году, незадолго до смерти его автора. Следует отметить, что прежде Соловьев придерживался достаточно оптимистической точки зрения на историю человечества. Он был уверен в том, что человек своими добрыми деяниями способен сделать мир и других людей лучше. Как следствие, и сама история должна привести к формированию совершенного общества, в его понимании, конечно, теократического¹. Однако в последней работе он основательно пересмотрел свои взгляды. Так, в разговоре, повествующем о конце всемирной

¹ Евлампиев И. И. Жизненная драма Владимира Соловьева // Вопросы философии. 2011, № 2. С. 127.

истории «Г[-н] Z.», который, вероятно, является голосом автора, говорит: «Я думаю, что прогресс, то есть заметный, ускоренный прогресс, есть всегда симптом конца»¹. История, по мнению Соловьева, судя по данному сочинению, закончится самым ужасным образом: силы, противоположные христианству, будут выдавать себя за истинное христианство, и человечество им поверит. В конце истории победит зло. Лишь Бог сможет преобразить мир и привести его к добру. Человечеству же остается только плыть по течению истории.

В целом «Три разговора» оставляет гнетущее впечатление трагической безысходности, что вдвойне неприятно, учитывая ранние, оптимистичные работы В.С. Соловьева.

Причины, побудившие его написать данное сочинение, остаются не вполне понятными. Возможно, он предчувствовал приближающуюся смерть, что не могло не повлиять на его мироощущение. Но разве история не знала случаев, когда мыслители впадали в пессимизм? Вспомним хотя бы библейскую книгу Екклесиаст, насыщенную фатализмом её легендарного автора.

Однако позднее подобный отрицательный, даже тревожный подход к прогрессу, стал характерен и для других религиозных философов.

Так, следующей работой, которую следует отметить, была статья С.Н. Булгакова «Основные проблемы теории прогресса», опубликованная в 1902 г. Он утверждал, что теория прогресса основывается на вере в победу лучших качеств человечества, которая неизбежно наступит. То есть на вере, которая, как он считал, ничем не обоснована. Развивая эту идею, он отмечал, что данная теория, в современном ему понимании, сама является своеобразной религией.

Он также выявил противоречие, по его мнению, неизбежно возникающее между данной «верой в прогресс» и господствовавшим в позитивной науке принципом «механической причинности»: «Первая и основная задача, которую ставит себе теория прогресса, состоит в том, чтобы показать, что история имеет смысл, и исторический процесс есть не только эволюция, но и прогресс. Она

¹ Соловьев В. С. Три разговора о войне, прогрессе и конце всемирной истории // Собрание сочинений. СПб. : Просвещение, 1914. Т. 10. С. 159.

доказывает, следовательно, конечное тождество причинной закономерности и разумной целесообразности, является в этом смысле, как мы уже сказали, теодицеей. Она ставит себе, таким образом, целью раскрытие высшего разума [...] Что же значит найти смысл истории? Это значит, прежде всего, признать, что история есть раскрытие и выполнение одного творческого и разумного плана, что в историческом процессе выражена мировая, провиденциальная мысль...»¹.

Отметим, что по-своему Булгаков был, конечно, прав, но безоговорочно согласиться с ним все-таки невозможно. Возьмем, к примеру, современную синтетическую теорию эволюции, которая, в отличие от теории социального прогресса, является более или менее законченной и признанной концепцией. В рамках этой теории было убедительно доказано развитие живых существ от простейших одноклеточных организмов к сложнейшим многоклеточным существам с развитой нервной системой, вплоть до человека. Таким образом, наличие объективных законов и направлений развития организмов в естественном эволюционном процессе почти ни у кого не вызывает сомнения, исключая немногочисленных сторонников альтернативных теорий. Кроме того, теория эволюции в разной степени является принятой как материалистами, так и католической церковью. Так почему же нахождение объективных оснований в теории прогресса обязательно должно привести к провиденциальной мысли, если, к примеру, из теории эволюции это прямо не следует?

Позднее идеи Булгакова развил в «Философии истории» Л.П. Карсавин. Он не подверг детальному анализу отдельные уже существовавшие теории прогресса, будь то теория П.Л. Лаврова и Н.К. Михайловского, либо Л.И. Мечникова. Объектом его критики стало скорее утопическое представление социалистов об идеальном обществе будущего с бессмертием человеческого тела и прочими благами. Поэтому и сама его критика носила до некоторой степени абстрактный характер. Как правило, он указывал на определенные нравственные и логические противоречия теории прогресса.

¹ Булгаков С. Н. Основные проблемы теории прогресса // Проблемы идеализма: сборник. М., 1902. С. 32-34.

Первое противоречие заключается в том, что идеал теории прогресса, как ее понимал Карсавин, фактически является недостижимым: «Прогресс не отождествляется с современным состоянием и современность не признается началом идеального бытия. Идеальное состояние или переносится в неопределенно далекое будущее, вызывая ослабление эсхатологизма, или мыслится как непрерывно становящееся, т. е. подменяется идеалом дурной бесконечности совершенствования»¹.

Второй обозначенной проблемой является необходимость жертвовать многим сегодня ради сомнительного и не слишком вероятного удовольствия в далеком будущем: «Нет ни малейшего основания предпочитать эмпирическое будущее эмпирическому настоящему, жертвовать благом ныне живущих во имя еще не родившихся и нам неизвестных»².

Карсавин констатировал определенное нравственное противоречие: «В этой релятивистической тенденции своей теория прогресса неизбежно абсолютизирует настоящее и обесценивает прошлое. Пршлое для нее «хуже» и «меньше» настоящего. Ценность прошлого может быть лишь относительною ценностью, ибо прошлое понимается только в смысле средства к достижению настоящего, а средство нужно лишь до той поры, пока не достигнута цель. Поэтому из теории прогресса вытекает глубокое пренебрежение к прошлому: к религиозным исканиям, к философии, к науке, к технике прошлого»³.

Отметим, что данное высказывание является по меньшей мере спорным. Приведем пример. Первый космонавт Юрий Гагарин провел в космосе немногим больше часа, и выполнял, по сути, простейшие эксперименты. Современные космонавты проводят в космосе месяцы и выполняют значительно более сложные программы, но сколько любви и уважения в наших сердцах к Гагарину, и как мало мы думаем о нынешних космонавтах. Точно так же, никто в здравом уме и с чистой совестью не станет выказывать пренебрежение к труду наших отцов и предков.

¹ Карсавин Л. П. Философия истории. СПб. : Комплект, 1993. С. 234.

² Там же. С. 235.

³ Там же. С. 245.

Развивая данную идею, Карсавин пришел к любопытному заключению: «Последовательное (хотя бы и бессознательное) отождествление идеала прогресса с идеалом современности должно обесценивать и будущее [...] В самом деле, пренебрежение к будущему ясно в нежелании допускать, что потомки наши могут по-иному понять задачи социальной и личной жизни»¹. Это заключение представляется вполне естественным. То, что заглянуть в будущее невозможно – очевидно, как очевидно то, что нельзя с полной определенностью назвать критерии социального прогресса будущего. Однако абсолютно справедливым это суждение также не является. История науки тому подтверждение. Существует множество примеров, когда научные концепции прошлого, будучи опровергнутыми, или основательно пересмотренными, сыграли, тем не менее, важную роль в накоплении научного знания, и являлись необходимым этапом развития науки и техники. Так, без классической механики не возникла бы теория относительности, частным случаем которой она, в сущности, является. Весьма вероятно, что осознание принципов социального прогресса и выделение его критериев в настоящем необходимо для осуществления прогресса в будущем. К похожему выводу пришел Карсавин. Подводя итог своей критики, он заметил: «Но сколько бы мы теорию прогресса ни разрушали, она постоянно возрождается в новых формах и формулах. Так, с нашей точки зрения, и быть должно. – Раз всякое историческое явление обладает в каком-то смысле своею неповторимою ценностью, обладает ею и теория прогресса, также являясь умаленным моментом всеединства. Ошибочны (недостаточны) ее формулировки, ее определения, но основной мотив ее должен быть правильным»².

Поэтому неверно было бы утверждать, что критика, высказанная Карсавиным, была несправедлива. Напротив, он совершенно точно отметил противоречия теории прогресса. Он доказал, что критерии прогресса не могут быть неизменными, и то, что для каждой эпохи и каждого поколения критерии прогресса будут различными. Он показал, что даже существующие теории не

¹ Карсавин Л. П. Философия истории ... С. 245.

² Там же. С. 246-247.

могут быть однозначно, без каких либо исключений и искажений, приложены к фактическому историческому материалу. Однако следует ли из данной критики, что создание более или менее объективной теории прогресса невозможно в принципе? Вовсе нет. Это лишь означает, что такая теория до сих пор не создана. В данном контексте оригинальный, но мало известный подход к решению этой проблемы, изложенный Л.И. Мечниковым, является весьма актуальным.

2.3 Концепция Л.И. Мечникова и исторический материализм

Между концепцией Мечникова и историческим материализмом можно обнаружить немало точек соприкосновения. В сущности, Мечников сам являлся материалистом, хотя и не разделял отдельные положения марксизма. Это отмечал еще Г.В. Плеханов: «Читателю известна, может быть, вышедшая в 1889 г. книга Л. Мечникова *«La civilisation et les grands l'ieuves historiques»*. У Мечникова встречаются несомненные уклонения в сторону идеализма, но в общем он все-таки стоит на материалистической точке зрения»¹. Уже в первой главе своей работы Мечников однозначно высказался о том, что именно народные массы являются истинным творцом исторических формаций². Эта мысль также является важной чертой исторического материализма, отличая его от многих других историсофских теорий.

И все же однозначного мнения на счет того, можно ли называть Мечникова материалистом, среди исследователей нет. Так Д.Т. Толгамбаева считает, что Плеханов «завышает степень материалистичности Мечникова»³. То же она относит и к М.Г. Федорову: «Он называет Мечникова представителем революционно-демократического направления в социологии и, как считает диссертант, подобно Г.В.Плеханову, завышает материалистичность учения Мечникова»⁴. По ее мнению, «Время, когда писались эти работы, отразилось на

¹ Плеханов Г. В. К шестидесятой годовщине смерти Гегеля // Избранные философские произведения в пяти томах. М. : Госполитиздат, 1956. Т. 1. С. 437.

² Мечников Л. И. Цивилизация и великие исторические реки ... С. 236.

³ Толгамбаева Д. Т. Философско-историческая концепция Л. И. Мечникова ... С. 4.

⁴ Там же. С. 6.

рассмотрении творчества Мечникова, на оценке многих его положений: авторы пытались интерпретировать взгляды Мечникова с позиции материалистического понимания истории и приблизить его к марксизму, зависить его революционность»¹. Замечание Д.Т. Толгамбаевой о влиянии эпохи на характер советских исторических исследований совершенно справедливо, но в некоторой степени оно также применимо и к работе самой Д.Т. Толгамбаевой. Очевидно, что в эпоху краха советской системы, и дискредитации советской марксистско-ленинской идеологии, материалистическое понимание истории многими исследователями также стало восприниматься, как устаревшее, или искусственное. Поэтому стремление автора дистанцировать учение Мечникова от «дискредитированной» идеологии вполне понятно.

Действительно, рассматривать Л.И. Мечникова, как марксиста, было бы некорректно, но советские авторы и не допускали таких оценок. Вместе с тем, отрицать материалистический характер его историко-философской концепции также было бы неверно. Что же касается «революционности» Мечникова, то собственно большинство советских авторов классифицировали Мечникова, как революционного демократа, что, на наш взгляд, вполне корректно. С одной стороны, он был убежденным противником существующего политического строя в России и мечтал о радикальном переустройстве общества в будущем. Это вполне очевидно всем, кто знаком с его работами, в которых отчетливо прослеживается его симпатия к анархизму. С другой стороны, Мечникова нельзя назвать ни проповедником, ни даже сторонником насильственных революционных переворотов, а также практики террора. При этом, нужно заметить, он все же принимал участие в различных революционных организациях (участие в гарибальдийских походах, организация помощи восставшей Польше, деятельность в I Интернационале и Международном альянсе социалистической демократии). Таким образом, вовсе отнимать «революционность» у Мечникова было бы несправедливо. Важно лишь помнить, что стремясь к революции, то есть коренному переустройству общества, он едва ли отождествлял революцию

¹ Толгамбаева Д. Т. Философско-историческая концепция Л. И. Мечникова ... С. 6-7.

именного с вооруженным переворотом или тем более чем-то вроде диктатуры. А что же с «материалистичностью» Мечникова, действительно ли она была завышена Плехановым и советскими авторами?

Д.Т. Толгамбаева пишет: «Согласно Мечникову, в идеальном обществе будущего не должно быть ни гнета, ни насилия, ни власти как таковой. Отношения между людьми, основанные на коллективной собственности и общности интересов, характеризуются как отношения взаимопомощи и солидарности. Уровень сознания настолько высок, что каждый сознает полезность и необходимость своего труда и совершает его без какого-либо принуждения. Свобода каждого и свобода всех взаимосвязаны и взаимообусловлены»¹. Это резюме данное взглядам Мечникова об общественном идеале представляется вполне корректным. Однако уже по нему можно судить насколько Мечников, да анархисты в целом, были близки к марксистам. Сам Плеханов анализируя работу Мечникова писал по этому поводу: «Уже не далеко то время, когда начнется новый период свободных и разумных общественных отношений. К такому выводу приходит Л.И. Мечников [...]. Что касается до нас, то, разумеется, мы принимаем его всецело»².

Разумеется, между концепцией Мечникова и материалистическим подходом имеется немало различий. Так, представление Мечникова о сущности прогресса в истории, отчасти опирается на идеи анархизма и представления социалистов-утопистов. Кроме того, важно помнить, что теория Мечникова относится к географическому направлению в социологии, в то время как исторический материализм в качестве фактора, определяющего специфику общественных отношений, рассматривает, прежде всего, экономическую составляющую, вследствие чего материалистический подход иногда некорректно классифицируют, как разновидность экономического детерминизма.

В то же время, исследуя общественные и экономические явления марксисты вовсе не отрицают влияния естественных, то есть природных факторов на

¹ Толгамбаева Д. Т. Философско-историческая концепция Л. И. Мечникова ... С. 18.

² Плеханов Г. В. О книге Л. И. Мечникова: «Цивилизация и великие исторические реки» ... С. 25.

общество. Поэтому даже в работах Маркса и, еще чаще, Плеханова можно найти отдельные упоминания о географическом факторе. Кроме того, в общих основаниях можно найти сходство критериев социального прогресса в марксизме и в теории Мечникова. В обоих случаях свобода, ослабление эксплуатации, усиления роли свободных ассоциаций рассматривается в качестве признаков социального прогресса. В силу этого представляется разумным выяснить, в чем концепция Мечникова роднится с материалистическим подходом, в чем ему противоречит, и, главное, чем она может восполнить отдельные пробелы этой без сомнения значимой теории. Но прежде, чем ответить на этот вопрос необходимо кратко описать, что мы понимаем под теорией исторического материализма.

Основателем исторического материализма по праву считается Карл Маркс. Этот вопрос был изложен в его сочинениях «Немецкая идеология», «К критике политической экономии», «Манифест Коммунистической партии» и др.

Огромный вклад в развитие этого вопроса внесли Ф. Энгельс и Г.В. Плеханов, который наиболее подробно изложил свое видение исторического материализма в работе «К вопросу о развитии монистического взгляда на историю». Позднее целые поколения советских исследователей марксистов обращались к понятию исторического материализма, разрабатывая его в соответствии с идеологической платформой большевизма.

Необходимость изложения своих взглядов относительно исторического процесса Маркс осознал после глубокого осмысления исторической концепции Гегеля. Он пришел к выводу, что предложенный им субъект движущей силы в истории, а именно «мировой дух», таковым не является: «Мои исследования привели меня к тому результату, что правовые отношения так же точно, как и формы государства, не могут быть поняты ни из самих себя, ни из так называемого общего развития человеческого духа, что, наоборот, они коренятся в материальных жизненных отношениях, совокупность которых Гегель, по примеру английских и французских писателей XVIII века, называет «гражданским обществом», и что анатомию гражданского общества следует искать в

политической экономии»¹. Как следует из сказанного, Маркс не разделял идеалистические взгляды Гегеля, однако это не означает, что он полностью отвергал его философское наследие. Маркс считал, что движущие силы общественных отношений носят исключительно материальный характер. В письме Л. Кугельману он так охарактеризовал свою позицию: «Мой метод исследования не тот, что у Гегеля, ибо я – материалист, а Гегель – идеалист. Гегелевская диалектика является основной формой всякой диалектики, но лишь после освобождения ее от ее мистической формы, а это-то как раз и отличает от нее мой метод»².

Суть предложенной Марксом концепции заключается в следующем. Всю историю человечества можно разделить на несколько прогрессивных эпох, которые он обозначал термином «Der ökonomischen Gesellschaftsformation» (экономические общественные формации): «В общих чертах, азиатский, античный, феодальный и современный, буржуазный, способы производства можно обозначить, как прогрессивные эпохи экономической общественной формации. Буржуазные производственные отношения являются последней антагонистической формой общественного процесса производства, антагонистической не в смысле индивидуального антагонизма, а в смысле антагонизма, вырастающего из общественных условий жизни индивидуумов; но развивающиеся в недрах буржуазного общества производительные силы создают вместе с тем материальные условия для разрешения этого антагонизма. Поэтому буржуазной общественной формацией завершается предыстория человеческого общества»³. Следует отметить, что непосредственно озвученные им названия формаций впоследствии стали предметом многочисленных споров и спекуляций. Больше всего дебатов было вокруг «азиатского способа производства», которое одни исследователи трактовали как особый, характерный этап развития только для азиатских стран, в то время как другие считали, что данный термин следует

¹ Маркс К. и Энгельс Ф. К критике политической экономии // Сочинения. 2-е. изд. М. : Госполитиздат, 1959. Т. 13. С. 6.

² Маркс К. и Энгельс Ф. Маркс – Людвигу Кугельману в Ганновер // Сочинения. 2-е. изд. М. : Политиздат, 1964. Т. 32. С. 448.

³ Маркс К. и Энгельс Ф. К критике политической экономии ... С. 7-8.

рассматривать шире, как формацию предшествующую «рабовладельческому строю».

Следующая за буржуазной эпоха представляет собой теоретически возможную, наиболее справедливую форму организации общества, основными признаками которой являются социальное равенство, общественная собственность на средства производства, исчезновение деления на социальные классы и государства в привычном его понимании, а вслед за ним товарно-денежных отношений.

Градация в данной теории производится по господствующему способу производства, который, в свою очередь, определяется отношением к частной собственности. Соответственно смена формаций отражает исторический прогресс: «Общественные производственные отношения изменяются, преобразуются с изменением и развитием материальных средств производства, производительных сил. Производственные отношения в своей совокупности образуют то, что называют общественными отношениями, обществом, и притом образуют общество, находящееся на определенной ступени исторического развития, общество со своеобразным отличительным характером. Античное общество, феодальное общество, буржуазное общество представляют собой такие совокупности производственных отношений, из которых каждая вместе с тем знаменует собой особую ступень в историческом развитии человечества»¹.

Важным понятием, которое Маркс ввел в обиход, является прибавочный продукт. До того времени, пока человек мог получить лишь необходимый продукт, социальная дифференциация была выражена крайне слабо. Очевидно, что прожить без минимального необходимого невозможно, однако рост производительности труда со временем привел к появлению прибавочного продукта, наличие которого способствовало возникновению имущественного неравенства, эксплуатации человека человеком и разделению общества на социальные группы (классы). С возникновением последних появляется классовая

¹ Маркс К. и Энгельс Ф. Наемный труд и капитал // Сочинения. 2-е. изд. М. : Госполитиздат, 1959. Т. 6. С. 442.

борьба, основанная на столкновении и противодействии интересов, прежде всего экономических. Именно борьба антагонистических классов, доведенная до уровня революции, т.е. коренного преобразования общества, по мнению Маркса, является причиной смены общественно-экономических формаций, которая будет продолжаться до тех пор, пока не появится бесклассовое общество.

Два других термина, которые использовал Маркс, были «базис» и «надстройка». Под базисом имеются в виду хозяйственные, социально-экономические отношения, за которыми признается первичная роль в жизни общества: «Совокупность производственных отношений составляет экономическую структуру общества, реальный базис, на котором возвышается юридическая и политическая надстройка и которому соответствуют определенные формы общественного сознания. Способ производства материальной жизни обуславливает социальные, политические и духовные процессы жизни вообще»¹. Это, в свою очередь, является ключевой особенностью исторического материализма. Маркс, разумеется, не отвергал влияния естественных, то есть природных факторов. Не отрицал наличие политических, культурных, духовных аспектов жизни общества. Его теория не сводилась лишь к экономическому детерминизму. Однако именно в хозяйственных отношениях, и, преимущественно, в господствующем способе производства он видел основу, которая связывает все остальные социальные аспекты и надстройку. К ней относятся, прежде всего, государство, политическая жизнь, правовые нормы, формы общественного сознания, религия, культура, и др. Таким образом, изменения, происходящие в базисе, приводят к изменению надстройки. Приводя характерный пример, можно сказать, что появление протестантизма и переход в это вероучение многих католиков связан с развитием буржуазных отношений и соответственно с переходом от феодального строя к капиталистическому. Маркс и Энгельс не отрицали обратного воздействия надстройки на базис, указывая, однако, на ведущую роль последнего в этом процессе.

¹ Маркс К. и Энгельс Ф. К критике политической экономии ... С. 6-7.

В свою очередь сам исторический процесс с точки зрения исторического материализма предстает не в виде раскрытия некоторой первоначальной Божественной идеи или Абсолютного духа, как это было в теологических и идеалистических концепциях, но и не в виде случайного нагромождения бессвязных и хаотичных исторических событий. Исторический процесс с точки зрения марксизма является закономерным, но никем заранее не предугаданным, следовательно, находящемся в постоянном становлении вследствие противостояния различных сил и факторов. Историческая роль личности, пусть и выдающейся, в этой теории оценивается не слишком значимой. Отдельные индивиды и их совокупность находятся в объективных исторических условиях, которые были созданы предшествующими поколениями и определяют характер их мышления и текущей деятельности.

Какова роль географического фактора в данной теории? Свою «Критику Готской программы» Маркс начал со следующих строк: «Труд не есть источник всякого богатства. Природа в такой же мере источник потребительных стоимостей (а из них-то ведь и состоит вещественное богатство!), как и труд, который сам есть лишь проявление одной из сил природы, человеческой рабочей силы. Приведенную выше фразу вы встретите во всяком детском букваре, и она правильна постольку, поскольку в ней подразумевается, что труд совершается при наличии соответствующих предметов и орудий. Но в социалистической программе не должны допускаться подобные буржуазные фразы, обходящие молчанием те условия, которые одни только и придают им смысл. Поскольку человек заранее относится к природе, этому первоисточнику всех средств и предметов труда, как собственник, обращается с ней как с принадлежащей ему вещью, постольку его труд становится источником потребительных стоимостей, а, следовательно, и богатства»¹. Развить это высказывание можно следующим соображением. Природа, т.е. географическая среда, в т.ч. водные, почвенные ресурсы, полезные ископаемые, энергия солнца и пр. во многом составляют часть

¹ Маркс К и Энгельс Ф. Критика Готской программы // Сочинения. 2-е. изд. М. : Госполитиздат, 1961. Т. 19. С. 13.

средств производства, а, следовательно, производительных сил, совокупность которых определяет основной способ производства, который, согласно теории Маркса, формирует особенности общественных отношений. Таким образом, данная теория допускает, что географическая среда также влияет на народы, в этой среде проживающие, но воздействие среды проявляется крайне опосредованно и в совокупности с множеством факторов, что позволяет считать материалистам географический детерминизм, то есть учение о географической предопределенности ошибочным. Как мы знаем, Мечников также не был сторонником «географического фатализма».

Значительный вклад в развитие исторического материализма, и, что еще более важно, в вопрос о роли географического фактора, внес Г.В. Плеханов. Примечательно, что, будучи по своим убеждениям сторонником исторического материализма, он также с интересом относился к наследию русских прогрессивных мыслителей, в т.ч. Н.Г. Чернышевского, М.А. Бакунина, П.Н. Ткачева и др. Немалое влияние на его взгляды оказал Л.И. Мечников¹, в чем не трудно убедиться при анализе работы Плеханова «К вопросу о развитии монистического взгляда на историю». Термин «монистический взгляд», который он использовал в своей работе, является производным от греческого «monos», то есть единый. Под единым он понимал философскую систему, в которой единственная роль отводилась только «духу» или «материи», в противовес дуалистическим системам. В его собственной концепции термин «монизм» означал исторический материализм. Свои рассуждения он начал с вопроса о том, что есть, в сущности, материализм, и дал на него предельно ясный ответ: «Материализм есть прямая противоположность идеализма. Идеализм стремится объяснить все явления природы, все свойства материи теми или иными свойствами духа. Материализм поступает как раз наоборот. Он старается объяснить психические явления теми или другими свойствами материи, той или другой организацией человеческого или вообще животного тела. Все те

¹ Новикова Л. И., Сиземская И. Н. Русская философия истории. М. : Магистр, 1997. С. 203.

философы, в глазах которых первичным фактором является материя, принадлежат к лагерю материалистов»¹, к таковым, несомненно, относится учение Маркса.

Далее он рассматривал интересное противоречие, отмеченное материалистами эпохи Просвещения, которое сам Плеханов сформулировал, так: «мнения людей определяются средою; среда определяется мнениями»². Первое объяснение этому противоречию, которое может придти в голову, заключается в себе представление о взаимосвязи всех сторон общественной жизни, и, соответственно, о взаимовлиянии нравов населения и государственного устройства. Однако вскоре становится очевидно, что такой ответ не объясняет происхождения взаимодействующих сил.

Складывается замкнутый круг: «Если государственное устройство само предполагает те нравы, на которые оно влияет, то очевидно, что не ему обязаны эти нравы своим первым появлением. То же надо сказать и о нравах; если они уже предполагают то государственное устройство, на которое они влияют, то ясно, что не они его создали. Чтобы разделаться с этой путаницей, мы должны найти тот исторический фактор, который произвел нравы данного народа и его государственное устройство, а тем создал и самую возможность их взаимодействия»³. Для самого Плеханова ответ на этот вопрос очевиден, однако, чтобы убедить читателя в правоте своих взглядов, он описал историографию этого вопроса, начиная от представителей эпохи просвещения в т.ч. Руссо и Вико, и заканчивал мыслителями первой половины XIX в. Тьерри, Минье и Гизо.

Например, Гизо отмечал, что политический строй объясняется гражданским бытом, в первую очередь поземельными отношениями: «С этой точки зрения Гизо и изучает историю Франции первых двух династий. Она является у него историей борьбы различных слоев тогдашнего общества. В своей истории английской революции он делает новый шаг вперед, изображая это событие как борьбу буржуазии против аристократии и молчаливо признавая, таким образом, что для

¹ Плеханов Г. В. К вопросу о развитии монистического взгляда на историю // Избранные философские сочинения. М. : Госполитиздат, 1956. Т. 1. С. 509.

² Там же. С. 519.

³ Там же. С. 520.

объяснения политической жизни данной страны надо изучить не только ее поземельные отношения, но и все ее имущественные отношения вообще»¹.

Плеханов плавно подвел нас к идее, что общественные отношения определяются, в первую очередь, имущественными отношениями. Однако пытливый ум сразу задается вопросом: что определяет имущественные отношения, и что является причиной имущественного неравенства? На эти вопросы мыслители эпохи Гизо ответить не могли. Ответ на этот вопрос, терзавший несколько поколений мыслителей, смогли дать современные Плеханову материалисты. Ответ, который они нашли, находился за пределами общественных отношений. Он был связан с природными, естественными факторами: «Великая научная заслуга Маркса заключается в том, что он подошел к вопросу с диаметрально противоположной стороны, что он на самую природу человека взглянул как на вечно изменяющийся результат исторического движения, причина которого лежит вне человека. Чтобы существовать, человек должен поддерживать свой организм, заимствуя необходимые для него вещества из окружающей его внешней природы. Это заимствование предполагает известное действие человека на эту внешнюю природу. Но, действуя на внешнюю природу, человек изменяет свою собственную природу»².

Таким образом, чтобы понять вопросы общественных отношений материалисты были вынуждены вернуться к самым истокам, к моменту самого появления этих отношений. Теперь, когда исходные точки были ясны, развитие этих явлений можно было просмотреть в динамике, в процессе их становления. Данное заключение, как бы оно ни противоречило устоявшимся взглядам на марксизм, тем не менее, вполне закономерно. Человек – часть природы, и ее воздействие на общество никуда не исчезло. Конечно, этот подход коренным образом отличался от подхода географических детерминистов, которые все сводили к простым объяснениям о непосредственном влиянии климата: «Монтескье склонен был объяснять историческую судьбу народов факторами

¹ Плеханов Г. В. К вопросу о развитии монистического взгляда на историю ... С. 525.

² Там же. С. 608.

чисто географическими [...]. Он рассуждал так: известная географическая среда обуславливает собою известные физические и психические свойства людей, а эти свойства ведут за собою то или другое общественное устройство. Диалектический материализм обнаруживает, что такое рассуждение неудовлетворительно, что влияние географической среды сказывается прежде всего и в сильнейшей степени на характере общественных отношений, которые в свою очередь бесконечно сильнее влияют на взгляды людей, на их привычки и даже на их физическое развитие, чем, например, климат. Современная географическая наука, напомним опять книгу Мечникова и предисловие к ней Элизэ Реклю, вполне соглашается в этом случае с диалектическим материализмом»¹.

Неслучайно Плеханов упомянул работу Мечникова. Ведь, именно он доказал, каким удивительным образом географическая среда повлияла на облик первых цивилизаций, равно и то, что это влияние является опосредованным, и одни и те же географические условия по-разному влияют на общество на разных этапах исторического развития, что также подтвердил Плеханов: «Но раз возникли известные общественные отношения, дальнейшее их развитие совершается по своим собственным внутренним законам, действие которых ускоряет или замедляет развитие производительных сил, обуславливающее историческое движение человечества. Зависимость человека от географической среды из непосредственной превращается в посредственную. Географическая среда влияет на человека через общественную. Но благодаря этому отношение человека к окружающей его географической среде становится до крайности изменчивым. На каждой новой ступени развития производительных сил оно оказывается не тем, чем было прежде. Географическая среда совсем иначе влияла на британцев времен Цезаря, чем влияет она на нынешних обитателей Англии»².

В целом Плеханов довольно часто упоминал имя Мечникова в своих работах, так одна из его публикаций «О книге Л.И. Мечникова: «Цивилизация и великие исторические реки» была целиком посвящена работе Мечникова.

¹ Плеханов Г. В. Еще раз г. Михайловский, еще раз «триада» // Избранные философские сочинения. М. : Госполитиздат, 1956. Т. 1. С. 731-732.

² Плеханов Г. В. К вопросу о развитии монистического взгляда на историю ... С. 609.

Несмотря на то, что в жизни они были друзьями, в политическом смысле они являлись, в известной степени, оппонентами. Тем удивительнее читать теплый отзыв Плеханова на книгу Мечникова: «О книге покойного Л.И. Мечникова совсем молчат наши периодические издания. Что означает это? Может быть, она не заслуживает внимания? Но как бы кто ни относился ко взглядам ее автора, нельзя же не видеть, что в ней гораздо больше серьезного содержания, чем во всех сочинениях «субъективных» наших «социологов». [...] Нисколько не преувеличивая дела, можно сказать, что книга Л. И. Мечникова затрагивает самые основные вопросы философии истории и для некоторых из них дает вполне удовлетворительное решение. Кроме того, она положительно изобилует чрезвычайно меткими замечаниями по частным, второстепенным вопросам науки, и нужно было бы только изложить эти замечания в более систематической форме, чтобы еще более обогатить содержание книги. Вероятно, автор и сделал бы это, если бы смерть не унесла его так преждевременно в могилу»¹.

Чтобы доказать актуальность книги, Плеханов повторил вопрос, который мучил многих мыслителей издревле: «Под влиянием каких причин совершается внутреннее развитие человеческих обществ? Почему одни племена остаются почти совершенно неподвижными, другие же соединяются в обширные государственные тела [...]. И почему носителями цивилизации в разные времена являются различные народы? Почему в данную историческую эпоху главные силы цивилизации сосредотачиваются в данном месте или в данных местах, чтобы впоследствии занять новую территорию?»². Этот вопрос, по мнению Плеханова, Мечников вполне определенно сумел решить. Идею Мечникова о том, что фактором развития цивилизации на первоначальном этапе истории является особая географическая среда, требующая от жителей целенаправленных и скоординированных усилий, Плеханов оценивал, как правильную и очень важную. Он также поддержал идею Мечникова о том, что на различных этапах развития мировой цивилизации одна и та же среда будет в разной степени

¹ Плеханов Г. В. О книге Л. И. Мечникова: «Цивилизация и великие исторические реки» ... С. 17.

² Там же. С. 17-18.

способствовать прогрессу. Плеханов, в отличие от многих, вполне дружелюбно встретил тезис о «речных, морских, океанических» цивилизациях, указывая на то, что в настоящее время центр мировой цивилизации переносится в Северную Америку. И он безоговорочно приветствовал тезис о том, что человеческая история стремится к искоренению принуждения, деспотизма и насилия, как устаревших форм организации народного труда, заменяя их свободой и братством: «Наконец, новейший океанский период цивилизации, по направлению своему, одинаково враждебен и деспотизму, и олигархии; он стремится воплотить в жизнь провозглашенные Великой Революцией права человека, устранить господство одних классов над другим, осуществить принципы свободы, равенства и братства. Итак, при данных природой условиях человеческого существования, деспотизм, разделение общества на классы, угнетение одного класса другим и все подобные этому черные стороны цивилизации были необходимы для ее развития. Но успехи этого развития постепенно ведут к их отрицанию, и уже не далеко то время, когда начнется новый период свободных и разумных общественных отношений. К такому выводу приходит Л. И. Мечников, и за этот-то вывод обиделась, должно быть, наша старушка-цензура. Что касается до нас, то, разумеется, мы принимаем его всецело»¹. Также всецело Плеханов поддерживал критику Мечниковым распространенной в то время расовой теории, и собственно понятия расы, на которые многие совершенно безосновательно навешивают ярлыки развитых либо отсталых.

Впрочем, Плеханов, выразил также и несколько критических соображений в адрес работы Мечникова, и как представляется, вполне заслуженных. Так, по мнению, Плеханова анархистские воззрения Мечникова несколько повредили работе. Мечников не мог не заметить, что многие его логические выводы приходили в конфликт с анархистскими убеждениями и тогда он часто допускал различного рода оговорки, например: «Показав, как нельзя более ясно, что в древнем Египте производство не могло устроиться иначе, как при помощи

¹ Плеханов Г. В. О книге Л. И. Мечникова: «Цивилизация и великие исторические реки» ... С. 24.

деспотической власти, он считает нужным смягчить свои слова и ссылается на Элизе Реклю, по мнению которого географические условия предоставляли жителям долины Нила выбор между деспотизмом и ассоциацией, основанной на равенстве всех и каждого»¹. Разумеется, в Древнем Египте, цивилизация не могла быть построена на иных принципах, кроме деспотизма в силу особенностей среды, когда выживание всего народа обеспечивалось лишь подневольным и тяжелым, но точно скоординированным трудом, Мечников сам это доказал, но будто бы убоился своих суждений.

Плеханов был глубоко убежден, что по своей сути, работа Мечникова материалистична, что Мечников, пусть и иным путем, но пришел к тем же выводам, что и марксисты. При этом полное игнорирование Мечниковым марксистской теории он называл не иначе, как упущением. Но, несмотря на целый ряд замечаний, Плеханов резюмировал: «Говоря все это, мы ни на минуту не забываем, однако, что *la critique est aisée, l'art est difficile*², и что слишком редко появляются сочинения, на которые не могли бы сделать некоторых возражений и замечаний даже наиболее расположенные к автору и наиболее согласные с ним критики. Мы помним также, что на книгу Л.И. Мечникова нельзя смотреть, как на вполне законченное произведение, что смерть помешала ему придать ей надлежащую отделку. Но и в настоящем своем виде книга эта остается замечательной работой, и мы настойчиво советуем познакомиться с нею, или, лучше сказать, изучить ее тем из наших читателей, которые достаточно владеют французским языком»³. К счастью, нынешним читателям «Цивилизации» вполне достаточно русского языка, однако нельзя не отметить, как нещадно Плеханов критиковал, например, произведения русских народников, и какой мягкой была его критика идей Мечникова. С одной стороны это можно объяснить уважением к покойному другу, однако вполне очевидно, что идеи Мечникова оказались близки Плеханову, и что он признавал их справедливость.

¹ Плеханов Г. В. О книге Л. И. Мечникова: «Цивилизация и великие исторические реки» ... С. 26.

² Критиковать легче, чем делать.

³ Плеханов Г. В. О книге Л. И. Мечникова: «Цивилизация и великие исторические реки» ... С. 30.

2.4 Концепция Л.И. Мечникова и теория гидравлического государства К.А. Виттфогеля

Одним из современных исследователей, обратившим внимание на проблему географического фактора, был ученый синолог, марксист, а в довоенные годы активный деятель КПГ Карл Август Виттфогель (1896 – 1988). Некоторые его работы по данной проблематике и прежде всего статья «Геополитика, географический материализм и марксизм» были опубликованы в СССР¹. К сожалению, его основной труд «Oriental Despotism; a Comparative Study of Total Power²» (Восточный деспотизм: сравнительное исследование тоталитарной власти), в котором ученый анализировал тезис об азиатском способе производства, и обосновал гидравлическую теорию деспотизма азиатских стран, не был издан в переводе на русский язык. Данное обстоятельство естественным образом затрудняет его использование в широких кругах исследователей нашей страны, несмотря на традиционно большое внимание к проблеме азиатского способа производства. Но, интерес к данной работе в современной России имеется, о чем свидетельствует ряд тематических публикаций в современных научных изданиях, в том числе А.В. Мун³, Ю.В. Латова⁴, К.Р. Галеева⁵.

Обращение к исследованию Виттфогеля в данном контексте вызвано двумя причинами. Во-первых, это связано с его статьей о «географическом материализме», которая помогает понять значение географического фактора в марксизме. Но еще более интересной представляется его ирригационная теория, которая во многих положениях повторяет и развивает теорию Мечникова. Исследование Виттфогеля тем более интересно для нас, что оно позволяет

¹ Виттфогель К. А. Геополитика, географический материализм и марксизм // Под знаменем марксизма, 1929. № 2-3, 6, 7-8.

² Wittfogel K. A. Oriental despotism: a comparative study of total power. Sixth printing. New Haven and London: Yale University Press, 1967.

³ Мун А. В. Сущность концепции «восточного общества» К. А. Виттфогеля и ее истоки // Изв. Росс. гос. педагог. ун-та им. А. И. Герцена. 2009. № 101.

⁴ Латов Ю. В. «Восточный деспотизм» К. А. Виттфогеля (к 50-летию «странной» книги) // Историко-экономические исследования. 2007. Т. 8. № 2.

⁵ Галеев К. Р. Теория гидравлического государства К. Виттфогеля и ее современная критика // Социологическое обозрение. 2011. Т. 10. № 3.

актуализировать теоретическое наследие Мечникова, и связать его с современной исторической наукой. Близость выводов Виттфогеля и Мечникова тем более удивительна, что Виттфогель, возможно, никогда не читал «Цивилизацию и великие исторические реки», по крайней мере он не ссылался на этот труд в своей работе. Однако по некоторым косвенным признакам можно предположить, что имя Мечникова не было для него совсем безызвестным. Так, он ссылался на работы Г.В. Плеханова, в которых тот упоминал Мечникова, а также высказал замечание по поводу исследовательской работы Э. Реклю¹. Все же, в отличие от Мечникова, к идее о решающем значении ирригации он пришел после анализа тезиса об азиатском способе производства, используя при этом свои профессиональные знания синолога.

Свою первую задачу в контексте данной проблемы он, очевидно, видел в том, чтобы найти точки соприкосновения между историческим материализмом и теоретическим наследием географических детерминистов. Предполагаемую совместимость данных подходов, он подчеркивал даже используемой терминологией. Вместо более привычного «детерминизм» он употреблял выражение «географический материализм». Поставленный им вопрос самым непосредственным образом перекликается с задачей данного раздела: «В каком отношении находился Маркс к пионерам географически-материалистического взгляда на развитие истории? Не явился ли он до некоторой степени продолжателем их взглядов? И в какой мере его исторический материализм представляет все же нечто принципиально новое по сравнению с этими взглядами?»², так сформулировал Виттфогель основную проблему, которую он хотел разрешить в своем исследовании.

Он, считал, что географический материализм появился как своеобразный ответ на формалистический подход, в рамках которого в качестве движущей силы рассматривалась деятельность правителей и правящих классов: «Для правильной оценки исторического значения великих географических материалистов

¹ Wittfogel K. A. Oriental despotism: a comparative study of total power ... P. 392.

² Виттфогель К. А. Геополитика, географический материализм и марксизм. Статья 2 // Под знаменем марксизма, 1929. № 6. С. 1.

необходимо знать, против кого были направлены их тезисы, их попытки новой интерпретации исторического развития»¹. С его точки зрения географический материализм был направлен против формалистического подхода в истории². Однако такое суждение не характерно для современной исторической науки, а развитие географического детерминизма связывается с развитием науки о земле и со своеобразной «природоцентричной» парадигмой науки и общественной мысли того времени. Кроме того, термин «материализм» в настоящее время в данном контексте также не используются. Не приходится сомневаться, что идеи Просвещения, с которыми выступали Вольтер, Монтескье и Руссо, в качестве примера приведенные Виттфогелем, выступали до некоторой степени против существующих феодальных пережитков, но не против конкретно субъективного подхода к истории.

Можно предположить, что суждение Виттфогеля о борьбе географических материалистов со сторонниками формалистического подхода было связано не столько с самим фактом такой борьбы, сколько с активной в 1920-1930 годы дискуссией о пресловутой роли личности в истории. В силу упрощенного восприятия многими историками исторического материализма в то время, роль личности в истории сильно преуменьшалась, а многие исторические события и явления трактовались с точки зрения идеи классовой борьбы, зачастую весьма неуместно и необоснованно. Нельзя не отметить, что именно такое упрощенное и идеологизированное понимание исторического материализма вело к его дискредитации.

Вследствие этого, в настоящее время возобладала противоположная тенденция. Крупные исторические схемы стали восприниматься, как искусственные, а изучение истории сконцентрировалось на анализе отдельных фактов и явлений. Постичь цели и мотивы участников событий, раскрыть их внутренний смысл – так выглядит задача современных историков. Отчасти такой подход является верным. Но серьезный крен и в ту, и другую сторону мешает

¹ Виттфогель К. А. Геополитика, географический материализм и марксизм. Статья 2 ... С. 1.

² Там же. С. 1-2.

гармоничному развитию исторической науки. Например, с позиций классовой борьбы удовлетворительно объяснить специфику Февральской революции в России или Великой французской революции вряд ли возможно. Однако если мы захотим рассмотреть феномен буржуазной революции вообще, нам уже не обойтись без обобщенного теоретического подхода, историсофской концепции. Таким образом, каждое конкретное историческое событие и явление, с одной стороны, и исторические законы с другой, являются ничем иным, как отражением философских категорий случайного и необходимого в истории. Более того, «история в лицах» и философия истории представляют собой как бы системы разного порядка, изучение которых взаимно необходимо.

Отчасти поэтому суждение о том, что географические материалисты, они же мыслители эпохи Просвещения, восстали против формалистического подхода, не выглядит вполне убедительным. Ведь этот так называемый «формалистический подход» в том или ином виде существовал всегда. С чем действительно боролись мыслители эпохи Просвещения, так это с наследием средневековья в исторической науке, а именно провиденциализмом.

Вместе с тем, возникает еще один любопытный вопрос: почему географический детерминизм в его классическом понимании появился не в античности или средних веках, но и не позднее эпохи Просвещения? Каковы были предпосылки появления этой концепции? Этот вопрос неизбежно возник у Виттфогеля, и он дал на него достаточно точный ответ: «Из области индустриализирующихся хозяйственных процессов естественнонаучный дух проникает в мировоззрение буржуазно-революционных мыслителей. В соответствии с тогдашним уровнем промышленности и естествознания метод последних по существу механистичен; материализм, противопоставляемый метафизическим мистификациям полуфеодальной богословской идеологии, есть механический материализм. От раскрытия механических законов природы, которой все настойчивее овладевали практически и теоретически, был неизбежен

переход к поискам подобных же общеобязательных, и по возможности тоже механических, законов в царстве истории»¹.

Данное высказывание позволяет понять различие между географическим детерминизмом, равно как и другими естество-ориентированными социальными теориями, в том числе и социал-дарвинизмом, и более поздними концепциями общественных отношений, в том числе и историческим материализмом. В первом случае мыслители находят детерминанты, определяющие особенности общественных отношений вне самого общества: в особенностях природной среды или в законах животного мира. Во втором случае, эти детерминанты продуцируются из самого общества, его культурной, экономической, политической жизни. Это же суждение отчасти позволяет понять феномен «европоцентризма». Мыслители эпохи Просвещения, за редким исключением², представляли народы мира как своеобразных бегунов, соревнующихся в мыслимом состязании по бегу. Какие-то из этносов в этом беге отстали, какие-то, наоборот, вырвались вперед, но тем не менее все они должны пройти одним и тем же путем, одной и той же дорогой. Отсюда их известное пренебрежение к национальной культуре туземных народов, которая представлялась отсталой или просто недоразвитой. В их представлении значимой была лишь высокая культура европейских народов периода ее наивысшего расцвета. Такое мировоззрение было вызвано как раз представлением о том, что общество существует по некоторым универсальным, природным законам, которые, существуют всегда и для всех. Более внимательное исследование культуры и истории азиатских стран со временем позволило осознать это заблуждение.

Сам Виттфогель также отметил некоторые ошибки географических материалистов, среди которых одна заслуживает непосредственного внимания, которую он охарактеризовал, как метод нерасчлененного подхода: «Под этим мы понимаем ссылки географических материалистов на «климат», «почву»,

¹ Виттфогель К. А. Геополитика, географический материализм и марксизм. Статья 2 ... С. 2.

² Одним из тех, кто выступил с резкой критикой расистских взглядов, был Иоганн Готфрид Гердер (1744-1803), упомянутый выше.

«естественные условия» без уразумения внутренней связи этих различных моментов и без указания на то, которому из них – может быть, на разных исторических ступенях разным – принадлежит господство [...] В результате такого нерасчлененного подхода действительно получается хаос. Самое тщательное исследование естественных моментов, как таковых, не в силах уяснить картину; уяснить ее может только анализ особенностей наличного общественного процесса производства, а именно до такого анализа и не дошли географические материалисты вследствие своего классового положения в обществе»¹. Суждение Виттфогеля, в целом, является верным, но в нем все же нельзя не отметить его некоторую субъективность. Верно то, что понять общественные отношения из суммы природных компонентов невозможно, так как общество – это система более высокого порядка, чем природа, а, следовательно, оно развивается уже по иным законам. Спорным является суждения о классовой ограниченности географических материалистов. Все же с подобными высказываниями об ограниченности по признаку классовой принадлежности связано слишком много печального в нашей истории, чтобы их безапелляционно принимать. Гораздо корректнее было бы объяснить ошибочность тех или иных идей общим на тот момент, еще не высоким уровнем развития общественных наук.

Более того, в настоящее время стало принято говорить о сменах парадигм в науке. Сам Виттфогель отмечал, что географические материалисты жили в эпоху ускоренного развития науки о Земле. Действительно, это была своеобразная эпоха, когда природа в мировоззренческой картине многих мыслителей стала своеобразным центром бытия. Не удивительно, что общество стало восприниматься, как некоторое продолжение природы, якобы существующее по ее законам.

Окончательно «расставить все точки над *i*» в вопросах взаимоотношений человека и географической среды, по мнению Виттфогеля, стало возможно лишь

¹ Виттфогель К. А. Геополитика, географический материализм и марксизм. Статья 2 ... С. 10.

в рамках концепции исторического материализма. Следует отметить закономерность того, что данная концепция появилась лишь в середине XIX в. Именно в это время начался подлинный рассвет общественных наук. Неслучайно Карл Маркс был также одним из основателей науки об обществе – социологии. Поэтому, если географический детерминизм был своего рода мировоззренческим ответом на интенсивное развитие науки о земле, то исторический материализм, как и некоторые другие историософские концепции того времени, напротив, отражал новое мироощущение, в центре которого была не природа, а общество. Наконец, законы общественного развития стали рассматриваться, как относительно самостоятельные, а не продуцируемые из Провидения или законов природы. Но, разумеется, это не означало, что общество искусственно отделялась от природы. Об этом писали многие марксисты, в том числе и Виттфогель: «Человек есть часть природы, он принадлежит к ней кровью, плотью и мозгом. Он сам представляет собой силу природы, естественную вещь, правда живую и самосозидательную вещь...»¹. Он также напоминал, что человек не просто является частью природы, как живое существо, но и свой «первоначальный капитал», необходимые ему ресурсы он также берет у природы: «Природа доставляет трудящемуся человеку, прежде всего, общие предметные условия его деятельности; она дает ему его местоположение, то пространства, которое требуется в качестве элемента всякого производства и всякого человеческого действия. Она является для него, далее, исконным провиантным складом, из которого он может брать готовые предметы питания... Она представляет собою, наконец, исконный арсенал его орудий труда...»². Само собой очевидно, что поскольку этот «провиантный склад» и «арсенал орудий труда» сильно отличается для разных регионов земли, то нет ничего удивительного, что и разные народы также отличались друг от друга в своем первоначальном развитии. Поэтому идея о том, что различие в среде обитания предопределило первоначальные различия народов, ничуть не выбивается из марксистской

¹ Виттфогель К. А. Геополитика, географический материализм и марксизм. Статья 2 ... С. 16.

² Там же. С. 18.

концепции. Из дальнейших рассуждений Виттфогеля становится ясно, что речь идет о первоначальных различиях, которые видоизменяются по мере того, как природное в процессе развития средств производства заменяется культурным, то есть претерпевшим переработку или преобразование человеком: «С течением исторического развития происходит, однако, решающий переворот в области трех простых моментов производственного процесса. Вырабатываются трудовые навыки и знания и высшие формы организации труда [...]. Обработанные орудия и даже машины заменяют собою необработанный камень, который служил первобытному человеку для метания, растирания, скалывания, резки. Цепь трудового процесса удлиняется, и появляются предметы труда уже претерпевшие несколько стадий обработки и поэтому потерявшие свой непосредственный естественный облик»¹.

Теоретически такое преобразование должно способствовать нивелированию первоначальных различий между народами, что в свою очередь должно было проявиться в том, что все народы в течение своей истории должны были пройти через некоторые общие для всех этносов этапы развития, известные как общественно-экономические формации. Именно так рассуждали многие большевистские идеологи, указывая на эти этапы: «первобытно общинный, рабовладельческий, феодальный, капиталистический, социалистический строй и, наконец, коммунизм». И, если, применительно к европейским народам такая классификация была приемлема, то к российской истории она уже применялась с трудом. Древнерусское государство не было рабовладельческим, средневековое было далеко от европейского понимания феодализма, а капиталистические отношения с большим трудом начали развиваться лишь за несколько десятилетий до «социалистической революции в России». Таким образом, уже на русском примере эта классификационная схема работала не вполне корректно. Еще более натянутыми были попытки ее применения к азиатским народам. Не случайно робкие дискуссии об «азиатском способе производства» поднимались в СССР

¹ Виттфогель К. А. Геополитика, географический материализм и марксизм. Статья 2 ... С. 18.

лишь в периоды, относительной «оттепели». Таким образом, это было ничем иным, как старым представлением о том, что все народы мира должны были пройти одним и тем же путем с европейскими народами.

Виттфогель, очевидно, идею об окончательном нивелировании различий между народами, по крайней мере, в процессе исторического развития (то есть до наступления коммунистической эпохи в истории человечества), считал ошибочной, и ссылаясь в этом вопросе на самого К. Маркса: «Тут мы подошли к решающему для всего нашего дальнейшего исследования пункту. Полагал ли Маркс, что по мере наслаивания общественно-исторических черт над тремя коренными моментами трудового процесса исчезает или престаёт играть существенную роль их естественная сторона? Вспомним все те выражения, в которых Маркс запечатлел свой взгляд на природу, как на одного из демиургов, как на один из первоисточников всякого предметного богатства. Утвердительный ответ на поставленный только что вопрос был бы равносителен отказу Маркса от данного взгляда. На самом деле Маркс от него не отказался. За общественным моментом во всех его исторически меняющихся формах он никогда не забывал в своем анализе, в своих формулировках о естественном моменте. Центр тяжести этого последнего передвигается с ходом развития, диалектически чрезвычайно интересным образом [...], но его фундаментальное значение этим не упраздняется, а лишь получает все новые формулировки. В этом одна из важнейших (и чаще всего незамечаемых) особенностей исторической концепции Маркса, одна из характернейших ее черт»¹.

В качестве примера такого удивительного воздействия природных факторов на общество в позднее время, можно указать на упомянутую выше Промышленную революцию в Англии, удивительная специфика которой была во многом связана с особым географическим положением страны, а именно возможностью иметь крупный торговый флот, и заниматься овцеводством.

¹ Виттфогель К. А. Геополитика, географический материализм и марксизм. Статья 2 ... С. 19.

Конечно, можно заметить, что в наше время различия между странами в культурно-экономическом отношении постепенно сокращаются. Однако это связано с другим явлением, известным, как глобализация. Данный процесс, как представляется, вызван не столько указанным выше отчуждением средств производства от их первоначальной природной формы, сколько качественным и количественным ростом различных видов взаимодействия между народами мира в настоящее время. Впрочем, даже сейчас, в постиндустриальную эпоху, еще нетрудно заметить существенные различия в культурно-экономическом отношении между странами, находящимися в разных природных условиях.

Разумеется, одной констатации факта того, что различия в географической среде некоторым образом влияют на народы, для Виттфогеля было недостаточно, и далее он попытался выяснить, какие особенности среды оказывают большее или меньшее воздействие на общество, и как оно проявляется. Как уже упоминалось выше, с точки зрения марксизма особенности среды воздействуют на общество не напрямую, а опосредованно, через его хозяйственную деятельность. Поэтому и свой обзор он начал именно с тех факторов, которые могли значительно на эту деятельность повлиять, как, например, почва, полезные ископаемые и т.д. Третья статья¹ была уже целиком посвящена этой проблеме. В ней он представил и подробно разобрал множество примеров того, какое воздействие может оказывать географическая среда на народы в различные периоды истории.

Однако в контексте данного исследования более интересны его рассуждения о значении водных ресурсов, и именно в этом вопросе родство его взглядов с идеями Мечникова более заметно. Так, Виттфогель писал: «Наряду с почвой Маркс приводит, как важное естественное средство труда, воду. На различных ступенях производства вода используется различно в качестве средства производства. Богатые рыбой воды служат одновременно местелищем и питомником для живущих в них диких или искусственно разводимых рыб. Вода орошения увлажняет и питает растения. Судоходные воды являются одним из

¹ Виттфогель К. А. Геополитика, географический материализм и марксизм. Статья 3 // Под знаменем марксизма, 1929. № 7-8. С. 1-28.

важнейших вспомогательных средств транспорта. Водопады приводят в движение мельницы, турбины и т.д.; играя, таким образом, в промышленности роль важной производительной силы природы»¹.

Далее он упомянул о значении ирригации: «Своеобразие испанского социального уклада покоилось первоначально на «свойствах почвы страны». [...] Из высказываний Маркса и Энгельса, а также из брошенного здесь Марксом замечания о том, что испанскую абсолютную монархию следует скорее поставить на одну ступень с азиатскими формами господства, чем сравнивать ее с другими европейскими и абсолютистскими государствами, с которыми она имеет лишь незначительное сходство, мы узнаем, как смотрели на этот вопрос оба основателя исторического материализма: они считали, что искусственное орошение было той производственной формой, основанной на свойствах почвы страны, на которую опирался промышленный расцвет Испании... при арабском владычестве, и что источники национальной деятельности страны иссякли вместе с разрушением большей части оросительных сооружений...»². Он не выделил эту мысль достаточно отчетливо, но, по-видимому, предполагал, что специфика «испанского социального уклада» была связана, во многом, с применением ирригационного способа земледелия.

Свою статью Виттфогель написал в относительно спокойное, межвоенное время. В 1929 г. нацисты еще не казались угрозой не только во всем мире, но даже в самой Германии. В СССР еще сохранялось значительное пространство для выражения идей отличных от ортодоксальной версии марксизма, и многие интеллектуалы по всему миру сохраняли надежду на лучшую судьбу для «первого пролетарского государства». Увы, довольно скоро все переменилось. Уже в 1933 г. Виттфогель стал узником нацистских лагерей, но, к счастью, в отличие от миллионов товарищей по несчастью, остался жив. С этого времени его немало заботила проблема деспотических форм правления, к которым он стал относить и

¹ Виттфогель К. А. Геополитика, географический материализм и марксизм. Статья 2 ... С. 27-28.

² Виттфогель К. А. Геополитика, географический материализм и марксизм. Статья 3 ... С. 1-28.

СССР. Разумеется, это означало, что в нашей стране перестали публиковать его более поздние работы.

После войны он занимался изучением истории Древнего Китая. Это увлечение соседствовало с давним интересом к проблеме азиатского способа производства. Пытаясь решить проблему восточной деспотии, он сконцентрировал свое внимание на влиянии ирригационного способа земледелия на общество, вследствие этого разработанная им теория и получила название «ирригационного» или «гидравлического» государства. Этому вопросу был посвящен его крупнейший труд «Oriental Despotism; a Comparative Study of Total Power» (Восточный деспотизм: сравнительное исследование тоталитарной власти), впервые опубликованный в 1957 г.

Кроме хорошо знакомой ему истории Древнего Китая, он также обратился к истории Древнего Египта, Империи Инков и др. То есть тех стран, где в силу сезонной неравномерности или просто недостаточного числа естественных водных осадков, приходилось заниматься мелиорацией, в том числе искусственным орошением полей. Уже посыл его рассуждений имеет определенную схожесть с исследованием Мечникова. Поэтому не приходится удивляться, что выводы, к которым они пришли, также имели заметное сходство.

Виттфогель указывал, что в таких условиях деспотическое государство является естественным следствием той формы организации общественного труда, при которой требуется подчинение огромных масс населения для проведения технически сложных, масштабных и невероятно трудоемких работ. Таким образом, деспотическое государство в этих условиях превращается в необходимое условие выживания для большей части населения страны. Разумеется, такие масштабные работы, как строительство гидротехнических сооружений должен кто-то координировать, поэтому не приходится удивляться высокому уровню бюрократизации и сверхцентрализации таких государств. В свою очередь, для функционирования такого аппарата, просто необходимо как минимум наличие письменности и определенного математического аппарата. Действительно, древние деспотии всем этим отличались, в них был налажен документооборот,

бухгалтерский учет, развивалась астрономия, ведь без точного календаря сельскохозяйственные посевные работы вести невозможно. Побочным продуктом сверхцентрализованного государства являются различные монументальные сооружения, будь то пирамиды Египта, Южной Америки или Китайская стена.

К сожалению, у такой формы организации общества имеются и негативные стороны. Принуждение к труду сопровождается подавлением свободной инициативы: «Гидравлическое государство – по-настоящему организаторское государство. У этого факта есть далеко идущие социальные последствия. Как организатор гидротехнического и любого иного гигантского строительства, гидравлическое государство препятствует тому, чтобы неправительственные силы общества кристаллизовались в независимые органы, достаточно сильные, чтобы уравновесить и управлять политической машиной»¹. И поскольку, как выражался Виттфогель, «государство сильнее общества», оно прекрасно справляется с этой задачей. Поэтому не приходится удивляться столь медленному прогрессу в таких странах, ведь тотальная государственная машина сопротивляется любым новшествам, которые могут пошатнуть ее монопольное положение или избавить общество от необходимости в нем.

В целом, эта концепция выглядит весьма интересно, к тому же Виттфогель подкрепил ее достаточным количеством конкретно-исторического материала. Чуть больше споров вызвала его гипотеза о том, что надстройка гидравлического государства может быть при случае перенесена на те регионы, где для нее нет реального базиса. Такие регионы он называл «субмаргинальными», и относил к ним, например, доисторическую (protohistorical) Грецию, Римское царство, Японию и домонгольскую, Киевскую Русь, исключая Новгород². Любопытно, что Россию, пережившую татаро-монгольское иго, он относил уже к иному, маргинальному, то есть гидравлическому типу.

Все же, несмотря на отдельные, порой спорные моменты, его теория была встречена научным сообществом с большим интересом. Многими была признанна

¹ Wittfogel K. A. Oriental despotism: a comparative study of total power ... P. 49.

² Там же. С. 201.

оригинальность его выводов, и даже по прошествии почти 60 лет с момента первой публикации, его работа сохраняет значимость и актуальность. Не пытаясь ни в малейшей степени преуменьшить ценность его исследования, нельзя не отметить некоторой несправедливости в том, что теоретическое наследие Л.И. Мечникова, который еще в конце XIX в. высказывал во многом схожие идеи, до настоящего момента остаются малоизвестным. Остается надеяться, и значительное количество публикаций в последние несколько лет эту надежду подкрепляют, что работа Мечникова получит большую известность, и что исследования в области философии истории будут вестись с не меньшим энтузиазмом, чем это было в XIX в.

Выводы по второй главе

История науки наглядно демонстрирует, что накопление знаний человечества об окружающем мире и о самом себе происходит последовательно и постепенно. Каждый ученый вносит свой более или менее ценный вклад в этот процесс, и, как правило, ничьи труды не исчезают бесследно. Но иногда в этом процессе, который в обычное время носит довольно размеренный характер, происходят значительные скачки вперед, представляющие собой, своего рода научные перевороты в тех или иных отраслях знания, или в науке в целом. Редко подобные перевороты связаны с особой удачей, и далеко не всегда они ассоциируются с именем лишь одного ученого. Но, как правило, они отражают то, что называется диалектическим законом перехода количественных изменений в качественные. Нечто подобное произошло в социальной философии во второй половине XIX в., когда изучение общества, его законов наконец стало предметом не только философии, как прежде, но еще и новой науки – социологии.

Лев Ильич Мечников относится к тем ученым, чей период деятельности пришелся как раз на этот важный этап в становлении социологии. Конечно, вопросы которые он сформулировал в своем исследовании, а именно какие факторы определяют законы общественного развития, как возникли институты государства и права, почему появились деспотизм и неравенство и т.п.

беспокоили мыслителей с давних пор, но удовлетворительно ответить на них удалось лишь к концу XIX в. Во многом это было связано с необходимостью накопления большого количества эмпирических данных, в том числе, в таких науках, как антропология, археология, этнография и многих других, без которых невозможно было предложить корректную обобщающую теорию. Тем не менее, указанное выше свойство количества переходить в качество не действует в науке само по себе. Каждое такое превращение стало возможным благодаря конкретным людям, ученым. Прежде многие искали причины обуславливающие особенности общественных отношений в особенностях природной среды, но, как Монтескье делали это довольно грубо, строя свои гипотезы лишь на основе некоторых общих признаков. Их выводы выглядели натянутыми и в сущности ничего не объясняли. Заслуга Мечникова заключалась в том, что он одним из первых предложил корректную теорию зарождения цивилизации. Он не просто обнаружил сходство между первыми и наиболее ранними цивилизациями, но выявил фактор, обуславливающий это сходство, а именно ирригационное земледелие. Увы, Мечников сумел сделать в этом направлении лишь первый осторожный шаг. Он не сумел подробно описать развитие общественных отношений в эпоху Средневековья и Нового времени. Однако, отчасти благодаря открытиям Мечникова, это смогли сделать другие авторы, к примеру, К.А. Виттфогель.

Действительно именно «теория гидравлического государства» является наиболее близкой к подходу Мечникова. Можно отметить лишь некоторые их сходства. Как и Мечников Виттфогель полагал, что создание государства было своего рода ответом общества на вызовы природной среды, а именно той среды, где без ирригации земледелие невозможно. Он также полагал, что деспотический характер древних государств был связан с особенностями ирригационного земледелия, в рамках которого необходимо применение массового, хорошо организованного, тяжелого физического труда. Правда, в отличие от Мечникова он лучше объяснял механизм стагнации деспотических государств, в которых внутренние механизмы развития форм общественно-экономических отношений

подавляются государством. С другой стороны гипотеза Виттфогеля о том, что институты государства гидравлического типа могут проникать на территории стран, где нет «базиса» для государства такого типа, к примеру, в Россию, выглядит весьма спорной. В то же время предположение Мечникова, что приоритет цивилизационного развития в истории переходил к тем странам, которые в силу географического положения и иных особенностей обладали большими возможностями для ведения торговли и коммуникации вообще, выглядит, если не совершенно доказанным, то, по крайней мере, более разумным.

Теорию Мечникова условно можно назвать геосоциологической, хотя данный термин и не является распространенным, по-видимому, более точное определение подобрать сложно. Действительно пресловутому географическому фактору Мечников уделил немало внимания. Так, например, он убедительно доказал, что деспотическое сверх централизованное государство, вероятно, являвшееся первым типом государства, появилось в качестве единственного возможного ответа общества на вызовы агрессивной внешней среды. Таким образом, на первом этапе зарождения и развития цивилизации, по Мечникову, природная среда играла определяющую роль в формировании облика государства и форм общественных отношений. Однако это вовсе не означает, что появлению цивилизации общество обязано лишь особым природным условиям Междуречья Евфрата и Тигра, долинам рек Нила, Инда и Ганга, Янцзы и Хуанхэ. Они, эти реки сыграли в истории человечества очень важную роль, но лишь постольку поскольку общество уже обладало достаточной способностью к кооперации, то есть сознательному объединению усилий и разделению труда. Природа могла лишь представлять благоприятные условия для развития этих важных людских черт, либо, напротив, замедлять их развитие. То же с делением мировой истории по Мечникову на речной, морской и океанический периоды. Разумеется, он понимал всю условность этой схемы. Однако и в этом случае он писал не столько об атрибутах цивилизаций по их отношению к водным ресурсам, сколько о степени развития торговли и коммуникации в этих странах, которые конечно развивались, в том числе, благодаря наличию естественных транспортных путей.

Помимо всего прочего Мечников также приводил ряд примеров того, как изменения условий среды, которые не были абсолютно устойчивыми на протяжении истории человечества, приводили к упадку или даже гибели иных цивилизаций, в чем, пожалуй, также проявляется предостережение ученого относительно опасности экологических катастроф. Все же главный вывод, который можно сделать из работы Мечникова, заключается в том, что человечество зародилось и развивалось в природной среде, но своей целенаправленной деятельностью оно создало новую среду – общественную, которая хотя и существует в объективном мире, а, следовательно, подвержена воздействию законов живой и не живой природы, однако, не только не управляется ими непосредственно, но даже стремится противостоять им, тем самым, борясь с энтропией окружающего мира. Именно законы этой новой среды, а не история ее возникновения больше всего интересовали ученого. Поэтому второй, и пожалуй более важной частью его концепции, является теория прогресса.

Как и в случае с географическим фактором, Л.И. Мечников не был первым, кто пытался определить критерии и факторы социального прогресса. Со времен Эпохи Просвещения утвердилось мнение, что социальный прогресс является отражением роста степени свободы в обществе. Конечно, представители различных направлений под ростом свободы подразумевали не свободу вообще, а скорее ее некоторые аспекты. Так для представителей идеалистического направления в философии это, прежде всего, свобода мышления. Более же прогрессивным обществом является то, в котором выполняются условия для свободного и разностороннего развития критически мыслящей личности. Для представителей материалистического направления акцент делался в первую очередь на свободе от эксплуатации. Прогресс отождествлялся с последовательной сменой общественно-экономических формаций, каждая из которых, теоретически, предлагала все больше свободы. Идеалом в такой системе служит бесклассовое общество будущего свободное от эксплуатации в принципе.

Подход Мечникова заметно отличается от дух предыдущих. Он пришел к выводу, что на начальных этапах развития цивилизации критерий свободы для определения социального прогресса не подходит, поскольку, как наглядно демонстрирует история, в прошлом скорее наблюдался обратный процесс. Первоначально люди отказались от своей естественной свободы при заключении общественного договора, в каких бы формах он не выражался, а затем и вовсе наблюдался процесс развития деспотических государств древности. Да и в более позднее время рост свободы наблюдался далеко не во всех аспектах. Едва ли можно говорить о росте свободы для критически мыслящих личностей в Эпоху Средневековья. То же можно сказать и о личной свободе, которая для крестьянского сословия последовательно снижалась вплоть до эпохи буржуазной революции, однако, и после нее долгое время новый класс пролетариата чувствовал себя едва ли лучше, чем ремесленники в Средневековье. Но все выше перечисленное, отнюдь, не является свидетельством социального регресса, Мечников это прекрасно понимал. Он пришел к мнению, что не существует единой формулы прогресса для всех времен и народов, но некоторая общая тенденция все же наблюдается. Эта тенденция, по Мечникову, заключается в росте кооперации среди людей на ранних этапах истории, и росте солидарности на более поздних этапах. Под кооперацией Мечников, очевидно, предполагал любые меры людей по объединению усилий и разделению труда. Соответственно прогресс проявлялся в качественном и количественном росте форм взаимодействия между людьми, что неизбежно сопровождалось усложнением государственного и общественного устройства. Что же касается солидарности то, в данном контексте, наиболее близким синонимом является понятие самосознания. Мечников полагал, что по мере социального и технического прогресса люди смогут избавиться от искусственных, ненормальных и несправедливых общественных институтов.

Важной особенностью теории прогресса Мечникова является то, что он органично сочетал ее с собственной историко-философской концепцией, и убедительно доказывал ее правоту историческими данными. В этом отношении

теория прогресса Мечникова среди аналогичных концепций XIX в. выглядит весьма современно. Как видно, его социофилософская теория одновременно отличалась от других аналогичных подходов, но также учитывала их опыт, и в целом способна дополнить наши представления о философии истории.

Заключение

Со времени смерти Л.И. Мечникова прошло больше века. Мир сильно изменился за это время, произошел переворот в науке. Очень многое, что казалось научной истиной в то время, было отвергнуто, как наивное заблуждение. Колоссальные перемены произошли с обществом. Но все же правота многих идей Л.И. Мечникова была подтверждена временем, а его труды продолжают сохранять актуальность.

Вспомним хотя бы критику Мечниковым популярной уже в то время расовой теории. Он приложил много усилий, чтобы доказать абсурдность, антинаучность, антигуманность расизма. Едва ли не больше усилий он потратил на критику социал-дарвинизма, а ведь, как известно, именно эти псевдонаучные теории стали впоследствии частью теоретического обоснования нацизма – самой чело́веконенавистнической идеологии. Нельзя, конечно, сказать, что основатели этой теории Томас Мальтус или, например, Герберт Спенсер, персонально несут ответственность за жертвы нацизма, равно как и многие другие мыслители, чье учение и философское наследие было впоследствии искажено и использовано в пропагандистских целях. Прав был Ф.И. Тютчев: «Нам не дано предугадать, как слово наше отзовется». Однако это должно напоминать об особой ответственности перед потомками ученых, философов и других мыслителей, чье влияние на общество и умы достаточно велико.

Об этой ответственности Мечников не раз напоминал, критикуя современных ему писателей романистов, в том числе Э. Золя, ее он имел в виду, когда обвинял в расистских взглядах известных ученых-натуралистов, в том числе Ш. Летурно, К. Фохта. Это же он подразумевал, когда опровергал ошибочную и социально-опасную теорию Г. Спенсера, которого, как мы помним, Мечников, тем не менее, считал одним из наиболее выдающихся социологов. Именно идея ответственности перед современниками и потомками отличает Л.И. Мечникова от многих современных ему научных и политических деятелей. Он был анархистом и революционным демократом, сторонником социалистических идей. Он писал о

необходимости перемен, и хотел изменить несправедливый мир. Он убедительно доказал, что общество будущего будет основано на принципах свободы, братства, солидарности, и что именно кооперация, а вовсе не борьба за существование является подлинным двигателем социального прогресса. При этом Мечников вполне определенно, особенно в зрелом возрасте, выступал против насилия, даже если оно пропагандировалось в качестве единственного средства против несправедливости. Конечно, будучи сторонником борьбы с самодержавием и эксплуатацией, он не был идеалистом. Едва ли ему были близки идеи толстовства, то есть непротivления злу насилием. Но, как представляется, настоящим идеализмом в то время было полагать, как многие современные ему революционные деятели, что при помощи вооруженного переворота, революции можно в один миг шагнуть из царства угнетения и принуждения в царство свободы и равенства, что революционная диктатура может быть верным спутником на этом пути. Отказ от иллюзий в политике для Мечникова означал также, что и в своей научной деятельности он руководствовался критическим подходом, который позволил ему, в отличие от многих молодых революционеров 1860-х гг., оставить действительно ценное научное и творческое наследие.

Так чем же сумел обогатить Л.И. Мечников мировую копилку знаний, и какие вопросы, связанные с его научно-публицистическим наследием и жизнью еще предстоит решить? Рассматривая его историко-философскую концепцию, можно отметить немалую ценность идеи о диалектическом влиянии природной среды на общество, являющимся изменчивым на разных этапах исторического процесса. Но, пожалуй, наиболее ценной его идеей является представленная им своеобразная модель появления государства, которую можно интерпретировать как оригинальную версию «общественного договора». Дело в том, что и в наше время не существует единой, однозначно достоверной с научной точки зрения теории происхождения государства, да и в целом познания об эпохе зарождения цивилизации весьма ограничены. Во времена Мечникова и вовсе существовало лишь некоторое число версий на фоне еще более ограниченной информации об этой эпохе. Кроме теологических версий была гипотеза, что государство и

общество являются своеобразным продолжением природной организации, одним из авторов которой был упомянутый Г. Спенсер. Также были известны различные варианты «общественного договора» за авторством Т. Гоббса, Д. Локка, Ж.Ж. Руссо и др., которые в том или ином смысле предполагали, что государство было создано для того, чтобы обезопасить жизнь каждого человека от потенциальной агрессии и притеснений, исходивших от других людей, тем самым внося порядок и разумность в отношения между людьми. Мечников же более внимательно присмотрелся к природной среде той местности, где, как предполагается, впервые появилось государство. Он понял, что появление государства было ответом на вызовы этой среды, в которой без кооперации выживание человеческого сообщества было крайне затруднительно. Мечников прямо указывал, что именно ирригационное земледелие было тем фактором, следствием которого стало зарождение основных институтов государства. Удивительно, но в наше время «ирригационная» теория происхождения государства связывается не с именем Л.И. Мечникова, оказавшегося полузабытым, а с именем немецкого ученого К.А. Виттфогеля, предложившего аналогичную теорию почти на 70 лет позже. Конечно, не следует отрицать, что Виттфогель проделал большую работу для ее обоснования, и развил ее. Однако, на наш взгляд, первенство в этом открытии должно заслуженно принадлежать Л.И. Мечникову.

Не менее актуальной представляется его теория социального прогресса, которая призвана дать определенный прогноз развития человеческого общества. Так, по мнению Л.И. Мечникова, в процессе социального прогресса место вынужденной кооперации со временем должна занять сознательная солидарность людей. То есть вместо простого разделения труда, детерминируемого различными методами принуждения от примитивного насилия до оплаты труда, должны возникнуть свободные ассоциации людей, регулируемые их высшими духовными устремлениями. Именно эта часть его концепции наиболее часто подвергалась критике, как явно анархическая и, якобы, идеалистическая по своему характеру.

Но с этической точки зрения подобный подход выглядит весьма привлекательным. Действительно, можно заметить, что человек испытывает

определенную потребность в труде, причем, с одной стороны, интересном, а с другой – целенаправленным или значимым для общества. Также не сложно заметить, что у людей, связанных с исследовательской или творческой работой, эта потребность выражена сильнее. Более того, можно отметить, что в ряде случаев солидарная или, выражаясь современным языком, партисипативная организация труда, особенно в коллективах, занимающихся решением новаторских задач, более эффективна, чем традиционная иерархическая.

Человеческая история это наглядно демонстрирует, и, когда Л.И. Мечников писал, что деспотизм не является случайной конспирацией меньшинства, он полагал, что деспотизм был эффективным ответом на вызовы среды обитания, но лишь на раннем этапе истории. Словно паровая машина, он был полезен делу прогресса до той поры, пока не возникали условия для внедрения более развитых форм организации труда, и так же, как паровая машина, в силу крайне низкого КПД он со временем уступал место более эффективным структурам. Классическое рабство было менее эффективно, чем система феодальной ренты, а последняя уступила место капиталистическим отношениям. Едва ли прогресс форм мотивации труда на этом остановится. По мере освобождения человечества от рутинной работы посредством автоматизации процессов производства, серьезные изменения социального характера практически неизбежны. Как знать, возможно именно эти процессы станут реальным воплощением надежд, которые возлагали социалисты XIX в., в том числе Л.И. Мечников, на будущее. Разумеется, то, каким оно будет, и возможно ли осуществление идеала анархизма – это вопрос не для исторической науки, однако сама актуальность данной проблемы не вызывает сомнений.

Еще один интересный вопрос, который неизбежно возникает по отношению к Мечникову, это вопрос, связанный с классификацией. Исследователям удобно навешивать на рассматриваемых мыслителей определенные «ярлыки», распределяя их между известными научными, философскими, политическими и другими учениями, направлениями, школами, подходами и т.д. Конечно, Мечников также не избежал этой участи. В разное время на него навешивали

различные штампы, порою даже взаимоисключающие. Так, некоторые деятели советской науки, которые, к счастью, были в меньшинстве, характеризовали Мечникова, как сторонника географического детерминизма. Выше было доказано, да и сам Мечников упоминал об этом, что он не является сторонником этого примитивного учения. Как представляется, более корректно было бы говорить о том, что Мечников являлся сторонником географического направления в социологии, но не более того. Некоторые исследователи называли Мечникова народником, однако, как мы пытались доказать выше, не вполне корректно. Но, пожалуй, самой противоречивой является попытка ряда современных авторов представить Мечникова сторонником эволюционизма, что прямо противоположно его реальным взглядам, и очевидно связано с поверхностным знакомством с его трудами. Весьма интересным также представляется спор о том, является ли его концепция по своей сути материалистической или идеалистической. Г.В. Плеханов, как мы знаем, придерживался первого мнения, и мы с ним согласны в этом. В советской же печати его либо причисляли к идеалистам, либо использовали туманные формулировки, что «в его работах обнаруживаются отдельные зачатки материалистических взглядов». Проблема заключалась в том, что в то время официально признанным было лишь одно – марксистско-ленинское учение, и Мечников, очевидно, не имел к нему непосредственного отношения. Любопытно, что после распада СССР этот вопрос, казавшийся уже неактуальным, больше не поднимался. Но, в сущности, ответить на него довольно легко, если под материализмом мы понимаем признание первичной роли материи по отношению к идее, и Мечников, совершенно очевидно, в эту схему вписывается как материалист. С другой стороны, справедливы ли были обвинения советских авторов Мечникова в идеалистическом уклоне? На это можно ответить лишь то, что при детальном знакомстве, как отмечает Т.И. Ойзерман, некоторые идеалистические заблуждения были даже у К. Маркса и Ф. Энгельса. Так что, пожалуй, этот спор в отечественной историографии действительно уже не имеет значения. Сам же

Мечников считал себя анархистом, то есть и социалистом, и, пожалуй, это определение подходит ему как нельзя лучше.

Нельзя не отметить, что помимо главной работы Л.И. Мечникова, его книги «Цивилизация и великие исторические реки», в которой была обоснована его историко-философская концепция, немалое значение сохраняют также его географические и этнографические научные работы, прежде всего «L'Empire Japonais» (Японская империя), многие из которых отечественными учеными практически не рассматривались. В том, что они до сих пор не используются в отечественном научном обороте или, по крайней мере, не получили должной оценки спустя столько лет, виновны, прежде всего, отсутствие их перевода на русский язык и физическая недоступность хотя бы оригиналов в России, без которых особого прогресса в этом направлении ожидать не приходится. То же самое можно сказать и о его публицистических работах, изданных за рубежом.

По-прежнему сохраняется вопрос о псевдонимах Л.И. Мечникова, так как есть вероятность того, что часть из них до сих пор остаются нераскрытыми. Эта проблема ждет самостоятельного кропотливого исследования. Не удивительно, что полный библиографический список его работ также отсутствует и, возможно, уже не появится. Впрочем, и многие из тех его работ, авторство которых удалось установить, часто упускаются исследователями из виду из-за плохой сохранности, либо недостаточной доступности дореволюционных изданий, равно как и отсутствия доступного и полного библиографического списка. Выше уже говорилось, что именно переизданию его книги «Цивилизации и великие исторические реки» в 1995 г. мы отчасти обязаны всплеском интереса к Л.И. Мечникову. Думается, издание полного собрания его сочинений могло бы значительно способствовать более широкому использованию его работ в современном научном обороте. Учитывая масштаб и глубину его научно-публицистического наследия, можно смело говорить о том, что Л.И. Мечников заслуживает такого издания, ведь многие из его работ и сейчас актуальны.

Удивительно современно выглядят заметки Мечникова о социально-экономическом положении России, читая которые, невольно вспоминаешь

известное выражение, приписываемое П.А. Столыпину: «В России за десять лет меняется всё, а за двести ничего». Сохраняют просветительское значение работы, посвященные критике мальтузианства, социал-дарвинизма, и, особенно, расизма – одной из самых скверных сторон человеческой и общественной жизни, которую до сих пор не удалось изжить. Весьма полезными для исследователей соответствующих проблем остаются его заметки по истории и культуре, прежде всего об Италии и Японии. В разряд исторических источников, причем немаловажных, уже перешли публикации о событиях, участником или свидетелем которых он являлся. Будь то объединение Италии, революция в Испании, революция Мэйдзи в Японии, либо заметки о быте и нравах народов мира, сделанные им как путешественником. Хотя Л.И. Мечников не очень любил публицистику, зачастую видя в ней лишь способ пропитания, он все же донес до современного ему читателя множество интересных и значимых идей, поскольку он был прекрасным рассказчиком, читать его работы потомкам также интересно.

Список использованных источников и литературы

Источники

Опубликованные источники

1. Аристотель. Сочинения: в 4 т. / Аристотель; под ред. А. И. Доватура. – М. : Мысль, 1983. – Т. 4. – 880 с.
2. Бакунин М. А. Избранные сочинения / М. А. Бакунин; с предисловием Д. Гильома. – СПб. ; М. : Голос труда, 1920. – Т. 3. – 215 с.
3. Боден Ж. Метод легкого познания истории / Ж. Боден; пер. М. С. Бобковой. – М. : Наука, 2000. – 412 с.
4. Бокль Г. Т. История цивилизации в Англии / Г. Т. Бокль; пер. А. Н. Буйницкого. – СПб. : Ф. Павленков, 1895. – Т. 1, 2. – 528 с.
5. Булгаков С. Н. Основные проблемы теории прогресса // Проблемы идеализма : сб. – М., 1902. – С. 1-47.
6. Виттфогель К. А. Геополитика, географический материализм и марксизм Статья 1 // Под знаменем марксизма. – 1929. – № 2-3. – С. 16-42.
7. Виттфогель К. А. Геополитика, географический материализм и марксизм. Статья 2 // Под знаменем марксизма. – 1929. – № 6. – С. 1-29.
8. Виттфогель К. А. Геополитика, географический материализм и марксизм. Статья 3 // Под знаменем марксизма. – 1929. – № 7-8. – С. 1-28.
9. Гегель Г. В. Ф. Философия истории / Г. В. Ф. Гегель; пер. А. М. Водена; редкол. Ю. В. Петров [и др.]. – СПб. : Наука, 1993. – 479 с.
10. Гарибальди Д. Мемуары / Д. Гарибальди; пер. В. С. Бондарчука, Ю. А. Фридмана; комментарии В. Е. Невлера. – М., 1966. – 469 с.
11. Гердер И. Г. Идеи к философии истории человечества / И. Г. Гердер; пер. и прим. А. В. Михайлова. – М. : Наука, 1977. – 705 с.
12. Герцен А. И. Иркутск и Петербург // Колокол. – 1866. – 1 мая. – Л. 219.
13. Герцен А. И. Собрание сочинений: в 30 т. / А. И. Герцен; редкол.: В. П. Волгин [и др.]. – М. : Изд-во АН СССР, 1961. – Т. 27, кн. 1. – 406 с.

14. Герцен А. И. Собрание сочинений: в 30 т. / А. И. Герцен; редкол.: В. П. Волгин [и др.]. – М. : Изд-во АН СССР, 1963. – Т. 28. – 438 с.
15. Герцен А. И. Собрание сочинений: в 30 т. / А. И. Герцен; редкол.: В. П. Волгин [и др.]. – М. : Изд-во АН СССР, 1963. – Т. 29, кн. 1. – 391 с.
16. Герцен А. И. Собрание сочинений: в 30 т. / А. И. Герцен; редкол.: В. П. Волгин [и др.]. – М. : Наука, 1964. – Т. 29, кн. 2. – 845 с.
17. Герцен А. И. Собрание сочинений: в 30 т. / А. И. Герцен; редкол.: В. П. Волгин [и др.]. – М. : Наука, 1964. – Т. 30, кн. 1. – 475 с.
18. Гиппократ. Избранные книги / Гиппократ; пер. В. И. Руднева; ред. В. П. Карпова. – М. : Биомедгиз, 1936. – 736 с.
19. Гумилев Л. Н. Этногенез и биосфера Земли / Л. Н. Гумилев; ред. Р. В. Грищенко. – СПб. : Кристалл, 2001. – 640 с.
20. Данилевский Н. Я. Россия и Европа / Н. Я. Данилевский; ред. В. Алексина. – М. : ТЕРА, 2008. – 704 с.
21. Зотов В. Р. Петербург в сороковых годах // Исторический вестник. – 1890. – Т. 40. – С. 93-115.
22. Изложение учения Сен-Симона / пер. М. Е. Ландау, под ред. и с коммент. Э. А. Желубовской. – М. : Изд-во АН СССР, 1947. – 600 с.
23. Карсавин Л. П. Философия истории / Л. П. Карсавин; отв. ред. С. С. Хоружий. – СПб. : Комплект, 1993. – 352 с.
24. Лавров П. Л. Философия и социология. Избранные произведения / П. Л. Лавров; сост. и прим. И. С. Книжника-Ветрова; общ. ред. А. С. Окулова. – М. : Мысль, 1965. – Т. 2. – 703 с.
25. Литературное наследство. А. И. Герцен I / отв. ред. П. И. Лебедев-Полянский. – М., 1941. – Вып. 39-40. – 616 с.
26. Литературное наследство. А. И. Герцен II / отв. ред. П. И. Лебедев-Полянский. – М., 1941. – Вып. 41-42. – 656 с.
27. Литературное наследство. Герцен и Огарев III / гл. ред. В. В. Виноградов – М., 1956. – Т. 63. – 633 с.

28. Литературное наследство. Н. А. Некрасов II / отв. ред. П. И. Лебедев-Полянский. – М., 1949. – Вып. 51-52. – 676 с.
29. Лонгинов М. Н. Некролог М. Л. Неваховича // Современник. – 1850. – Т. 23. – С. 206-209.
30. Мальтус Т. Опыт закона о народонаселении / Т. Мальтус; пер. И. А. Вернера. – М., 1895. – 250 с.
31. Маркс К., Энгельс Ф. Альянс социалистической демократии и международное товарищество рабочих // Сочинения / К. Маркс, Ф. Энгельс; ред. тома В. Э. Кунина. 2-е. изд. – М. : Госполитиздат, 1961. – Т. 18. – С. 323-425.
32. Маркс К., Энгельс Ф. Капитал. Том 1 // Сочинения / К. Маркс, Ф. Энгельс; ред. тома А. И. Малыш. 2-е. изд. – М. : Госполитиздат, 1960. – Т. 23. – С. 43-900.
33. Маркс К., Энгельс Ф. Манифест коммунистической партии // Сочинения / К. Маркс, Ф. Энгельс; ред. тома Л. И. Гольман. 2-е. изд. – М. : Госполитиздат, 1955. – Т. 4. – С. 419-459.
34. Маркс К., Энгельс Ф. Наемный труд и капитал // Сочинения / К. Маркс, Ф. Энгельс; ред. тома С. З. Левиова. 2-е. изд. – М. : Госполитиздат, 1959. – Т. 6. – С. 428-459.
35. Маркс К., Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства // Сочинения / К. Маркс, Ф. Энгельс; ред. тома В. Г. Тартаковский. 2-е. изд. – М. : Госполитиздат, 1961. – Т. 21. – С. 23-178.
36. Маркс К., Энгельс Ф. Роль труда в процессе превращения обезьяны в человека // Сочинения / К. Маркс, Ф. Энгельс; ред. тома Г. А. Багатурия. 2-е. изд. – М. : Госполитиздат, 1961. – Т. 20. – С. 486-499.
37. Маркс К., Энгельс Ф. Критика Готской программы // Сочинения / К. Маркс, Ф. Энгельс; ред. тома Р. П. Конюшая. 2-е. изд. – М. : Госполитиздат, 1961. – Т. 19. – С. 9-32.
38. Маркс К., Энгельс Ф. К критике политической экономии // Сочинения / К. Маркс, Ф. Энгельс; ред. тома А. Е. Коротеева. 2-е. изд. – М. : Госполитиздат, 1959. – Т. 13. – С. 1-167.

39. Маркс К., Энгельс Ф. Маркс – Людвигу Кугельману в Ганновер // Сочинения / К. Маркс, Ф. Энгельс; ред. тома Е. Н. Барвенко, В. А. Смирнова. 2-е. изд. – М. : Политиздат, 1964. – Т. 32. – С. 447-449.
40. Маркс К., Энгельс Ф. Наброски к критике политической экономии // Сочинения / К. Маркс, Ф. Энгельс; ред. тома И. И. Прейс. 2-е. изд. – М. : Госполитиздат, 1955. – Т. 1. – С. 544-571.
41. Маркс К., Энгельс Ф. Нищета философии Прудона // Сочинения / К. Маркс, Ф. Энгельс; ред. тома Л. И. Гольман. 2-е. изд. – М. : Госполитиздат, 1955. – Т. 4. – С. 65-185.
42. Маслович Н. В. К биографии Л. И. Мечникова // Исторический вестник. – 1897. – № 68. – С. 999-1000.
43. Мечников Л. И. «Весть» о Прудоне // Колокол. – 1866. – 1 декабря. – Л. 230. – С. 1881-1882.
44. Мечников Л. И. Бакунин в Италии в 1864 году (Из воспоминаний Л. И. Мечникова) / с предисловием Н. Викторова // Исторический вестник. – 1897. – № 67. – С. 807-834.
45. Мечников Л. И. Бальзак и его школа // Дело. – 1870. – № 8. – С. 238-287.
46. Мечников Л. И. В недрах родной земли. (Итоги рудной промышленности Россия). (Продолжение) // Дело. – 1877. – № 11. – С. 127-165.
47. Мечников Л. И. В недрах родной земли. (Итоги рудной промышленности Россия). (Окончание) // Дело. – 1877. – № 12. – С. 273-303.
48. Мечников Л. И. Виктор Гюго. Литературный этюд // Дело. – 1871. – № 4. – С. 147-192.
49. Мечников Л. И. Виктор Гюго. Литературный этюд. (Окончание) // Дело. – 1871. – № 5. – С. 192-210.
50. Мечников Л. И. Гарибальдийцы. Исторический роман. Гл. I-V // Дело. – 1880. – № 6. – С. 1-30.
51. Мечников Л. И. Гарибальдийцы. Исторический роман. Гл. VII-X // Дело. 1880. – № 7. – С. 177-213.

52. Мечников Л. И. Гарибальдийцы. Исторический роман. Гл. XIV-XVII // Дело. – 1880. – № 10. – С. 169-216.
53. Мечников Л. И. Гарибальдийцы. Исторический роман. Гл. XI-XIII // Дело. – 1880. – № 9. – С. 193-225.
54. Мечников Л. И. Географическая теория развития исторических народов // Вестник Европы. – 1889. – Т. 2, кн. 3. – С. 331-362.
55. Мечников Л. И. Джемс Фази // Дело. – 1878. – № 12. – С. 1-39.
56. Мечников Л. И. Доазбучная цивилизация. (Статья первая) // Дело. – 1877. – № 5. – С. 177-212.
57. Мечников Л. И. Доазбучная цивилизация. (Статья первая) // Дело. – 1877. – № 6. – С. 54-96.
58. Мечников Л. И. Евгений Сю. Литературный этюд // Дело. – 1871. – № 2. – С. 249-306.
59. Мечников Л. И. Жорж Занд. Литературный этюд // Дело. – 1870. – № 10. – С. 162-206.
60. Мечников Л. И. Записки Гарибальдийца // Русский вестник. – 1861. – № 35.
61. Мечников Л. И. Записки Гарибальдийца // Русский вестник. – 1861. – № 36.
62. Мечников Л. И. Из Италии // Современник. – 1862. – № 2. – С. 199-226.
63. Мечников Л. И. Исходная точка истории // Дело. – 1880. – № 3. – С. 109-144.
64. Мечников Л. И. Итоги нашей промышленности. (Статья вторая) // Дело. – 1877. – № 10. – С. 1-40.
65. Мечников Л. И. Итоги нашей промышленности. (Статья первая) // Дело. – 1877. – № 8. – С. 289-324.
66. Мечников Л. И. Капрера // Современник. – 1862. – № 3. – С. 1-46.
67. Мечников Л. И. Колонизация в Австралии и в Америке (Окончание) // Дело. – 1880. – № 12. – С. 105-139.

68. Мечников Л. И. Колонизация в Австралии и в Америке. Ст. 1-я // Дело. – 1880. – № 11. – С. 60-93.
69. Мечников Л. И. Новейший "нана-турализм" (По поводу последнего романа Э. Золя) // Дело. – 1880. – № 6. – С. 36-65.
70. Мечников Л. И. Новейший "нана-турализм" (По поводу последнего романа Э. Золя). (Окончание) // Дело. – 1880. – № 5. – С. 71-107.
71. Мечников Л. И. Община и государство в Швейцарии // Дело. – 1881. – № 6. – С. 271-298.
72. Мечников Л. И. Отчет кассы взаимного вспоможения русских эмигрантов в Женеве // Колокол. – 1866. – 1 февраля. – Л. 213. – С. 1748.
73. Мечников Л. И. Очерки швейцарской жизни и нравов. I. Женева // Отечественные записки. – 1868. – № 5. – С. 1-14.
74. Мечников Л. И. Очерки швейцарской жизни и нравов. II. В горах // Отечественные записки. – 1868. – № 7. – С. 1-18.
75. Мечников Л. И. Письма об итальянских ремесленных братствах // Русское слово. – 1864. – № 7.
76. Мечников Л. И. Письмо к Прудону // Колокол. – 1864. – 15 мая. – Л. 185. С. 1520-1524.
77. Мечников Л. И. Поездка в Испанию (октябрь-декабрь 1868 г.) Гл. I-III // Отечественные записки. – 1869. – № 2. – С. 319-364.
78. Мечников Л. И. Поездка в Испанию (октябрь-декабрь 1868 г.) Гл. IV-V // Отечественные записки. – 1869. – № 3. – С. 193-235.
79. Мечников Л. И. Поездка в Испанию (октябрь-декабрь 1868 г.) Гл. VI-VII // Отечественные записки. – 1869. – № 4. – С. 241-277.
80. Мечников Л. И. Поездка в Испанию (октябрь-декабрь 1868 г.) Гл. VIII-IX // Отечественные записки. – 1869. – № 5. – С. 1-26.
81. Мечников Л. И. Поездка в Испанию (октябрь-декабрь 1868 г.) Гл. X // Отечественные записки. – 1869. – № 8. – С. 345-375.
82. Мечников Л. И. Поездка в Испанию (октябрь-декабрь 1868 г.) Гл. XI // Отечественные записки. – 1869. – № 11. – С. 257-294.

83. Мечников Л. И. Поездка в Испанию (октябрь-декабрь 1868 г.) Гл. XII. Окончание // Отечественные записки. – 1869. – № 12. – С. 469-494.
84. Мечников Л. И. Проекты аграрных преобразований в Англии // Дело. – 1883. – № 1. – С. 61-90.
85. Мечников Л. И. Проекты аграрных преобразований в Англии. (Окончание) // Дело. – 1883. – № 2. – С. 65-94.
86. Мечников Л. И. Прудонova «Новая теория собственности» // Колокол. – 15 апреля 1866. – Л. 218. – С. 1781-1785.
87. Мечников Л. И. Прудонova «Новая теория собственности» // Колокол. – 1866. – 1 мая. – Л. 219. – С. 1791-1794.
88. Мечников Л. И. Прудонova «Новая теория собственности» // Колокол. – 1866. – 1 июня. – Л. 221. – С. 1807-1811.
89. Мечников Л. И. Прудонova «Новая теория собственности» // Колокол. – 1866. – 1 августа. – Л. 225. – С. 1841-1843.
90. Мечников Л. И. Прудонova «Новая теория собственности» // Колокол. – 1866. – 15 августа. – № 226. – С. 1845-1848.
91. Мечников Л. И. Смелый шаг. Повесть // Современник. – 1863. – № 11. – С. 5-56.
92. Мечников Л. И. Социологические очерки. (Статья первая) // Дело. – 1880. – № 7. – С. 152-175.
93. Мечников Л. И. Хлебный вопрос в Америке и Европе. (Окончание) // Дело. – 1880. – № 6. – С. 133-175.
94. Мечников Л. И. Хлебный вопрос в Америке и Европе. (Статья первая) // Дело. – 1880. – № 5. – С. 49-87.
95. Мечников Л. И. Цивилизация и великие исторические реки / Л. И. Мечников; сост. В. И. Евдокимов. – М. : Айрис пресс, 2013. – 320 с.
96. Мечников Л. И. Цивилизация и великие исторические реки / Л. И. Мечников; сост. В. И. Евдокимов. – М. : Пангея, 1995. – 464 с.

97. Мечников Л. И. Цивилизация и великие исторические реки / Л. И. Мечников; пер. М. Д. Гродецкого. – Киев ; Харьков : Южно-Русское книгоиздательство Ф. А. Иогансона, 1899. – 288 с.
98. Мечников Л. И. Школа борьбы в социологии // Дело. – 1884. – № 4. – С. 28-64.
99. Мечников Л. И. Школа борьбы в социологии. (Окончание) // Дело. – 1884. – № 5. – С. 39-59.
100. Мечников Л. И. Эра просвещения Японии (Мей-Дзи) // Дело. – 1876. – № 10. – С. 133-170.
101. Мечников Л. И. Эра японского просвещения (Мей-дзи). (Продолжение) // Дело. – 1877. – № 2. – С. 242-275.
102. Мечников И. И. Страницы воспоминаний / отв. ред. Х. С. Коштойац. – М. : Изд-во АН СССР, 1946. – 290 с.
103. Мечникова О. Н. Жизнь Ильи Ильича Мечникова / О. Н. Мечникова. – М. ; Л. : Государственное изд-во, 1926. – 232 с.
104. Михайловский Н. К. Борьба за индивидуальность // Сочинения / Н. К. Михайловский. – СПб., 1906. – Т. 1. – С. 437-608.
105. Михайловский Н. К. Теория Дарвина и общественная наука // Сочинения / Н. К. Михайловский. – СПб., 1906. – Т. 1. – С. 165-348.
106. Михайловский Н. К. Что такое прогресс? // Сочинения / Н. К. Михайловский. – СПб., 1906. – Т. 1. – С. 9-164.
107. Монтескье Ш. Л. О духе законов / Ш. Л. Монтескье; пер. А. В. Матешука. – М. : Мысль, 1999. – 672 с.
108. Мор Т. Утопия / Т. Мор; пер. Ю. М. Кагана. – М. : Наука, 1978. – 416 с.
109. Мясоедов Г. Г. Письма. Документы. Воспоминания / Г. Г. Мясоедов; сост. В. С. Оголевец; ред. и примеч. Н. Л. Приймак. – М. : Изобразительное искусство, 1972. – 328 с.
110. Письма М. А. Бакунина к А. И. Герцену и Н. П. Огареву / сост. М. П. Драгоманов. – Женева : Украинская типография, 1896. – 562 с.

111. Плеханов Г. В. К вопросу о развитии монистического взгляда на историю // Избранные философские сочинения / Г. В. Плеханов; под ред. В. Козерука. – М. : Госполитиздат, 1956. – Т. 1. – С. 507-730.

112. Плеханов Г. В. О книге Л. И. Мечникова: «Цивилизация и великие исторические реки» // Сочинения / Г. В. Плеханов; под ред. Д. Рязанова. – М. : Мосполиграф, 1923. – Т. 7. – С. 16-30.

113. Плеханов Г. В. Еще раз г. Михайловский, еще раз «триада» // Избранные философские произведения / Г. В. Плеханов; под ред. В. Козерука. – М. : Госполитиздат, 1956. – Т. 1. – С. 731-737.

114. Плеханов Г. В. К шестидесятой годовщине смерти Гегеля // Избранные философские произведения / Г. В. Плеханов; под ред. В. Козерука. – М. : Госполитиздат, 1956. – Т. 1. – С. 422-450.

115. Плеханов Г. В. Л. И. Мечников. Некролог // Сочинения / Г. В. Плеханов; под ред. Д. Рязанова. – М. : Мосполиграф, 1923. – Т. 7. – С. 327-331.

116. Процесс Н. Г. Чернышевского. Архивные документы / под ред. Н. А. Алексеева. – Саратов, 1939. – 360 с.

117. Прудон П. Ж. Что такое собственность? или Исследование о принципе права и власти / П. Ж. Прудон; ред. В. В. Сапова. – М. : Республика, 1998. – 367 с.

118. Соловьев В. С. Из философии истории // Собрание сочинений / В. С. Соловьев; под ред. С. М. Соловьева и Э. Л. Радлова. – СПб. : Просвещение, 1914. – Т. 6. – С. 340-362.

119. Соловьев В. С. Три разговора о войне, прогрессе и конце всемирной истории // Собрание сочинений / В. С. Соловьев; под ред. С. М. Соловьева и Э. Л. Радлова. – СПб. : Просвещение, 1914. – Т. 10. – С. 81-221.

120. Страбон. География / Страбон; пер. Г. А. Стратановского; под ред. С. Л. Утченко. – Л. : Наука, 1964. – 943 с.

121. Ткачев П. Н. Закон общественного самосохранения (по поводу «Законов размножения» Герберта Спенсера) // Сочинения: в 2 т. / П. Н. Ткачев; под ред. А. А. Галактионова [и др.]. – М. : Мысль, 1975. – Т. 1. – С. 406-460.

122. Ткачев П. Н. Что такое партия прогресса (по поводу «Исторических писем» П. Л. Миртова) // Сочинения: в 2 т. / П. Н. Ткачев; под ред. А. А. Галактионова [и др.]. – М. : Мысль, 1975. – Т. 1. – С. 461-528.

123. Ткачев П. Н. Мальтус. Опыт о законе народонаселения // Сочинения: в 2 т. / П. Н. Ткачев; под ред. А. А. Галактионова [и др.]. – М. : Мысль, 1975. – Т. 1. – С. 270-287.

124. Тойнби А. Промышленный переворот в Англии в XVIII столетии / А. Тойнби; пер. А. И. Чупрова. – М. : Либроком, 2011. – 352 с.

125. Тойнби А. Д. Постижение истории / А. Д. Тойнби; под ред. В. И. Уколовой, Д. Э. Харитоновича; пер. Е. Д. Жаркова. М. : АЙРИС ПРЕСС, 2010. – 640 с.

126. Тойнби А. Д. Цивилизация перед судом истории. Мир и Запад / А. Д. Тойнби. – М. : АСТ Астрель, 2011. – 318 с.

127. Шпенглер О. Закат Европы. Т. 1 / О. Шпенглер; пер. К. А. Севастьяна. – М. : Мысль, 1998. – 663 с.

128. Шпенглер О. Закат Европы. Т. 2 / О. Шпенглер; пер. И. И. Маханькова. – М. : Мысль, 1998. – 606 с.

129. Feuille d'Avis de Neuchâtel. – Neuchâtel, 1878. – 12 Février. – № 12.

130. Feuille d'Avis de Neuchâtel. – Neuchâtel, 1888. – 23 Juillet. – № 172.

131. Feuille d'Avis de Neuchâtel. – Neuchâtel, 1888. – 3 Juillet. – № 155.

132. Feuille d'Avis de Neuchâtel. – Neuchâtel, 1935. – 9 Novembre. – № 264.

133. Knapp C. Nécrologie. Léon Metchnikoff // Bulletin de la Société Neuchâteloise de Géographie. – 1889. – № 4. – P. 272-276.

134. L'Impartial. – Neuchâtel, 1883. – 17 Août. – № 811.

135. L'Indipendente. – Neuchâtel, 1860. – 11 Ottobre. – № 1.

136. Metchnikoff L. La civilisation et les grands fleuves historiques / Avec une préface de m. Élisée Reclus. – Paris, 1889. – 369 p.

137. Wittfogel K. A. Oriental despotism: a comparative study of total power. Sixth printing. – New Haven-London : Yale University Press, 1967. – 556 p.

Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ)

138. Ф. 102. – Оп. 77. – Д. 37. – О возвращении из-за границы самовольно отлучившегося из России Льва Мечникова.
139. Ф. 102. – Оп. 81. – Д. 537. – О проживающем в Кларане Мечникове.
140. Ф. 109. – Оп. 1а. – Д. 158. – Агентурная записка из-за границы о деятельности эмигрантов в Женеве, и о членах славянского клуба.
141. Ф. 109. – Оп. 1а. – Д. 162. – Выписка из письма Скарятиной из Женевы Скарятину В. Д. в редакцию петербургской газеты "Весть" с обвинением Скарятин В. Д. в литературном доносе-клевете на эмигрантов Герцена А.И. и др. об их связи с Д. В. Каракозовым; с высказыванием о консервативном направлении газеты "Весть". Справка III отделения о Скарятиной и Мечникове В.
142. Ф. 109. – Оп. 1а. – Д. 395. – Переписка между Алексеевым М. и Мечниковой О. Р., Скарятиной О. и Скарятиным В. по поводу разводов Мечниковых и Скарятиных, в связи с сожительством Скарятиной с Мечниковым.
143. Ф. 109. – Оп. 1а. – Д. 407. – Выписка из письма с подписью "сын" из Фицнау (кантон Люцерн, Швейцария) к Мечниковой Э. Л. в Купянск Харьковской губ. о своем желании вернуться из эмиграции на родину с выражением опасения о преследовании его по возвращении полицией.
144. Ф. 6753. – Оп. 1. – Д. 17. – Свидетельства о рождении и дворянском звании, заграничные паспорта Л. И. Мечникова.
145. Ф. 6753. – Оп. 1. – Д. 18. – Свидетельства Л. И. Мечникова об учебе в Харьковском университете и об окончании Петербургского университета.
146. Ф. 6753. – Оп. 1. – Д. 20. – Записные книжки Л. И. Мечникова.
147. Ф. 6753. – Оп. 1. – Д. 22. – Воспоминания Мечникова Л. И. "Встречное и поперечное".
148. Ф. 6753. – Оп. 1. – Д. 53. – Письмо Кропоткиных П. А. и С. Г. Л. И. Мечникову.

149. Ф. 6753. – Оп. 1. – Д. 88. – Воспоминания О. Р. Мечниковой о муже Л. И. Мечникове.

Российский государственный архив литературы и искусства (РГАЛИ)

150. Ф. 1. – Оп. 1. – Д. 387. – Письмо и телеграмма Л. И. Мечникова о его статьях для журн. "Современник".

151. Ф. 1167. – Оп. 1. – Д. 46. – Письмо Мечникова Льва Ильича к Стасюлевичу Михаилу Матвеевичу.

152. Ф. 1636. – Оп. 1. – Д. 1. – Письма Благосветлова Григория Евлампиевича Мечникову Льву Ильичу.

153. Ф. 1636. – Оп. 1. – Д. 2. – Письма Головачева А. Мечникову Льву Ильичу.

154. Ф. 1636. – Оп. 1. – Д. 3. – Письма Прянишникова Мечникову Льву Ильичу.

155. Ф. 1636. – Оп. 1. – Д. 4. – Письма Станюковича Константина Михайловича Мечникову Льву Ильичу.

156. Ф. 1636. – Оп. 1. – Д. 5. – Письма Эльснитца А. Мечникову Льву Ильичу

157. Ф. 2197. – Оп. 1. – Д. 250. – Письма Мечникова Льва Ильича А. И. Герцену.

158. Ф. 2197. – Оп. 1. – Д. 479. – Письмо Мечникова Льва Ильича Н. П. Огареву.

Литература

159. Аксентьев С. Т. Две судьбы, разделенные двумя веками // Наука и жизнь. – 2008. – № 1. – С. 70-76.

160. Аксентьев С. Т. Маяки Леонтия Спафарьева // Север. – 2006. – № 11-12. – С. 16-19.

161. Аалыкин-Извеков В. Н. Цивилизационная теория в России – прошлое, настоящее и будущее // Biocosmology – neo-Aristotelism. – 2014. – Т. 4, № 3. – С. 337-354.

162. Алексеев П. В. Философы России XIX – XX столетий. Биографии, идеи, труды / П. В. Алексеев. – М. : Академический Проект, 1999. – 944 с.
163. Араб-Оглы Э. А. А. М. ВОСКАНЯН. О роли географической среды в развитии общества // Вопросы философии. – 1956. – № 4. – С. 200-205.
164. Бенина М. А. Журнал «Дело» (1866-1888). Указатель содержания / М. А. Бенина. – СПб., 1993. – 458 с.
165. Боград В. Э. Журнал «Современник» (1847-1866). Указатель содержания / В. Э. Боград. – М. ; Л. : Гослитиздат, 1959. – 827 с.
166. Богучарсков В. Т. История географии: учеб. пособие / В. Т. Богучарсков. – М. : ИКЦ Март, 2004. – 448 с.
167. Бурлаков В. А. Геополитика. Хрестоматия / В. А. Бурлаков. – Владивосток : ВГУЭС, 2008. – 300 с.
168. Вебер М. Избранные произведения / М. Вебер; под ред. Ю. Н. Давыдова. – М. : Прогресс, 1990. – 808 с.
169. Воробьева-Десятовская М. И. Л. И. Мечников и русская цивилизация XIX в. // Вестн. Рус. христианской гуманитарной академии. – 2011. – Т. 12, № 1. – С. 23-28.
170. Восканян А. М. О роли географической среды в развитии общества / А. М. Восканян. – Ереван : Изд-во АН Армянской ССР, 1956. – 204 с.
171. Галактионов А. А. Русская философия IX – XIX вв. / А. А. Галактионов, П. Ф. Никандров. – Л. : Изд-во Ленингр. ун-та, 1989. – 744 с.
172. Галлеев К. Р. Теория гидравлического государства К. Виттфогеля и ее современная критика // Социологическое обозрение. – 2011. – Т. 10, № 3. – С. 155-179.
173. Гловели Г. Д. Лев Мечников // Альтернативы. – 1995. – № 1. – С. 146-165.
174. Гобозов И. А. Введение в философию истории / И. А. Гобозов. – 2-е изд. – М. : ТЕИС, 1999. – 363 с.
175. Гобозов И. А. Смысл и направленность исторического процесса / И. А. Гобозов. – М. : Изд-во МГУ, 1987. – 220 с.

176. Голосенко И. А. Социологическая литература России второй половины XIX – начала XX века / И. А. Голосенко. – М. : Онега, 1995. – 224 с.
177. Гордеева И. В. Проблема влияния природной среды на формирование и развитие этноса в различных концепциях // Фундаментальные исследования. – 2005. – №4. – С. 37-38.
178. Горина Е. Н. Вклад Л. И. Мечникова в становление русской социологии : дис. ... канд. соц. наук: 22.00.01 / Екатерина Николаевна Горина. – Саратов, 2010. – 143 с.
179. Горина Е. Н. Проблемы географического детерминизма в трудах И. И. Мечникова // Изв. Саратов. ун-та. Сер. Социология. Политология. – 2010. – Т. 10, № 2. – С. 37-38.
180. Гулин А. С. Л. И. Мечников исследователь Японии // Гуманитарный вектор. Сер. Педагогика, психология. – 2011. – № 2. – С. 15-23.
181. Евдокимов В. И. Отец русской геополитики // Независимая Газета. – 2013. – № 8. – С. 12.
182. Евлампиев И. И. Жизненная драма Владимира Соловьева // Вопросы философии. – 2011. – № 2. – С. 127-139.
183. Емельянов Б. В. Три века русской философии, XIX век. / Б. В. Емельянов. – Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2011. – 874 с.
184. Зайцев Д. М. Японский историк Ватанабэ Масаси о русском путешественнике и ученом Л. Н. Мечникове // Изв. Восточного института. – 2003. – № 7. – С. 79-90.
185. Зеленин Ю. А. Базовые компоненты идеологии классического народничества в России // Изв. Алтай. гос. ун-та. – 2007. – № 4-3. – С. 234-238.
186. Иванова Г. Д. Русские в Японии XIX – начала XX в. / Г. Д. Иванова. – М. : Наука, 1993. – 170 с.
187. Исаев Б. А. Геополитика : учеб. пособие / Б. А. Исаев. – СПб. : Питер, 2006. – 384 с.
188. Калашников В. Д. Генезис и становление теории цивилизации в России // Вестн. Красноярского гос. аграрного ун-та. – 2014. – № 2. – С. 216-223.

189. Калиникова М. В. Вопросы взаимодействия общества и природы в трудах Л.И. Мечникова // Изв. Саратов. ун-та. Сер. Социология. Политология. – 2013. – Т. 13, № 3. – С. 12-15.
190. Калмыкова О. А. Природные факторы возникновения проблемы бедности // Вестн. Бурятского гос. ун-та. – 2009. – № 14. – С. 202-207.
191. Капица С. П. Общая теория роста человечества: Сколько людей жило, живет и будет жить на Земле / С. П. Капица. – М. : Наука, 1999. – 190 с.
192. Карташева К. С. Дороги Льва Мечникова / К. С. Карташева. – М. : Мысль, 1981. – 56 с.
193. Колокол. Газета А. И. Герцени и Н. П. Огарева. Указатели / под ред. М. В. Нечкиной. – М. : Изд-во АН СССР, 1962. – Т. 11. – 193 с.
194. Колоколова Е. О. Категория «кооперация» в социобиологии и биополитике // Общество: политика, экономика, право. – 2010. – № 2. – С. 18-21.
195. Константинов В. Н. Российский социолог Лев Мечников / В. Н. Константинов. – Владимир, 1994. – 88 с.
196. Латов Ю. В. «Восточный деспотизм» К. А. Виттфогеля (к 50-летию «странной» книги) // Историко-экономические исследования. – 2007. – Т. 8, № 2. – С. 8-37.
197. Маца К. А. Эволюция научных взглядов на роль географического (природного) фактора в развитии общества / К. А. Маца, М. М. Логвин, И. В. Литовченко // Междунар. науч.-исслед. журн. – 2014. – № 1-3. – С. 90-92.
198. Миненков Г. Я. Введение в историю российской социологии / Г. Я. Миненков. – Минск : Экономпресс, 2000. – 343 с.
199. Мун А. В. Сущность концепции «восточного общества» К. А. Виттфогеля и ее истоки // Изв. Росс. гос. педагог. ун-та им. А. И. Герцена. – 2009. – № 101. – С. 27-34.
200. Мустафин А. А. Геосоциологическая концепция Л. И. Мечникова // Вестн. Кем. гос. ун-та культуры и искусств. – 2012. – № 20. – С. 27-31.

201. Мустафин А. А. Методология русской геосоциологии и её значение в поисках взаимосвязи природы и общества // Мир науки, культуры, образования. – 2014. – № 1. – С. 10-14.
202. Новикова Л. И. Русская философия истории / Л. И. Новикова, И. Н. Сиземская. – М. : Магистр, 1997. – 398 с.
203. Огнева В. В. Геополитические идеи Л. И. Мечникова // Среднерусский вестник общественных наук. – 2008. – № 2. – С. 125-126.
204. Петрюк П. Т. Илья Ильич Мечников: биографические, научные и психиатрические аспекты (к 165-летию со дня рождения) / П. Т. Петрюк, И. Ю. Кучма, В. И. Резник // Анналы Мечниковского института. – 2010. – № 2. – С. 53-62.
205. Пирумова Н. М. Александр Герцен / Н. М. Пирумова. – М. : Мысль, 1989. – 256 с.
206. Пирумова Н. М. Бакунин. Сер. «Жизнь замечательных людей» / Н. М. Пирумова. – М. : Молодая гвардия, 1970. – 400 с.
207. Подоль Р. Я. Экономическое направление в русской историософии начала XX в. // Вестн. Рязан. гос. ун-та им. С. А. Есенина. – 2008. – № 21. – С. 38-50.
208. Прокуденкова О. В. Роль географического фактора в культурологической концепции Л. И. Мечникова // Вестн. Рус. христианской гуманитарной академии. – 2011. – Т. 12, № 1. – С. 114-120.
209. Рассел Б. Практика и теория большевизма / авт. послесл. В. С. Марков. – М. : Наука, 1991. – 123 с.
210. Романенко В. М. Борьба Л. И. Мечникова против мальтузианства, социал-дарвинизма и расизма // Вопросы философии. – 1956. – № 5. – С. 100-105.
211. Семенов В. Ф. Огораживания и крестьянские движения в Англии XVI века / В. Ф. Семенов. – М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1949. – 369 с.
212. Семёнов Ю. И. Философия истории. (Общая теория, основные проблемы, идеи и концепции от древности до наших дней) / Ю. И. Семенов. – М. : Современные тетради, 2003. – 776 с.

213. Тер-Акопян Э. А. Восканян «О роли географической среды в развитии общества» // Вестн. общественных наук АН Армянской ССР, 1957. – № 1. С. 129-132.

214. Толгамбаева Д. Т. Философско-историческая концепция Л. И. Мечникова : автореф. дис. ... канд. филос. наук: 09.00.03 / Даметкен Турлыбаевна Толгамбаева. – М., 1993. – 25 с.

215. Фёдоров М. Г. Русская прогрессивная мысль XIX в. от географического детерминизма к историческому материализму / М. Г Фёдоров. – Новосибирск : Наука, 1972. – 162 с.

216. Философская энциклопедия / под ред. В. Ф. Константинова. – М. : Советская энциклопедия, 1964. – Т. 3. – 584 с.

217. Социологическая мысль в России. Очерки истории немарксистской социологии последней трети XIX – начала XX века / под ред. Б. А. Чагина. Л. : Наука, 1978. – 416 с.

218. Шабров А. В. Илья Ильич Мечников. Энциклопедия жизни и творчества / А. В. Шабров, И. В. Князькин, А. Т. Марьянович. – СПб. : ДЕАН, 2008. – 1264 с.

219. Шкудунова Ю. В. Экспликация понятий «солидарность» и «солидаризация» // Фундаментальные исследования. – 2015. – № 2-18. – С. 4118-4122.

220. Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. – СПб., 1896. – Т. 19. – 476 с.

221. Якунин В. И. Российская школа геополитики / В. И. Якунин, Е. И. Зеленев, И. В. Зеленева. – СПб. : Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2008. – 368 с.

222. Ferretti F. De l'empathie en géographie et d'un réseau de géographes: la Chine vue par Léon Metchnikoff, Élisée Reclus et François Turrettini [La ressource électronique] // Cybergeog: Revue européenne de géographie. – 2013. – Decembre. – URL: <http://cybergeog.revues.org/26127> (la date de l'accès: 20.05.2015).

223. Pelletier Ph. Géographie et anarchie: Reclus, Kropotkine, Metchnikoff. – Paris : Éditions du Monde libertaire, 2013. – 632 с.

224. Jud P. Leon Metchnikoff. Ein russischer Geograph in der Schweiz. – Zürich : Oriole-Verlag, 1995. – 100 c.
225. Ratzel F. Anthropogeographie. – Stuttgart : Verlag von J. Engelhorn, 1909. – 400 p.
226. Rérat P., Piguet É. La «pensée du monde». Une société de géographie à la Belle Époque / P. Rérat, É. Piguet. – Neuchâtel : Alphil-Presses universitaires suisses, 2011. – 344 p.

Приложение А Биографический очерк жизни и деятельности Л.И. Мечникова

А1 Семья и ранние годы

Лев Ильич Мечников родился 18 (30) мая 1838 года в Санкт-Петербурге, в семье гвардейского офицера Ильи Ивановича Мечникова и Эмилии Львовны Мечниковой (в девичестве Невахович). В семье кроме Льва Мечникова было еще четверо детей: старший брат Иван, младшие Николай и Илья, а также сестра Екатерина. Ввиду некоторых обстоятельств, представляется целесообразным представить краткий рассказ о его наиболее известных родственниках, тем более, что он являлся далеко не единственным знаменитым ученым в своей семье.

Принято считать, что дворянский род Мечниковых обязан своей фамилией Николаю Милеску Спафарию (1636 – 1708), молдавскому вельможе, который перешел на службу русскому царю Алексею Михайловичу. В различных источниках можно встретить разные варианты написания его имени. По-разному также трактуется вопрос о том, как фамилия или скорее прозвище Спафарий преобразилось в Мечников. Так, С.Т. Аксентьев, автор статьи «Две судьбы, разделённые двумя веками», предложил следующую версию: «Все мужчины в роду служили либо по военному делу и имели прозвище «спафарий», то есть оруженосец, либо по судебному ведомству – этих звали «мечники», то есть судьи»¹. Версия сама по себе достаточно необычная, однако дополнительного подтверждения она не находит.

М.Д. Гродецкий, автор первого перевода книги «Цивилизация и великие исторические реки», собственно, первый биограф Мечникова, описывал этот вопрос иным образом: «Лев Ильич Мечников явился на свет в 1838 году, в Петербурге в семье харьковского помещика Спадаренко, румына по происхождению. [...] Румынское слово «spada» в переводе на русский язык

¹ Аксентьев С. Т. Две судьбы, разделенные двумя веками // Наука и жизнь. М. : Медиа-Пресса. 2008. № 1. С. 70-76.

значит меч. Отсюда и Spadarenko – Мечниковы»¹, что, по-видимому, тоже не вполне точно соответствует действительности, так как в большинстве источников отец Льва Ильича именуется не иначе, как Илья Иванович Мечников.

К.С. Карташева, автор более поздней биографии Мечникова, написанной в литературном стиле, приводит интересный рассказ: «Однажды племянник спросил, почему дворовые зовут его Спадаренков барчук, а фамилия их Мечниковы, дядя молча выбил трубку, встал, взял его за плечи и повел в сад. – Кто тебе это сказал? – спросил он. Мальчик молчал. Ему казалось, что дядя сердится. – Впрочем, это неважно, – начал дядя Дмитрий. – «Спада» по-румынски «меч». В старину Мечниковых звали Спадаренко или Спатаренко, потому что их предок Николай Милеску, живший двести лет назад, был молдавским боярином и носил титул «мечника» – «спатария», или «спафария»².

Действительно, обратившись к справочнику, можно обнаружить, что слово Spătar, буквально меченосец, означало в Молдавии и Румынии титул вельможи королевского двора, задачей которого было носить меч и булаву князя на празднествах, а позднее должность командира армии и полиции. Именно этот титул носил в Молдавии Николай Милеску.

Упоминание дальнего предка Мечниковых вызвано не только вопросом о происхождении их фамилии. Несмотря на значительную разницу во времени, составляющую чуть более двух веков, между Николаем Милеско и его далеким потомком Львом Ильичом Мечниковым можно обнаружить примечательное сходство, которое становится очевидным при сопоставлении их жизненного пути. Не только философско-политологическая направленность их научных работ, тяга к путешествиям, интерес к географии, этнографии и языкам, но и особый дух авантюризма объединяет этих двух замечательных представителей своего рода.

Достоверно о Николае Милеско известно не много. Он родился в Молдавии в 1636 году. Будучи еще совсем юным, отправился учиться за границу. Получил образование в итальянском городе Падуя. Как и его далекий потомок, был

¹ Градецкий М. Д. Биографический очерк // Л. И. Мечников. Цивилизация и великие исторические реки. СПб, 1898. С. 10.

² Карташева К. С. Дороги Льва Мечникова ... С. 7.

полиглотом и знал не менее 9 языков. Находясь на службе у молдавских и валашских господарей, с дипломатической миссией посетил Стамбул и многие европейские столицы. Предпринял попытку государственного переворота, целью которого было ослабление влияния Османской империи и смена внешнеполитической ориентации Молдовы в пользу России. После провала переворота был вынужден покинуть страну, и в 1671 году перешел на службу к русскому царю. Находился в дружеских отношениях с главой Посольского приказа Артамоном Матвеевым, и по его рекомендации возглавил российское посольство в Китай 1675-1678 гг.

Сумел освоить китайский, общаясь с носителями языка, несмотря на то, что сколько-нибудь подробных и точных китайских словарей в то время не существовало. Знание языка позволило ему узнать намного больше об этом загадочном государстве, и выполнить главную задачу, поставленную перед экспедицией, а именно – узнать, представляет ли Китайская империя угрозу южным рубежам России. Выяснилось, что Китай, который находился в состоянии продолжительного внутреннего кризиса, такой угрозы не представлял. Он написал немало книг и статей на теологические, философские и политологические темы, дал одно из первых географических описаний Сибири и Дальнего востока, оставил подробный рассказ о своем пребывании в Китае, особенностях местной культуры, быта и языка. Сообщил о существовании островной Японской империи, о которой в России не было известно¹. Примечательно, что, спустя две сотни лет, Мечников похожим образом выучил японский и одним из первых посетил островное государство, о котором в Европе до середины XIX века было известно немногим больше, чем о китайской империи двумя веками ранее.

Считалось, что первым из потомков Николая Милеску, который взял фамилию Мечников, был Юрий Стефанович Милеску-Спафарий, который считался его внуком и приехал в Россию вместе с Дмитрием Кантемиром в 1711 году. Уже в России он поменял фамилию Спафарий на Мечников. Эта версия была частью семейного предания Мечниковых, и она иногда транслируется в

¹ Иванова Г. Д. Русские в Японии XIX – начала XX в. ... С. 5.

различных биографических статьях¹. По другой версии Юрий был не сыном, а племянником Николая Милеску, о чем косвенно свидетельствует Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона: «Мечниковы – дворянский род, происходящий от молдавского боярина и спафария (мечника) Юрия Степановича, выехавшего в Россию в 1711 г. с князем Кантемиром и получившего большие имения от Петра Великого. Его сын принял фамилию Мечников. Евграф Ильич Мечников (1770 – 1836), был сенатором. К этому роду принадлежит известный ученый Илья Ильич Мечников»².

Данной версии передерживаются авторы масштабного исследования, посвященного И.И. Мечникову: «Вслед за удачливым Спафарием в Россию потянулась его родня, этот процесс продолжался и после смерти Николая, наступившей в 1708-м или 1709 году. Когда в 1711-м на русскую службу перешел господарь Молдавии князь Димитрий Константинович Кантемир (1673-1723), в составе его свиты был племянник Спафария по имени Джордже Штефан Спатарул. Переведя свои имя и титул на русский язык, он превратился в боярина Юрия (Георгия) Степановича Мечника; соответственно его потомки именовались Мечниковыми [...], и ко времени появления на свет нашего героя [...] сменило друг друга пять поколений: Юрий (Георгий), Иван, Илья, Иван, Илья, Илья (будущий Нобелевский лауреат)»³.

Также этими авторами приводится цитата из воспоминаний О.Н. Мечниковой: «В дальнейших поколениях Мечниковых было всего более военных, был моряк, директор горного департамента, сенатор, но не было вовсе людей науки» (О.Н. Мечникова. Жизнь Ильи Ильича Мечникова, 1926). Упомянутый сенатор и тайный советник Евграф Ильич Мечников (1770 – 1836) доводился двоюродным дедом нашему герою»⁴. Как видно, авторы данной работы, в отличие

¹ Петрюк П. Т., Кучма И. Ю., Резник В. И. Илья Ильич Мечников: биографические, научные и психиатрические аспекты (к 165-летию со дня рождения) // *Аннали Мечниковського інституту*. 2010. № 2. С. 53-62.

² Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. СПб., 1890-1907. Т. 19. С. 226.

³ Шабров А. В., Князькин И. В., Марьянович А. Т. Илья Ильич Мечников. Энциклопедия жизни и творчества. СПб. : ДЕАН, 2008. С. 17-19.

⁴ Там же.

от справки, данной Брокгаузом и Ефроном, отказывают в родстве по прямой линии не только Николаю Милеско, но и Е.И. Мечникову, который был горным инженером, директором департамента горных и соляных дел министерства финансов, позднее сенатором. Под моряком О.Н. Мечникова, возможно, имела в виду еще одного потомка Николая Милеско – Леонтия Васильевича Спафарьева (1766 – 1847), генерала-лейтенанта по адмиралтейству, под руководством которого было построено немало маяков и других прибрежных сооружений¹. Впрочем, данный спор не так уж важен, поскольку в самой семье Мечниковых историю рода вели именно от Николая Милеско, очевидно данной версии придерживался и Лев Ильич.

Предположение о том, что далекий предок повлиял на судьбу Мечникова, подтверждает интересный случай из его жизни, описанный впоследствии Н.В. Масловичем: «В 1853 г. Лев Ильич Мечников был тогда со мной в 4-м классе 2-ой харьковской гимназии. Он был пылким, восторженным юношей лет 15-ти. Под влиянием семейного предания о происхождении от молдавского господаря, он возымел фантазию пробраться в Молдавию, и предъявить свои права на господарство. В одно прекрасное утро вместе со своим родственником, Н-ским (тоже гимназистом) они исчезли из Харькова. Семейство, и гимназическое начальство переполошились: послана была погоня по разным направлениям, и на полтавской почтовой дороге, не особенно далеко от Харькова, беглецов настигли и благополучно водворили в семью и в гимназию»².

Другим родственником Л.И. Мечникова, который прославил их фамилию, был его младший брат, выдающийся биолог, лауреат Нобелевской премии в области физиологии и медицины Илья Ильич Мечников. Личность его настолько известна, что нет необходимости представлять в данной работе более или менее подробный очерк его жизни, тем более что специальных исследований о нем написано вполне достаточно.

¹ Аксентьев С. Т. Маяки Леонтия Спафарьева // Север. 2006. № 11 – 12. С. 16.

² Маслович Н. В. К биографии Л. И. Мечникова ... С. 999.

Младший из братьев родился уже в Панасовке. По свидетельству Ольги Мечниковой, Илья и Лев были очень дружны в детстве. После того, как Лев Ильич уехал из России, они виделись лишь однажды в Женеве. Лев в это время принимал активное участие в деятельности I Интернационала, однако его брат, познакомившись с политикой воочию, признал полное превосходство науки над ней. Вскоре и сам Лев Ильич пришел к тому же мнению.

Их старший брат Иван Ильич Мечников (1836 – 1881), сделавший карьеру по судебному ведомству, известен, к сожалению, не столько своей жизнью, сколько своей смертью. Именно он стал прообразом для знаменитого произведения Л.Н. Толстого «Смерть Ивана Ильича». Примечательно, что Лев Ильич считал, что Толстой описал его брата в искаженном свете, однако Илья Ильич, который был хорошо знаком с Толстым, напротив положительно высказывался о данном произведении¹.

Известен их дед по материнской линии Лев Николаевич Невахович (1776 – 1831), при рождении Лейб Ноах, известный писатель и еврейский просветитель. В молодости он предпринимал немало попыток с помощью литературной деятельности разрушить существовавшие барьеры между христианами и иудеями. Однако убедившись, по-видимому, в тщетности этих попыток, принял лютеранство, изменив свое имя на русифицированный вариант. Позднее он получил потомственное дворянство, и заработал немалый капитал в торгово-финансовой сфере. Не подвело его чутье и во время Польского восстания 1830 года. Спешно собрав все, что можно было с собой увезти, он с семьей выехал в Петербург. В столице отошел от дел, вернувшись к занятиям литературой.

Определенную известность получили его сыновья, дяди Льва Мечникова – Александр Львович Невахович (1819 – 1880) и Михаил Львович Невахович (1817 – 1850). Первый был драматургом, заведующим репертуарной частью Императорских театров. Как и отец, писал стихи, был творческим человеком. Современники описывали его как белокурого, слегка полноватого, но добродушного, общительного и гостеприимного человека. «Начальником

¹ Шабров А. В., Князькин И. В., Марьянович А. Т. Илья Ильич Мечников ... С. 32.

репертуара он был недолго, так как при сибаритских наклонностях пренебрегал делами и часто путал их. Но он был готов сделать для всякого все, что мог, и эта добродушная готовность ставила его нередко в неловкое положение...»¹.

Михаил был карикатуристом, издателем первого в России юмористического сборника «Ералаш». В молодости служил в кавалерии в Курляндском уланском, позднее – в Сумском гусарском, Клястицком гусарском полках². После отставки в возрасте 23 лет, вызванной слабым здоровьем, Михаил сосредоточился на выпуске своего журнала, бывшего в те годы очень популярным, но успел опубликовать лишь 16 номеров. Друзья вспоминали о нем, как о человеке талантливом, разностороннем, способном поддерживать веселый дух в любой кампании: «Речь его была непрерывная импровизация, живая и увлекательная. [...] Ум изумительно гибок, эпиграммы злы, как и его карандаш. Но ошибается тот, кто думает, что сердце его было полно желчи и недоброжелательства [...]. Многочисленные друзья покойного все могут свидетельствовать о его добродушии, незлопамятности и всегдашней готовности всеми силами оказать помощь ближнему. Эти душевные качества, не меньше его ума, заставляли любить его и сослуживцев и людей, которые успели узнать его благородное сердце»³. Известно, что во время жизни в Петербурге Лев Ильич, будучи ребенком, проводил немало времени со своим дядей, и весьма вероятно, что именно он зародил в мальчике любовь к живописи. Михаил рано ушел из жизни, в возрасте всего 33 лет. Он был похоронен в Одессе, куда незадолго до смерти отправился для лечения.

Так случилось, что этот замечательный человек сыграл очень важную роль в жизни Мечниковых. Во время своей воинской службы Михаил подружился с Ильей Ивановичем Мечниковым (1810 – 1878), которого позднее познакомил со своей сестрой Эмилией Львовной Невахович (1814 – 1879), будущей Мечниковой⁴. Случилось это, предположительно в 1833 году в Петербурге, уже

¹ Зотов В. Р. Петербург в сороковых годах // Исторический вестник. 1890. Т. 40. С. 104.

² Лонгинов М. Н. Некролог // Современник. 1850. Т. 23. С. 207.

³ Там же. С. 208.

⁴ Шабров А. В., Князькин И. В., Марьянович А. Т. Илья Ильич Мечников ... С. 22.

после смерти ее отца Л.Н. Неваховича. Невеста была молода, красива, обладала солидным наследством и могла самостоятельно распоряжаться своей судьбой. Жених был под стать невесте. Молодой гвардейский офицер из старинного, по российским меркам, дворянского рода. Он обладал красивой внешностью с характерными молдавскими чертами, о чем свидетельствует сохранившийся портрет времен его молодости. Что же касается описания его характера, то для этого очень точно подходит термин «эпикурец», подобранный Ольгой Мечниковой.

Илья Иванович был умным, жизнерадостным человеком. Он любил праздную столичную жизнь. Будучи гвардейцем, проводил много времени в веселых застольях, и был азартным игроком. Последнее обстоятельство привело к тому, что вслед за своим капиталом он достаточно быстро растратил приданое своей супруги. Поэтому, к своему огорчению, примерно в 1843 г. был вынужден выйти в отставку и покинуть столицу, чтобы переселиться в родовое имение Панасовку под Харьковом, являвшееся, по-видимому, наследием молдавских предков.

Впрочем, имение было довольно скромным. Обычная малороссийская деревня, кругом степь, и лишь небольшой пруд на окраине села. Никакой усадьбы в деревне не было. Жить поначалу пришлось в старом небольшом доме. Хотя и новый, отстроенный позднее, из-за недостатка средств был довольно скромным. Так как охотничьих угодий по соседству не было, и заняться в деревне было особенно нечем, Илья Иванович находил развлечение во все тех же карточных играх, но теперь уже не столь затратных, в коневодстве, а также в пополнении стола и погреба различными яствами и напитками, количество которых приятно удивляло гостей¹. Впрочем, «эпикурейский» характер новоявленного помещика проявлялся не только в любви к размеренному и безмятежному образу жизни, но и в гуманном, порядочном отношении к крепостным, которые, увы, еще не были освобождены в России. Уже в Харьковской губернии Илья Иванович некоторое время служил ремонтером двух гвардейских полков, ведая закупкой лошадей.

¹ Jud. P. Leon Metchnikoff. Ein russischer Geograph in der Schweiz ... P. 13.

Вместе с супругами Мечниковыми в Панасовку из Петербурга уехал Дмитрий – младший брат Ивана Ильича, и тетка Эмилии Львовны. Дочь Катю родители также увезли в деревню, а братья Иван и Лев остались в Петербурге в пансионе для мальчиков¹. Вероятно одним из немногих родственников, оставшихся в Петербурге, для Льва был его дядя Михаил, с которым он проводил немало времени. В августе 1850 г. Лев, как и его старший брат, стал воспитанником Училища правоведения, которое перед рождеством посетил император Николай I, о чем юный Мечников с восторгом писал домой². Однако в конце 1851 у мальчика был обнаружен коксит тазобедренного сустава, вызванного, по-видимому, туберкулезом кости. Последствия этого заболевания мучили его всю жизнь. По настоянию врачей он был вынужден покинуть столицу с ее холодным и сырым климатом, и переехать в село к родителям. В деревню мальчика привез дядя Дмитрий специально для этой цели направленный в Петербург.

Действительно, мягкий украинский климат благотворно повлиял на его здоровье, и вскоре наступила ремиссия. Летом следующего года он занимался с репетиторами, и через некоторое время поступил во 2-ю харьковскую гимназию. Знания давались Мечникову легко, его талант с детства не вызывал ни у кого сомнений. Однако активный, необузданный его характер, проявлявшийся в тяге к приключениям и различным подвигам, приносил родителям и ему самому множество неприятностей. Так, многие биографы часто описывают побег Мечникова «на войну» в осажденный Севастополь³.

Версия побега в Севастополь, по-видимому, не вполне соответствует действительности. Если верить Н.В. Масловичу, данный эпизод произошел

¹ Шабров А. В., Князькин И. В., Марьянович А. Т. Илья Ильич Мечников ... С. 28.

² Евдокимов В. И. Предисловие ... С. 6.

³ Jud. P. Leon Metchnikoff. Ein russischer Geograph in der Schweiz ... P. 14; Карташева К. С. Дороги Льва Мечникова ... С. 8; Шабров А. В., Князькин И. В., Марьянович А. Т. Илья Ильич Мечников ... С. 33; Reclus É. Préface ... P. 6; Виктор Н. Бакунин в Италии в 1864 году ... С. 809.

раньше, еще в 1853 году, за год до начала обороны, и был связан с притязаниями юного Мечникова на молдавский престол, о чем упоминалось выше¹.

Позднее с Мечниковым произошел еще один инцидент, который мог закончиться трагедией: «Помню я еще следующий эпизод из нашего гимназического времени, характеризующий пылкого юношу Льва Мечникова. У одного из наших педагогов была хорошенькая дочь, лет 15-ти [...] Раз во время большой перемены, товарищ наш Янц-вич подтрунил над Мечниковым, намекая на его ухаживание за барышней; это взорвало Мечникова, он отозвал Янц-вича в сторону и горячо с ним объяснился. На другой день (праздничный) явились ко мне Мечников, Янц-вич и еще третий наш товарищ Б-ов. Мы заперлись в моей комнате, точно заговорщики. Дело было в следующем. Мечников просил меня быть его секундантом, объяснив, что он вызвал Янц-вича на дуэль, и что у последнего секундантом будет Б-ов. Все они просили меня дать им мои пистолеты. [...] Пули не оказалось, пришлось зарядить крупной заячьей дробью, дробин по 6 – 7 на заряд. Отправились мы на место поединка в часть сада, называемую «Швейцарией», где действительно редко попадались тогда гуляющие. Поединок окончился довольно счастливо: Мечников дал промах, а выстрел Янц-вича одною дробиною задел правую руку, выше локтя, Мечникова: дробина причинила ссадину, причем, однако, показалась кровь. Сделали перевязку носовым платком. Соперники помирились, и мы разъехались по домам. На другой день Лев Мечников пришел в класс с подвязанною рукой. На вопрос начальства объяснил, что ушиб руку при падении. Это показалось вполне правдоподобным, так как Лев Мечников страдал большим физическим недостатком: правая его нога была значительно короче левой, и он сильно хромотал...»².

Ольга Мечникова также описывала это время: «В 1853 году на каникулы в качестве учителя Левы приехал студент-медик Годунов. Он занимался толково и добросовестно, стараясь не только учить, но развивать ученика, внушать ему

¹ Маслов Н. В. К биографии Л. И. Мечникова ... С. 999.

² Там же. С. 999-1000.

любовь к науке. [...] Лев был чрезвычайно талантлив и работал с большой легкостью, но был рассеян, а, следовательно, невнимателен. Это несколько разочаровывало его наставника. Напротив он со все большим и большим участием относился к маленькому Илье. Сближение между ними происходило во время общих прогулок. Годунов проводил для Льва экскурсии по изучению местной флоры. Илье сначала просто сопровождал их, но вскоре он заинтересовался растениями и проявил такой интерес к ботанике, что вскоре привлек к себе внимание Годунова»¹. Возможно, именно эти занятия предопределили будущее знаменитого биолога.

Лев Ильич же готовился к поступлению на медицинский факультет Харьковского университета, куда был зачислен в 1855 году. Однако проучился он там недолго. Уже в следующем году по настоянию родителей, он был вынужден оставить учебу. Их опасения, вероятно, были вызваны участием Мечникова в «литературном кружке». Известно, что в это время в Харьковском университете было создано «Харьковско-Киевское тайное общество», которое возглавляли Я.Н. Бекман, М.Д. Муравский, и П.С. Ефименко. Члены общества даже связались с А.И. Герценом с целью распространения его изданий. А уже в 1858 г. в Харьковском университете прошли первые в России студенческие волнения.

Мечников был вынужден уехать в Петербург, чтобы продолжить учебу в Медико-хирургической академии, но, к изумлению родных, он записался еще в Академию художеств и на факультет восточных языков Петербургского университета². В это время впервые, пожалуй, проявился талант Мечникова к языкам, однако и здесь он не задержался надолго. В 1858 г., благодаря своим знаниям и помощи родственников Ковалевских, он получил должность переводчика в дипломатической миссии к святым местам генерала Б.П. Мансурова. Целью миссии было обустройство подворий для русских паломников, а также поиск подходящего для покупки участка земли неподалеку от храма

¹ Цит. по: Jud. P. Leon Metchnikoff. Ein russischer Geograph in der Schweiz ... P. 14.

² Шабров А. В., Князькин И. В., Марьянович А. Т. Илье Ильич Мечников ... С. 35.

Гроба Господня, и подготовка к визиту великого князя Константина Николаевича в Иерусалим.

Однако и этот раз умение Мечникова находить неприятности дало о себе знать. В свободное от службы переводчика время он рисовал карикатуры на членов миссии, однажды одна из карикатур попала в руки Мансурова. Разгорелся скандал, Мечников вызвал доносчика на дуэль, и после был уволен. В 1859 г. он вернулся в Россию, сдал экзамены на физико-математическом факультете Петербургского университета, и получил право представления диссертации на соискание ученой степени, о чем свидетельствует сохранившийся диплом: «Дано сие свидетельство Совета Императорского С.Петербургского Университета, за надлежащею подписью и приложением казенной печати, дворянину Льву Ильичу, сыну Мечникову, в том, что он, на правах вольно-слушающего, прослушал лекции сего Университета по физико-математическому Факультету, по отделу Естественных наук, и на окончательном экзамене оказал успехи: из Математики, Физики, Зоологии и Сравнительной Анатомии отличные (5); из Ботаники, Астрономии и Физиологии хорошие (4); из Гистологии, Технологии и Сельского хозяйства достаточные (3). Вследствие чего представляется ему, Мечникову, право на представление им же ученой диссертации, законом положенной для утверждения его в звании Кандидата Естественных наук сего университета. С.Петербург. – Апреля 12-го дня 1859 года»¹. Однако карьера ученого явно не входила в его планы, по крайней мере, в то время.

A2 Эмиграция в Италию

Вскоре Л.И. Мечников получил место торгового агента Русского общества пароходства и торговли, которое могло удовлетворить его врожденную тягу к путешествиям, и жажду новых впечатлений. Основными местами его плаваний были Средиземное море и Дунай. Бывал он также в Бейруте и Галаце, но вскоре и это занятие перестало быть для него интересным. Последним местом его пребывания на Востоке был Константинополь, из которого он отплыл в Венецию,

¹ ГАРФ. Ф. 6753. Оп. 1. Д. 18. Л. 2.

чтобы исполнить свою давнюю мечту – стать художником. Элизе Реклю писал по этому поводу: «Без паспорта и почти без гроша в кармане, он отправился в Венецию, чтобы продолжить занятия живописью, те, которые на протяжении всей своей жизни продолжал с большой страстью и энтузиазмом, смешанным с отчаянием...»¹, но занятие, которое он в действительности нашел, было далеким от живописи.

Дело в том, что во второй половине XIX века Италия переживала время объединения, а год приезда Мечникова в Италию совпал с одним из ключевых событий этого процесса. 11 мая 1860 года Д. Гарибальди вместе со своей знаменитой «тысячей» добровольцев высадился в Марсале на Сицилии², и вскоре захватил крупнейший сицилийский город Палермо, входивший в то время в Королевство Обеих Сицилий. На стороне противника, неаполитанского короля Франческо II, было более чем десятикратное преимущество в количестве войск, артиллерии, судов и ресурсов. На стороне Гарибальди были лишь поддержка местного населения, уставшего от тирании монарха, и сочувствие всех угнетенных Италии, но для победы это было гораздо важнее. Сам Гарибальди писал об этих событиях: «Жители Марсалы [...] приняли нас довольно радушно. Народ ликовал. Толстосумы держались в стороне. Я находил это вполне естественным. Тот, кто привык все исчислять в процентах, не может, конечно, спокойно видеть отчаявшихся людей, стремящихся уничтожить язву привилегий и лжи, разъедающую развращенное общество, чтобы облагородить его. Особенно, когда горстка смельчаков без пушек и бронебойного оружия идет против такой силы, как Бурбоны, считавшейся непобедимой. [...] Бедный народ встретил нас ликуя и с нескрываемой любовью. Он думал только о святости жертвы, о благородном порыве кучки отважных юношей, пришедших издалека на помощь своим»³.

Л.И. Мечников оставил ценные воспоминания об организации этого войска. На протяжении всего времени гарибальдийская армия сохраняла добровольческий

¹ Reclus É. Préface ... P. 7.

² Гарибальди Д. Мемуары. М., 1966. С. 261.

³ Там же. С. 261-262.

принцип комплектования, однако первая «Тысяча» состояла не просто из добровольцев, но из единомышленников. Это были люди, всем сердцем преданные делу объединения Италии и лично Гарибальди. Ни знаков различия, ни знамени, ни какой бы то ни было дисциплины или правильной организации они не имели. Не существовало полных списков всех рекрутов, как не было и принудительного способа удерживать солдат. Офицеры же вовсе обладали полной свободой передвижения¹.

В гарибальдийском войске были представители различных народов, многие из которых даже не говорили на итальянском языке. Среди гарибальдийцев были как простые пастухи и крестьяне, так и члены самых богатых и знаменитых итальянских семей, однако своим званием и повышением по службе каждый был обязан только личным заслугам. В этом войске, как писал Мечников, юношей было многократно больше, чем опытных воинов, а некоторые из солдат были немногим старше четырнадцати лет². Однако, несмотря на видимое отсутствие дисциплины, случаи краж или мародерства были единичны, а каждый виновный в них нес жестокое наказание: мародеров в войске Гарибальди расстреливали³. Это обстоятельство выгодно отличало гарибальдийцев от их противников, что во многом обеспечивало им поддержку местного населения.

Сам же Джузеппе Гарибальди был настоящим патриотом Италии и человеком глубоких нравственных принципов. Вся его жизнь свидетельствует о том, что ни деньги, ни власть, ни высокое положение в обществе не были его целью. Он родился в семье небольшого судовладельца, и в детстве не знал нужды. Его горести и страдания были связаны с теми страданиями, которые испытывал весь итальянский народ, разделенный и находившийся под властью чужаков.

В 26 лет он вступил в общество «Молодая Италия», которое вело борьбу за освобождение и объединение Италии. Свой путь борьбы он начал, как сторонник Д. Мадзини, однако впоследствии их пути разошлись. Гарибальди участвовал в заговоре 1834 года окончившемся неудачей, после чего был вынужден на многие

¹ Мечников Л. И. Записки Гарибальдийца ... № 36. С 113.

² Там же. С 114.

³ Там же. С 117.

годы покинуть Италию. Принимал участие в революции 1848 года, которая также закончилась неудачей, но стала одной из вех всего национально-освободительного движения в Италии. Это, в свою очередь, привело к тому, что поход «Тысячи» Гарибальди стал возможен.

После первых успехов «Тысячи», в Италии развернулось масштабное волонтерское движение. Разумеется, Мечников в силу своего характера и убеждений не мог остаться в стороне от этих событий. В помощь Гарибальди он затеял создать Славянский легион, но попал в поле зрения австрийской полиции, и предупрежденный друзьями об опасности, был вынужден бежать во Флоренцию¹.

В «Записках гарибальдийца» Мечников вспоминал об этом времени: «Вскоре после взятия Палермо, когда Гарибальди явно проявил намерение продолжать блистательно начатое предприятие, во всей Италии стали собирать волонтеров, из которых образовались три бригады: две в Генуе и одна во Флоренции»². Флорентийской бригадой командовал Джованни Никотера, к нему на службу и поступил лейтенант Мечников.

Известно, что первоначально Никотера планировал совершить поход на Рим, однако по прибытии его отряда в Ливорно властям удалось их разоружить. Было 31 августа, когда это случилось: «Решено было на утро, обезоружив нас, препроводить в Палермо в распоряжение диктатора³»⁴. Однако автор записок не был опечален этим событием, и с энтузиазмом воспринял новость об их направлении к Гарибальди. На следующий день большая часть экспедиции была отправлена в Палермо пароходами «Феб» и «Гарибальди». Мечников был вынужден задержаться и отплыл на паруснике S.Nicola.

Тем временем гарибальдийцы уже заняли Палермо, а 20 июля они с моря и суши одновременно атаковали Милаццо и после упорного боя заняли его. Сицилия оказалась полностью очищенной от власти Неаполитанского короля.

¹ Евдокимов В. И. Предисловие ... С 10.

² Мечников Л. И. Записки Гарибальдийца ... № 35. С. 134.

³ Под диктатором имеется в виду Д. Гарибальди.

⁴ Мечников Л. И. Записки Гарибальдийца ... № 35. С 139.

Наконец, 19 августа гарибальдийцы высадились на материке близ Реджио, где находились форты войск Бурбонов. Под покровом ночи форты были атакованы с тыла, отрезаны от линий снабжения, и вскоре сдались на милость атакующих. Гарибальди вспоминал об этих событиях: «Результаты боев под Реджио имели величайшее значение. Форты вскоре сдались без всякого сопротивления. Мы завладели колоссальными военными запасами, провиантом и чрезвычайно важной базой для наземных операций. На другое утро мы преследовали корпус Гио, который через день сдался, оставив в наших руках много мелкого оружия и несколько полевых батарей. Затем сдались все форты, господствовавшие над Мессинским проливом, включая Шилла»¹.

В Палермо Мечников прибыл поздней ночью. В городе еще не был окончательно наведен порядок после штурма, и не все баррикады были расчищены. В тот же вечер он явился к коменданту города. А на следующий день их отряд направили в Сапри на пароходе «Vittoria», после чего они были перенаправлены в Салерно.

Следующим утром их ждало радостное известие. Едва рассвело, к ним подплыл британский пароход, шедший встречным курсом. «Да здравствует Италия» – воскликнули англичане, «Бурбоны очистили Неаполь, там ждут Гарибальди»².

Еще в пути их застиг приказ отправляться в Неаполь, куда они и прибыли в тот же день. «Это было 7 сентября. Утром того же дня Гарибальди один приехал в Неаполь, безоружный, и был встречен неистовыми изъявлениями восторга»³. Воспоминание об этом событии оставил и сам Гарибальди: «Вступление в эту великую столицу казалось скорее чудом, чем реальностью. В сопровождении нескольких адъютантов я прошел мимо рядов бурбонских войск, еще владевших городом, взявших при моем появлении «на караул» с большим, несомненно, уважением, нежели они это делали тогда перед своими генералами»⁴. Сам же

¹ Гарибальди Д. Мемуары ... С. 289-290.

² Мечников Л. И. Записки Гарибальдийца ... № 35. С. 148.

³ Там же. С. 148.

⁴ Гарибальди Д. Мемуары ... С. 291.

неаполитанский король накануне бежал из своей столицы в крепость Капуя, оставив в городе восьмитысячный гарнизон. Последний, впрочем, не обнаружил ни сил, ни желания вести сопротивление, чему, конечно, способствовало и полумиллионное население, которое с восторгом встречало гарибальдийцев, и которое могло поднять восстание, если бы гарнизон вздумал оказать сопротивление¹. Однако сдаваться Франческо II не желал, поэтому все постепенно шло к решающему сражению.

В Неаполе был образован штаб Гарибальди, он находился в Palazzo d'Angri. Сам Гарибальди жил в здании штаба, там же жили или просто обедали другие генералы и офицеры гарибальдийской армии. Туда должен был явиться к полковнику Миссори и Мечников перед отправкой в штаб 1-й линии, к которому он был приписан. Полковника, однако, в тот день не оказалось, и на следующие утро Мечников отправился поездом в Санта Мария, где находилась первая линия обороны. Вечером того же дня он явился в штаб, командиром которого был Мильбиц, герой революции 1848 года. Мильбиц вместе с офицерами в это время ужинал. Приглашение к столу, которое здесь давалось раз и навсегда, получил от генерала и вновь прибывший лейтенант. «Вам здесь будет работа, сказал он, увидев меня: нам нужно укрепиться, а офицеров, знакомых с этим делом, совершенно нет»².

Так началась боевая служба Мечникова. В его обязанности, как и всех офицеров, входило проведение патрулей и разъездов, при проведении одного из которых Мечников едва не погиб. Во время очередного конного объезда группа, в которой он находился, столкнулась с неприятелем. Завязался бой, и противник, не ждавший нападения, был вынужден бежать. «Я был уже на половине возвышения, как вдруг какая-то фигура, неизвестно откуда взявшаяся, повисла у меня на поводьях. «Во имя короля, сдавайтесь!» закричал нападавший задыхающимся голосом. Сабли наши скрестились в воздухе. С минуту мы неистово колотили их

¹ Подобное случилось во время штурма Палермо. Местные жители подняли восстание и всеми возможными способами мешали неаполитанским войскам вести оборону города. Такое явление встречалось за время войны неоднократно, что указывает на крайне дружелюбное отношение местных жителей к гарибальдийцам.

² Мечников Л. И. Записки Гарибальдийца ... № 35. С. 156.

одну о другую. Я не мог видеть своего противника; он был защищен шеей моей лошади, которую крепко держал за поводья. Между тем, последние из нашего отряда мчались мимо меня. Один из них подоспел ко мне на выручку. Противник мой выпустил поводья и выступил несколько вперед, так что очутился почти у моей левой ноги. Пока я успел выхватить револьвер, он выстрелил, и пуля прожужжала у самого моего уха. Мой выстрел был удачнее. Когда рассеялся дым, противника передо мною не было»¹. Отряд гарибальдийцев сумел взять пленного и захватить артиллерийский передок. Сам же Мечников был легко ранен в бедро.

Главным же поручением Мечникова было руководство работами по укреплению одного из участков обороны возле Санта Мария. Требовалось отрыть траншеи, насыпать оборонительный вал, разместить и укрепить артиллерийскую батарею. Увы, подробной карты Санта Мария и его окрестностей у гарибальдийцев не было, поэтому план строительства оборонительных сооружений Мечникову пришлось разрабатывать, полагаясь на визуальные ориентиры, на местности.

Неожиданно возникла другая проблема. Ни за плату, ни без нее никто из местных жителей не хотел идти на земляные работы. Горожане до такой степени были запуганы, что с ужасом опасались возвращения и возмездия неаполитанцев. Собственных сил на необходимую работу не хватало. Поступил даже приказ, если взрослые жители и за двойную плату не согласятся идти на работы, их следует приводить силой оружия. К счастью, ситуация благополучно разрешилась. Во второй половине дня, когда работы только начинали налаживаться, издалека показалась колонна². Предводитель ее, Доменико-Флокко Абруццез, объяснил, что он подрядчик, и его работники занимаются строительством путей сообщения. Узнав о проблеме гарибальдийцев, он решил помочь им своими рабочими. С собою они принесли строительный инструмент, которого не хватало. Всего набралось порядка девяноста работников, и дело наладилось. Первым делом были отрыты траншеи, первая от амфитеатра до каменной арки, под которой была

¹ Мечников Л. И. Записки Гарибальдийца ... № 35. С. 178.

² Там же. С. 161.

организованна батарея, вторая вдоль жилых домов до железной дороги, где находилась батарея бельгийцев. Перед траншеями был насыпан оборонительный вал, и вкопаны заостренные колья, которые должны были помочь в борьбе с неаполитанской кавалерией. Дополнительную сложность в проведении работ приносил непрекращающийся огонь, который вел противник по позициям гарибальдийцев. К счастью, большое расстояние, разделявшее противников, не позволяло вести прицельную стрельбу, и никто из добровольцев во время работ не погиб, хотя некоторые из них получили легкие ранения¹. Помимо укрепления собственных позиций, Мечников с десятком рабочих перерыл тропинки, ведущие к их позиции, чтобы неприятель не мог протащить там орудия. Были расставлены рогадины, чтобы задержать противника во время атаки. Когда работы близились к завершению, осмотреть позиции приехал сам Гарибальди. «Гарибальди шел впереди группы офицеров. Он был в своем повседневном костюме. Полинялая красная рубаша, узкие серые панталоны [...] и худые нечищенные сапоги. Венгерская черная шляпа была надвинута на самые брови. Видно было, что он не в духе»².

Работа эта была важна, поскольку местность, на которой гарибальдийцам предстояло обороняться, была открытой, без естественных укрытий. Из защитных сооружений были только жилые дома, заборы и постройки на окраине города. Но эта позиция находилась почти в центре линии обороны, и ее прорыв мог обеспечить противнику доступ в тыл гарибальдийцев. Примечательно, что сам Гарибальди оставил воспоминания об этом месте: «Самой уязвимой была наша позиция у Санта Мария, находившаяся на равнине, с немногими оборонными укреплениями, сооруженными нами в несколько дней. Они были легко доступны для многочисленной неприятельской кавалерии, а также артиллерии, более многочисленной и лучше оснащенной, чем наша. Мы заняли Санта Мария из уважения к ее славному населению, проявившему некоторые либеральные

¹ Мечников Л. И. Записки Гарибальдийца ... № 35. С. 161.

² Там же. С. 162.

устремления при отступлении бурбонцев, а теперь трепетавшему при мысли увидеть вновь своих старых властелинов...»¹.

С приближением октября неприятельские бомбардировки происходили все чаще. Однако благодаря проведенным работам, число пострадавших было минимальным. Всё позволяло судить о том, что враг готовится к наступлению. Прогнозы о предстоящей неприятельской атаке оправдались. 1 октября 1860 противник перешел в наступление. Началась битва при Вольтурно. Положение по всему фронту было сложное, но наиболее тяжелая ситуация складывалась на участке возле Санта Мария, где находился в это время Мечников. Учитывая сложившуюся обстановку, Гарибальди в три часа дня отправился в Санта Мария, чтобы лично возглавить оборону.

Мечников был на острие атаки неприятеля. Вспоминая об этих событиях, он писал, что день выдался не по-осеннему жарким и безветренным. Дым заволакивал все пространство вокруг и стелился по земле. К счастью оказалось, что расположение батареи было выбрано удачно, гарибальдийские канониры стреляли метко, быстро подавляя вражескую артиллерию².

К полудню прозвучала команда: «В штыки!», прогремели залпы картечи. Батальон повел в атаку полковник Порчелли, враг дрогнул и начал отступать. После успешной атаки батальон вернулся на исходную позицию, захватив с собою несколько трофеев. «Впереди шли два бурбонских артиллериста [...] За ними человек двенадцать тащили 16-фунтовое нарезное орудие, в которое была впряжена верховая лошадь. [...] Вся верхняя часть дула была изборозжена картечью и забрызгана кровью; над затравкой [...] старый пьемонтец целил метко»³.

Однако положение гарибальдийцев не становилось лучше. Оправившись от первой неудачи, противник вновь перешел в наступление еще большими силами. Атаку возглавлял кавалерийский полк королевы и эскадрон гусар. В это время от случайно упавшей искры воспламенились заряды к орудиям. Мильбиц и

¹ Гарибальди Д. Мемуары ... С. 297.

² Мечников Л. И. Записки Гарибальдийца ... № 35. С. 181.

³ Там же. С. 183.

Мечников были осыпаны искрами, и упали на землю. Однако артиллеристы не растерялись, и последним зарядом отправили гранату в самый центр колонны. Взрыв опустошил ряды наступающих, и эскадрон гусар в беспорядке обратился в бегство¹.

Наступил решающий момент битвы. «В ту самую минуту, когда я подъезжал к батарее, там случился один из тех кризисов, которыми часто решается судьба сражений. На этот раз он был не в нашу пользу. Истощенные жаждой и усталостью две роты, удерживавшие натиск кавалерии, пошатнулись и в беспорядке побежали. Уже слышался топот, крик и бряцанье, уже ясно можно было различить усатые рожи драгун королевы, которые летели на нас, и гнали по пятам убежавших. Минута, и все бы пропало.

«Гарибальди, Гарибальди!» И калатафимский герой словно с неба свалился в это мгновение. Присутствие любимого вождя вдохновило всех. «Alla baionnelta! Viva l'Italia!» и все, кто мог еще стоять на ногах, выбежали из батареи, несмотря на град пуль, ядра, свиставшие и рассекавшие воздух по всем направлениям. Мильбиц, раненый в ногу осколком гранаты, прихрамывая, ходил между рядами. Гарибальди, как заколдованный, был спокоен и невредим среди всеобщего движения. Вдруг меня осыпало искрами и песком; будто миллионы булавок вонзились в тело, потемнело в глазах, и я грянулся оземь»². К пяти часам дня, как писал Гарибальди, бой закончился, и он телеграфировал в Неаполь: «Победа по всему фронту!»³.

Завершилось крупнейшее сражение этой войны. В ноябре пала Капуя, и Франциск II бежал в крепость Гаэта. Наконец, 13 февраля 1861 года капитулировала и эта последняя крепость. Однако ни Мечников, ни Гарибальди в этих событиях участия уже не принимали. Первый из них находился на излечении, в котором принял участие сам Александр Дюма. Гарибальди же

¹ Мечников Л. И. Записки Гарибальдийца ... № 35. С. 185.

² Там же. С. 188-189.

³ Гарибальди Д. Мемуары ... С. 300.

отправился на остров Капрера, где поселился на маленькой ферме и большую часть времени вел уединенный образ жизни¹.

Два года спустя он предпринял попытку вместе с добровольцами захватить Рим, Увы, эта попытка не увенчалась успехом. В 1866 году Гарибальди командовал итальянскими волонтерами во время Австро-пруско-итальянской войны. В 1867 году он предпринял очередную попытку захватить Рим, но вновь неудачно, Гарибальди был отправлен в ссылку на Капреру, где к нему была приставлена стража. Последний раз он принимал участие в боевых действиях в 1870 году во время Франко-прусской войны. Главой объединенной Италии был провозглашен Виктор Эммануил II. На все требования Гарибальди включить Южную армию² в состав национальной армии было отвечено отказом.

После ранения Мечников некоторое время сотрудничал с газетой L'Indipendente (Независимая)³, которую издавал Александр Дюма с 11 октября 1860 по 1864 г. Газета, инициатором создания которой был сам Гарибальди, фактически являлась печатным органом гарибальдийцев: «Он взял ручку, бумагу и написал: Газета, которую будет издавать мой друг Дюма, будет нести красивое название «Независимая», и она тем больше заслужит это название, когда первой покарает меня, если я отступлюсь от долга перед моим народом...»⁴.

Газета не только подробно освещала ход военной кампании, но также рассказывала о других итальянских и зарубежных новостях. Неудивительно, что раненый гарибальдийский офицер Мечников, свидетель последних событий, заинтересовал Дюма.

Однако уже вскоре Мечников переселился в Сиену, и написал «Записки гарибальдийца», опубликованные в «Русском вестнике». В это же время он стал членом Сиенского комитета за объединение Италии, однако активного участия в

¹ Мечников Л. И. Капрера // Современник. 1862. № 3

² То есть армию Гарибальди.

³ Карташева К. С. Дороги Льва Мечникова ... С. 14.

⁴ L'Indipendente. 1860. 11 Ottobre. № 1 С. 1.

его работе не принимал: «О деятельности этих комитетов¹ можно бы было сказать очень много, но только не здесь, так как сиенский не принадлежал к их числу [...]

Как и следовало ожидать от города, в котором так мало развита умственная жизнь, комитет этот существует больше для формы, нежели для чего-либо другого. Нельзя же в самом деле итальянскому городу оставаться без комитета»². Иначе Мечников относился к местному отделению «Ремесленного братства», которое, как он считал, должно было способствовать промышленному развитию Италии и улучшению жизни трудящихся³.

В 1862 году Мечников вступил в переписку с Н.Г. Чернышевским. Одно из первых его писем было отправлено 20/8 июня из Ливорно, куда он ненадолго переселился: «Препровождаю при этом первую часть биографии Мадзини, Следующую пошлю непременно к августовской книжке журнала. В настоящее время я в Ливорно, но надолго ли, не знаю. Прошу покорнейше все письма и посылки адресовать моему корреспонденту в Сиену – Sr Emilio Genovesi in Via del Diceotto Casa Tiberi для передачи мне (Leone M). Надеюсь, что не буду вынужден совсем оставить Италию. Надеюсь также, что редакция исполнит мою просьбу насчет высылки денег. Мне весьма неприятно было беспокоить ее, но в настоящем моем положении я не мог избежать этого. С совершеннейшим уважением и преданностью готовый к услугам Л. Мечников»⁴. При чтении писем Мечникова Чернышевскому, как и редакторам многих других журналов, некоторое недоумение вызывает то, как много внимания Мечников уделял вопросу оплаты труда. Впрочем, в этом нет ничего удивительного, если вспомнить в каком бедственном положении он находился. Нужда и голод не покидали его большую часть жизни в эмиграции, и весьма вероятно раньше возможного срока свели его в могилу.

¹ Подобные «Comitato dell'Unità Italiana» (Комитет за объединение Италии) существовали во всех крупных итальянских городах. Несмотря на их нелегальный статус, они играли важную роль в процессе, называемом Рисорджименто, то есть национальном объединении и освобождении Италии.

² Мечников Л. И. Из Италии // Современник. 1862. № 2. С. 211.

³ Там же. С. 207.

⁴ Процесс Н. Г. Чернышевского ... С. 64.

Второе письмо было отправлено 12 июля/30 июня 1862 г. из Сиены: «Вчера получил Ваше письмо с векселем на 1000 fr. От 3 июля/21 июня. Меня удивляет, что Вы не получили моего уведомления о получении мною первой 1000, посланной Вами в апреле. Я писал об этом и на Ваше имя, и в редакцию. Suspension (приостановка) «Современника» подействовала на меня весьма неприятно во всех отношениях. К сожалению для меня, переписка сколько-нибудь интимная между нами невозможна и необходимо писать только о делах, т.е. более или менее о деньгах. Ваше доброе письмо, которое я никак не хочу считать за комплимент, дает мне право обратиться к Вам с откровенностью и искренно. Дело мое по поводу Брешии окончилось хотя и не так худо, как можно было ожидать, судя по самовластию здешних префектов и министерских чиновников с эмигрантами, тем не менее, тоже положение очень дурно. У меня отобрали редакцию «Flegello», и для личной безопасности я должен уехать из Италии, где не могу жить, не действуя. Мне, впрочем, оставлено право жить здесь и даже в Сиене, из которой меня выпроводили, было mit Skandal und Trompetten, опять выпустили для окончания дел на срок. Я, впрочем, здесь останусь, пока опять не выпроводят. Это случится, вероятно, не так еще скоро, потому что префект здешний уехал, и на его место едет новый. Тем не менее все эти тревожения расстроили мое здоровье, а всего больше кошелек. Так как от неимения денег может зависеть моя свобода (если при новой интимности я не уеду, меня запрут в тюрьму), то я прежде всего вынужден вновь просить Вас выслать мне денег, сколько сможете авансировать за находящиеся в Ваших руках статьи. Если Вы можете, Вы конечно не откажете, но можете ли Вы? ... Во всяком случае прошу Вас не медлить с ответом; я его буду ждать с большим нетерпением, как имеющий для меня слишком большое значение. Впрочем, это мера временная, и я имею сказать Вам следующее: я кажется, писал Вам о моем намерении написать ряд статей об итальянском движении с 1848г. Статьи след. :

1. Манин
2. Мадзини
3. Каганес

4. Три высадки
5. Винч. Джиоберти
6. Цезарь Бальбо
7. Кавур
8. Неаполь в 1848 г.
9. Сицилия в 1848 г.
10. Леопарди и Джиусти .
11. Тосканский триумвират
12. Южная Италия в 1862 г.

Все эти статьи должны составить одно целое, и связаны между собой одною общею мыслью: Италии нет спасенья в буржуазно-христианском мире, она должна возродиться, сродниться с новым элементом—славянским, и начать с ним универсальный союз [...] Все эти статьи я бы непременно хотел поместить в «Современнике», и очень благодарен Вам за проявленную готовность их печатать»¹.

Из письма Чернышевскому можно узнать о газете «Flegello», которую Мечников издавал в Сиене, однако более подробной информации о ней найти не удалось. Кроме того, архив данного издания, по-видимому, также был потерян. Это же письмо позволяет узнать о творческом замысле Мечникова, который не был реализован в полной мере. В следующем письме от 16/4 июля он извещал Чернышевского об отправке второй статьи о Мадзини, и о плане путешествия на остров Эльба. Наконец, последнее письмо он отправил из Портоферрайо 14/2 августа 1862 г. : «Месяц назад я писал Вам с большею может быть откровенностью, чем имел право. Тем не менее, я не думаю, чтобы Вы оставили поэтому без ответа мое письмо. [...] Здешние газеты молчат о La Russie. По последним известиям я узнал об аресте многих из моих прежних знакомых, так что я не знаю даже, застанет ли это мое письмо Вас там, куда я Вам его адресую. От души желаю Вам лучшей участи и всяких благополучий. Преданный Вам Л.

¹ Процесс Н. Г. Чернышевского ... С. 64-66.

Мечников»¹. К сожалению, данное письмо, как вероятно и предыдущие, уже не застало адресата. Сами же письма сохранились лишь потому, что жандармы приложили их к делу Чернышевского. Увы, вместе письмами в руки полиции попала рукопись Леона Бранди, «Братья Бандьер» и некоторые другие статьи, которые впоследствии не были опубликованы². Самого же Н.Г. Чернышевского, вопреки надеждам Мечникова, ждала печальная участь. 12 июня 1862 г. он подвергся аресту, и был заключен под стражу в Петропавловской крепости. Последующие 27 лет, почти до конца жизни, он провел в тюрьме, на каторге и, наконец, в ссылке.

Выпуск журнала «Современник» был приостановлен на несколько месяцев, и в 1863 г. вновь продолжил свою работу уже под руководством А.Н. Некрасова и М.Е. Салтыкова-Щедрина, с которыми Мечников сотрудничал и после окончательного закрытия «Современника» в 1866 г. Всего под псевдонимом Леон Бранди он опубликовал в журнале более десяти статей. Большинство из них, как и задумывалось, рассказывали читателям об Италии, ее культуре, истории, и национально-освободительном движении.

Впрочем, в Сиене Мечников занимался не только публицистической или политической деятельностью. Он все еще не расставался с надеждой посвятить себя живописи, ведь Сиена была родиной одной из самых известных в Италии школ живописи. Здесь он изучал наследие местных художников, в частности, Содомы³. Неудивительно, что после Сиены Мечников решил поселиться во Флоренции, чьи живописцы славятся во всем мире. К тому же Флоренция начала 60-х годов XIX века стала своеобразным центром русской эмиграции в Италии.

Здесь Мечников познакомился с художником Н.Н. Ге, который работал в то время над картиной «Тайная вечеря». В квартире Н.Н. Ге, гостеприимного

¹ Процесс Н. Г. Чернышевского ... С. 66.

² Литературное наследство. Н. А. Некрасов II ... С 384.

³ Джованни Антонио Бацци (Содома) – итальянский художник эпохи Возрождения.

хозяина, часто проводили вечера А.И. Герцен¹ и М.А. Бакунин, о чем оставил воспоминания художник Г.Г. Мясоедов², который был их общим другом.

Как писал сам Л.И. Мечников, группа русских во Флоренции до приезда М.А. Бакунина была относительно невелика³. Одним из них был Н.Д. Ножин. Во Флоренции он собирал материал для своего исследования по социологии, и также входил в число их общих знакомых⁴. Он был тогда еще совсем молод, однако очень любил беседы с Бакуниным, которые нередко превращались в оживленные споры. В это же время во Флоренции жил его друг поэт и писатель Н.С. Курочкин. Другим известным русским эмигрантом во Флоренции был скульптор П.П. Забелло.

В 1863 году Мечников опубликовал в «Современнике» повесть «Смелый шаг»⁵. Для нас она интересна не только в контексте творчества Мечникова, но и как важный источник сведений о самом авторе. Дело в том, что эта повесть носит в некоторой степени автобиографический характер.

Рассказ о любви Богдана Спотаренко к Елизавете Григорьевне Стретневе, по-видимому, основан на отношениях Л.И. Мечникова и О.Р. Скарятиной. На это указывают, кроме, общей схожести сюжета и реальных событий жизни Мечникова, некоторые детали. Так, фамилия главного героя Спотаренко напоминает нам о происхождении Мечниковых от их молдавского предка Спафария (Мечников калька с молдавского Spătar). А строки о родном доме Богдана «Начал он далеко от Петербурга, в одной из степных малороссийских губерний, в уезде, не помню имени, но в очень глухом уезде [...] В такой-то глуши у Богдана были родители. У родителей была деревенька или хутор, позволяющий им проживать немного...»⁶, то же можно отнести к усадьбе Мечниковых в Панасовке.

¹ Евдокимов В. И. Предисловие ... С. 12.

² Мясоедов Г. Г. Письма. Документы. Воспоминания. М. : Изобразительное искусство, 1972.

³ Мечников Л. И. Воспоминания о Бакунине в Италии в 1864 г. // Исторический вестник, 1897. № 67. С. 817.

⁴ Там же. С. 818-821.

⁵ Мечников Л. И. Смелый шаг. Повесть // Современник. 1863. № 11. С. 5.

⁶ Там же. С. 13-14.

В данном контексте очень трогательно выглядит рассказ о том, как Богдан отправился из родного уезда в Петербург: «Они и это небольшое еще ограничили, чтобы дать сыну возможность отправиться в столицу для получения в тамошнем университете наиболеющего из всевозможных образования. Кроме денежных стеснений, разлука с сыном стоила много горя и слез матери. [...] Даже отец Богдана, с белыми как снег усами и такими же губами, обыкновенно холодный и скептически суровый, был тронут.

– Прощай, Богдан! Учись. Выкинь из головы вздоры. Не забывай мать; твоё беспутство для неё хуже смерти. Пиши каждые две недели непременно. Не сори деньгами – их немного.

Он обнял его и поцеловал три раза в губы...»¹. Как мы знаем, Мечникову не суждено было вновь вернуться в родной дом.

Многое из написанного о Богдане почти не оставляет сомнений, что Мечников вспоминал о своём детстве и юности, о гимназической поре и об «удалом подвиге», после которого он был вынужден эту гимназию покинуть, о репетиторе Гренце, по описанию похожем на Годунова, и т.д.

По сюжету повести Лизанька Стретнева является женой Николая Сергеевича Стретнева, молодого, состоятельного чиновника прагматических взглядов. В этом браке Лизанька несчастлива. Она встречает молодого свободомыслящего, но небогатого художника Богдана Спотаренко и влюбляется в него. После всех перипетий она решается уйти к нему от мужа. Богдан и Лиза вместе, они бедны, но счастливы, потому, что любят друг друга.

В действительности была очень похожая история. Однако её действие происходило не в Петербурге, а во Флоренции. Ольга Ростиславовна была замужем за Владимиром Дмитриевичем Скарятиним. Муж её служил на флоте, был золотопромышленником, позднее занимался публицистической деятельностью. В молодости он придерживался умеренных либеральных взглядов, и был сторонником английского парламентаризма. Однако к 1862 году он стал убежденным сторонником крайнего консерватизма, начал издавать

¹ Мечников Л. И. Смелый шаг ... С. 14.

крепостническую газету «Весть», и не раз впоследствии выступал с критикой Герцена и «Колокола».

О.Р. Скарятинна была настолько несчастлива в браке, что даже пыталась покончить жизнь самоубийством. К счастью, этому не суждено было случиться. Об этом свидетельствует её переписка с Герценом, который оказал Ольге Ростиславовне духовную поддержку. Следует отметить, что О.Р. Скарятинна, испытывая душевный кризис, была не вполне справедлива в письмах по отношению к Герцену, он же напротив проявил себя как крайне деликатный человек. Понимая, что незнакомая женщина, которая обратилась к нему за помощью, находится на переломном этапе своей жизни, он ответил ей письмами, в которых пытался ободрить ее, и призывал не думать о самоубийстве:

«Ваша жизнь впереди – а вы хотите ее окончить. [...] Для чего же вы себя лишите жизни? Для чего покинете вашу дочь? [...] Жизнь – вещь случайная – дайте ей случайно окончиться. Речь идет не о праве человека убивать себя или нет. Этот вопрос разрешается ясно из всего воззрения моего, а вы его знаете, иначе не стали бы писать ко мне; но это поступок слабый...»¹. Герцен также отметил: «Вам надо было встретить энергию и ум – которые бы вас подавили, натуру сильную и изящную, которая бы вас вела...»² – Сложно сказать, насколько верным было его замечание про подавление, но умная и энергичная натура в жизни О.Р. Скарятинной вскоре действительно появилась.

Ольга Ростиславовна впоследствии оставила воспоминания об их первой встрече с Мечниковым: «Когда Лёва пришел к нам в первый раз... тон его был резкий, самоуверенный, даже дерзкий. [...] Он бывал у нас, и продолжал не нравиться мне. [...] Положение его было скверно и материально и нравственно. [...] Вернуться в Россию он не мог. Найти себя в Италии долго было трудно. [...] Он ходил на костылях, были еще некрепкие раны на груди. [...] Он хотел заняться живописью, которую отчаянно любил. [...] Я стала относиться к нему очень дружески с большим участием, но как старшая. Ему было 23, мне 26 и я смотрела

¹ Литературное наследство. Герцен и Огарев III ... С. 93.

² Там же. С. 94.

на него как на мальчика»¹. Но вскоре ее отношение к Мечникову заметно изменилось в лучшую сторону. Она оставила очень теплые воспоминания о своем супруге: «Речь его была блестящая и остроумная, лилась совершенно свободно. Никогда он не искал слов; о чем бы он ни говорил, в его распоряжении всегда был самый разнообразный и громадный запас выражений. Он был необыкновенно настойчив, никогда нельзя было взять его врасплох, на все и всегда у него был готов ответ. Память его была поразительна, он знал массу ответов, помнил [...] целые страницы турецких и арабских текстов. [...] Я никогда раньше не видела такой способности работать и такой сосредоточенности на своей работе. [...] Свои книги не писал начерно [...], даже не перечитывал их. [...] Ум его был глубокий, ясный, точный»².

В первом браке у Скарятиной родилась дочь Надя, которую Ольга Ростиславовна забрала с собой³. Мечников воспитывал ее, как родную, а других детей у него не было. Жили настолько бедно, что даже Герцен с тревогой отмечал это в своем письме Н.А. Огаревой: «Я с ужасом смотрю на растущую бедность Мечниковых...»⁴. В другом письме к Огареву он также с печальной иронией описывал его бедственное состояние: «Мечников всю жизнь не имел денег, и искал наперехват, – это его натуральное положение»⁵.

Вместе с тем, он, как мог, старался помочь им. Так, их дочь Надю вместе со своей дочерью Ольгой, Герцен помог устроить в пансионат Фрелиха. Но, похоже, нехватка средств печалила только самого Мечникова. Ольга Ростиславовна радовалась воцарившейся гармонии в душе и в своей семье. Поэтому винить Мечникова в разлучении жены и мужа не стоит.

Первая личная встреча Мечникова с Герценом произошла, осенью 1863 года. «Вольная русская типография», которая была основана Герценом в Лондоне, к этому времени начала испытывать трудности, в том числе финансовые. Было

¹ ГАРФ. Ф. 6753. Оп. 1. Д. 88. Л. 6-8.

² ГАРФ. Ф. 6753. Оп. 1. Д. 88. Л. 12-13.

³ Кроме дочери у Скарятиных был сын, который умер в детстве.

⁴ Литературное наследство. Герцен и Огарев III ... С. 100.

⁵ Герцен А. И. Собрание сочинений: в 30 т. М. : Изд-во АН СССР, 1964. Т. 29, кн. 2. С. 415.

принято решение найти место для типографии на континенте. Во время своей поездки по Европе Герцен на некоторое время остановился во Флоренции, где обнаружил большое число соотечественников. На приеме, устроенном в его честь, он познакомился с Л.И. Мечниковым и А.Ф. Стюартом, с которыми вел переговоры о доставке «Колокола» в Россию¹.

Вероятно, уже на этом приеме Мечников передал Герцену свою первую заметку для «Колокола». Об этом², как и о самом приеме он с оптимизмом писал Н.П. Огареву: «Боткин продавал чай – и, продавая ее, он один страшнее всей французской оппозиции правительству. Это самый популярный трибун в Флоренции. [...] Обед был очень приличен, и очень скромен – на нем был и Стюарт, он, без сомнения, глупее и тяжелее всех бывших. Трава эта – здесь уже недели три, не знает ни одного из русских, не знал, что я здесь, и если б Саша его не застал у профессора Шиффа, а Фрикен не пригласил бы участвовать в обеде, – я его бы не видал. С такими заграничными Брунновыми далеко не уедешь. Я его нарочно столкнул с Мечниковым, но он и тут мямлил и пр. Разумеется, главный интерес – это Касаткин, его слова и дела. – Я предложил два тоста: за тебя и за «Землю и волю»³. Уже вскоре Герцен вновь упомянул в письме к Огареву имя Мечникова: «Мечников поехал в Ливурну искать сбыта, и все расшевелились»⁴. Целью поездки Мечникова была организация доставки «Колокола» по морю из Италии в Одессу⁵. Вероятно, он сумел воспользоваться своими старыми контактами времен его работы в торговом агентстве. Так или иначе, свою часть работы он выполнил, о чем свидетельствует письмо Бакунина: «Тебе, Герцен, давно известно, что удалось сделать Мечникову (Льву): верная и даже безденежная доставка всего из Ливорно в Константинополь, и даже в саму Одессу. Требуют только адреса в Одессе...»⁶.

¹ Литературное наследство. А. И. Герцен II ... С. 17.

² Герцен А. И. Собрание сочинений: в 30 т. М. : Изд-во АН СССР, 1961. Т. 27, кн. 1. С. 376.

³ Там же. С. 376-376.

⁴ Там же. С. 382.

⁵ Литературное наследство. А. И. Герцен II ... С. 11.

⁶ Письма М. А. Бакунина к А. И. Герцену и Н. П. Огареву ... С. 149.

А.И. Герцен раньше других заметил талантливого публициста и будущего ученого. Из многих представителей «молодой эмиграции», которые требовали равного участия в редакции газеты, только Л.И. Мечников вызывал у Герцена симпатию. «У них нет ни связей, ни таланта, ни образования, один Мечников умеет писать»¹, отмечал он впоследствии. В сентябре 1863 года Мечников в первый раз появился на страницах «Колокола» со словами поддержки Польского восстания: «Господин издатель, Общество русских в Италии поручило мне прибегнуть посредствам Вашего журнала, чтобы протестовать против ложно патриотических чувств, заявляемых официально Россией по поводу польского восстания. Сам я пользуюсь этим случаем, чтобы вновь высказать мое живейшее сочувствие благородным деятелям польской независимости и заявить вам лично совершенное уважение и преданность»². Подписано Л. Мечников, «Точка поворота».

Для самой газеты поддержка восстания также обозначила поворот от умеренного либерализма к более радикальному социализму, что означало усиление гонений на авторов и членов редакции со стороны русских властей. Полноценное сотрудничество Мечникова с газетой началось позднее. Его первая крупная статья в «Колоколе» была опубликована в 1864 г., и называлась «Письмо к Прудону». Она положила начало ряду статей Мечникова о французском анархисте. Прямо называя Пьера Прудона «учителем», Мечников, однако, подверг критике его негативную позицию по отношению к Польскому восстанию: «Ваши похвалы русским не менее оскорбительны для нас, чем ваши неблагоклонные отзывы о Польше. Только Польша геройским фактом отвечает на ваши горькие слова, а Россия в припадке ложно патриотического *delirium tremens*³ как бы силится заслужить ваши нелестные для нее похвалы»⁴.

Любопытно, что Гарибальди также волновал польский вопрос. Как и Мечников, он был знаком с Герценом, и был его другом. Их знакомство

¹ Пирумова Н. М. Александр Герцен. М. : Мысль, 1989. С . 179.

² Мечников Л. И. Точка поворота // Колокол. 1863. 1 сентября. Л. 170.

³ Белая горячка.

⁴ Мечников Л. И. Письмо к Прудону ... Л. 185.

произошло в 1854 году в Лондоне. Они неоднократно встречались и вели переписку. Не раз Гарибальди публиковал свои открытые письма в «Колоколе». Его тревожила судьба русского народа, над которым довлел гнет царизма, и он также сочувствовал народу Польши, разделенному, находившемуся под иностранным владычеством, судьба которого была похожа на судьбу народа Италии:

«Да, Герцен, верю Вам и знаю, что народ русский несчастлив и имеет высокие стремления, как все народы, и что он неповинен ни в Виленских истязаниях, ни в Варшавских виселицах; и знаю, что и на вашей родине бродит дух воли и будущего, я помню многих офицеров, которые предпочли Сибирь и смерть преступному палачеству в Польше; святые имена Попова и Арнгольда глубоко отпечатались в памяти моей; их имена будет повторять история вместе с именами их товарищей по мученичеству. Мне кажется, что Польша, в которой бичуют женщин и вешают юношей, должна была бы возбудить сострадание народа русского, по крайней мере в той благородной части, к которой вы принадлежите, и в ней возбудить протест более торжественный чем слова. Предрассудками национальности и религии всегда пользовались власти для своих видов, ими они отравляли дружескую связь народов [...] Проповедуйте это русским, а я скажу польскому дворянству – отдайте землю крестьянам, перестаньте придавать вашей геройской борьбе характер религиозный, несовременный, отчуждающий от вас симпатии и вызывающий кровавое противодействие»¹.

Горько сознавать, что по прошествии полутора веков слова Гарибальди по-прежнему актуальны, а предрассудки, разделяющие народы мира, равно, как и «ложно патриотические чувства», о которых писал Мечников, все также служат орудием для правящего класса в его корыстных интересах.

Так вышло, что польский вопрос послужил поводом для личной встречи Мечникова с М.А. Бакуниным, которая, состоялась в 1864 году². В Италию со

¹ Мечников Л. И. Колокол. 1864. 1 февраля. Л. 178.

² Мечников Л. И. Воспоминания о Бакунине в Италии в 1864 г. ... С. 810.

своей супругой Анастасией Бакунин прибыл в январе 1864 года из Стокгольма, после кратковременного визита в Лондон¹. Основной целью его визита в Италию была попытка склонить Гарибальди к участию в Польском восстании². Значение этого восстания Бакунин видел не только в освобождении польского, но в итоге и русского народа: «Эта война была предпринята в интересе деспотизма, и никоим образом не в интересе нации русской, – ибо эти два интереса абсолютно противоположны»³, – говорил он о Польском восстании (1830).

В начале января он побывал на Капрере, и лично встретился с Гарибальди, однако, как бы тот ни хотел помочь Польше, в сложившейся обстановке раненый генерал мало что мог сделать⁴. Все же М.А. Бакунин решил провести в Италии еще некоторое время, и направился во Флоренцию. В письме к Л.И. Мечникову от 23 января он просил нанять ему недорогую квартиру⁵. Вначале никакие особенные дела их не связывали. Л.И. Мечников был частым гостем на приемах, которые устраивались в квартире Бакуниных, а также у их общих друзей и знакомых. О дружбе Л.И. Мечникова с М.А. Бакуниным свидетельствует одно любопытное воспоминание. Как-то ночью, когда Мечниковы уже легли спать, в дверь раздался настойчивый стук, с улицы раздалось: «Помогите, беда». Супруги насторожились: «Невольно приходит мысль о ночном аресте или полицейском вторжении»⁶. Но дело оказалось просто. Анастасия, насидевшись одна в темной квартире, обрадовалась возвращению мужа домой, и выбежала встречать его на улицу, не захватив ключа. Дверь захлопнулась, и Бакунин вместе с женой был вынужден идти пешком через весь город к своим друзьям. На память об этом курьезном случае супругам Мечниковым остался продавленный исполинской фигурой М.А. Бакунина диван.

¹ Пирумова Н. М. Бакунин. Сер. "Жизнь замечательных людей". М. : Молодая гвардия, 1970. С. 215.

² Там же. С. 218.

³ М. А. Бакунин. Избранные сочинения. Петербург – Москва : Голос труда, 1920. Т 3. С. 41.

⁴ Пирумова Н. М. Бакунин ... С. 221.

⁵ Мечников Л. И. Воспоминания о Бакунине в Италии в 1864 г. ... С. 810.

⁶ Там же. С. 823.

Вскоре Л.И. Мечникову стала известна истинная причина, по которой М.А. Бакунин задержался во Флоренции, и ему самому в этом деле была отведена важная роль. Однажды поздно ночью в дверь вновь постучали. На этот раз супруги предположили, что это Н.Д. Ножин, который, не посмотрев на часы, вновь решил поделиться своими открытиями. Однако на улице стоял незнакомый человек, который представился по-русски «Я Карп. [...] С письмом от Михаила Александровича Бакунина»¹. Тотчас они направились в дом Бакуниных, где выяснились некоторые обстоятельства дела. Карп оказался русским морским офицером польского происхождения, графом Сбышевским. Поскольку Гарибальди отказался напрямую участвовать в польском восстании, от него теперь хотели получить хотя бы посредничество в найме быстроходного парохода и команду моряков из числа доверенных гарибальдийцев. Предполагалось, что создание флота, пусть даже из нескольких кораблей под польским флагом в Средиземном море, поможет полякам завоевать признание европейских стран. Роль курьера и посредника в переговорах с Гарибальди отводилась в этом деле Л.И. Мечникову.

На следующее утро, снабженный поддельными паспортами, письмами к Д. Гарибальди и необходимыми средствами, он отправился поездом в Геную, затем пароходом на Капреру. Еще во время плавания его встретил майор Сгареллино, гарибальдийский офицер и моряк. Он предупредил Л.И. Мечникова о грозящем ему обыске со стороны итальянской таможни. К счастью, пронести нужные бумаги на остров согласился один из пассажиров, молодой англичанин. Пограничники быстро пропустили его, ожидая подозреваемого пассажира, «Меня же пробрали до костей»², – вспоминал Л.И. Мечников. Удача вновь ему не изменила, не раскрылся подлог с паспортом. Официальной целью визита была названа зарисовка пейзажей Капреры для русского журнала. Л.И. Мечников был на острове уже не единожды, и имел возможность познакомиться Гарибальди, но лишь после своей отставки.

¹ Мечников Л. И. Воспоминания о Бакунине в Италии в 1864 г. ... С. 824.

² Там же. С. 829.

Гарибальди после неудавшегося похода на Рим жил на этом маленьком острове вместе с сыновьями и немногими преданными ему людьми. Средства к существованию они зарабатывали исключительно собственным трудом в саду, а также охотой и рыбалкой. Во время последнего похода Д. Гарибальди был ранен в ногу, и передвигался на костылях. Он приветливо принял посланника, был уже в курсе дела, но не особенно верил в его успех. Гарибальди согласился сделать все, что было в его силах, и предложил на роль капитана уже известного майора Стареллино.

Впоследствии, однако, вышло так, что это дело полностью провалилось. Среди поляков, занимавшихся организацией дела, нашлись мошенники, деньги были украдены, а нанятый ими пароход едва держался на плаву, что поставило крест на организации флота. Сыграло свою роль в этом деле и нежелание европейских держав оказать помощь Польше. Первый нанятый пароход, о котором пришлось договариваться Л.И. Мечникову, был арестован в Гибралтаре испанским правительством¹.

Вскоре после провала этого предприятия Бакунины покинули Флоренцию. В том же году Л.И. Мечников с супругой переселились в Женеву, которая в середине 60-х годов XIX века стала своеобразным центром русской иммиграции. Со всей Европы съезжались в Швейцарию политические изгнанники, представлявшие культурную и научную элиту своих стран. Весьма вероятно, что этим вольнодумцам, равно как и давно укрепившимся принципам свободы, законности и народовластия ныне обязана Швейцария высочайшим уровнем развития.

А3 Первый Швейцарский период

В Женеве Мечников продолжил сотрудничество с «Колоколом», типография которого была перевезена туда из Лондона в 1865 г. В это время произошла встреча Герцена с «Молодой эмиграцией», к которой относились А.А. Серно-Соловьевич, Н.И. Утин, П.И. Якоби и другие. Однако предполагаемого

¹ Мечников Л. И. Воспоминания о Бакунине в Италии в 1864 г. ... С. 834.

объединения не случилось. Напротив, произошел крайне неприятный конфликт, который продолжался вплоть до самой смерти Герцена. Поводом для конфликта послужил отказ Герцена передать редакцию «Колокола» в общее управление. Мечников вспоминал об этих событиях: «Герцен, перенесши «Колокол» в Женеву, хотел привлечь к работе в нем и молодых эмигрантов. Но последние требовали, чтобы редакция газеты зависела от целой корпорации эмигрантов, которой должен был быть передан и фонд Бахметьева, и еще сумма, обеспечивающая «Колокол». Герцен, основываясь, главным образом, на том, что «Колокол» есть литературное дело, а из молодых эмигрантов мало кто доказал свои способности к литературе, не соглашался выпустить редакцию «Колокола» из своих рук, хотя обещал печатать подходящие писания эмигрантов, даже платить за них гонорар и допустить постоянных сотрудников газеты в совет редакци, но не соглашался передать газету и фонды в руки корпорации, не представляющей никаких гарантий своей умелости и прочности»¹.

Однако расхождения старой и новой эмиграции были вызваны не только финансовыми вопросами и спорами о редакции. Они носили более глубокий, идеологический характер. Данный раскол наметился намного раньше, о чем свидетельствуют разногласия между Герценом, редакцией «Современника» и лично Чернышевским. Проблема заключалась в том, что Герцен занимал более либеральную позицию. Он не терял веру в возможность коренных реформ в России, курс на которые взял царь Александр II, и надеялся, что преобразования могут быть достигнуты мирным способом, когда в умах передовой молодежи уже укрепилась идея о неизбежности революционного пути.

Даже после открытой поддержки «Колоколом» Польского восстания, он продолжал восприниматься «революционерами», как слишком либеральный, но вместе с тем стал неприемлемым для официальных властей. Герцен оказался в меньшинстве, и лишь наиболее преданные сторонники не покинули его в это

¹ Письма М. А. Бакунина к А. И. Герцену и Н. П. Огареву ... С. 530.

трудное время. На женевском съезде его поддержали В.И. Касаткин, В.Ф. Лугинин и П.С. Усов¹.

Вслед за этим последовал инцидент, связанный с «Общим фондом» – кассой созданной при редакции «Колокола» и предназначенной для выделения ссуд нуждающимся. Эмигранты, не пожелавшие зависеть от Герцена, создали собственную кассу взаимопомощи, кассиром которой был назначен Н.Я. Николадзе, а распорядителем Л.И. Мечников, что само по себе свидетельствует о доверии к Мечникову. Впрочем, Герцену и дальше приходилось заниматься вопросами помощи голодающим: «Богданову, чтоб он не умер с голода, пошлю 20 фр., но теперь-то и следует испробовать комитет Мечникова, а потому я прошу Тхоржевского сходить к нему и спросить его: α) получил ли второе письмо мое; β) разрешает ли он мне послать 20 фр. (которые я вычту из мною жертвуемых) – Богданову? Ответ Мечникова я ждать не буду. Деньги пошлю, но хочу знать»². Дела у кассы шли плохо. Это неудивительно, учитывая, что нуждавшихся среди эмигрантов было намного больше, чем людей финансово состоятельных. К тому же часть денег была утеряна по вине Николадзе. Поэтому касса просуществовала недолго, лишь до сентября 1866-го, а оставшиеся средства Мечников передал в «Общий фонд», который также был закрыт спустя полгода.³

В 1865 г. произошла встреча братьев Мечниковых в Женеве, куда Илья Ильич приехал из немецкого Гиссена. Рассказ об этой встрече можно обнаружить среди воспоминаний Ольги Мечниковой: «Братья давно не виделись. Лев много путешествовал, и часто менял место жительства. Проникновенный, творческий, импульсивный, необычайно одаренный, он не мог остановиться на выборе какой-то одной деятельности и был постоянно рассеян, это мешало ему достичь всего того, на что его богатая натура была способна. [...] Он был способным художником, и у него был настоящий литературный талант. Яркий, красивый, остроумный, в то же время полный доброты, он был настоящим волшебником. Илья был сильно привязан к нему. Он встретил брата перед географической

¹ Литературное наследство. А. И. Герцен II ... С. 22.

² Герцен А. И. Собрание сочинений: в 30 т. М. : Изд-во АН СССР, 1963. Т. 28. С. 102.

³ Литературное наследство. А. И. Герцен II ... С. 25.

картой, окруженного молодыми людьми. Обсуждалось приобретение земельного участка в Италии для социалистической коммуны, и Лев, который хорошо знал эту страну, должен был выбрать его расположение. Илья сразу же был извещен об актуальных политических проблемах. Впечатление у молодого ученого осталось неблагоприятное, так как все излагалось вкратце, при препирательстве сторон, в догматических дискуссиях, без весомых аргументов. Уже привыкший к научно-позитивному методу, он не мог удовлетвориться беспочвенными и произвольными теориями. Но на него произвел глубокое впечатление знаменитый социалистический деятель и русский писатель Александр Герцен, который находился в это время в Женеве. Молодые революционеры считали его взгляды слишком теоретизированными, слишком искусственными, потому что они сами стремились к политике активного действия. Лев Мечников был, однако, одним из его преданных последователей. Мы часто собирались у Герцена, он читал своим гостям замечательную, но еще неопубликованную рукопись «Былое и думы». Великая и могучая фигура, он внушал почтение подавляющим превосходством своего ума, своим сверкающим остроумием и благородством всего своего существа. Его личное обаяние было экстраординарным и неотразимым. Илья Мечников часто говорил, что это был человек, который оставил одно из самых глубоких впечатлений его жизни. Но, как политик, он не имел в его глазах такого же престижа. Это пребывание в революционном центре его сильно заинтересовало, но лишь укрепило его убеждение в неоспоримом превосходстве науки над политикой; он был рад тому, что выбрал этот путь»¹.

Воспоминания о своем знакомстве с «политикой» оставил и сам И.И. Мечников: «Мой старший брат, Лев Ильич, был одним из деятельных членов русской колонии в Женеве, где в то время поселился Герцен. Я попал как раз тогда, когда против него шла упорная борьба молодых революционеров. Мой брат оставался одним из немногих сторонников Герцена. Посещая последнего, я был очарован его необычайным умом и остроумием. Слушая чтение его воспоминаний, я увлекался им как литератором, но все, что у него касалось

¹ Цит. по: Jud. P. Leon Metchnikoff. Ein russischer Geograph in der Schweiz ... P. 18.

политики, на меня не производило впечатления. Близость к герценовскому кружку в Женеве и к бакунинскому в Неаполе содействовала лишь большему укреплению моих стремлений к науке и убеждению в том, что серьезное занятие ею способно неизмеримо больше принести пользы людям, чем «политиканство»¹.

Герцен относился к И.И. Мечникову также хорошо. Позднее они встретились еще раз, о чем он написал сыну: «В Женеве я встретился с Мечниковым натуралистом – он очень поумнел и очень делен»². Он и позднее следил за его деятельностью: «Мечников-зоолог, говорят, в Петербурге отличается»³.

Что же касается «бакунинского кружка», о котором упоминал И.И. Мечников, то любопытно отметить, что Илья также был знаком с Бакуниным, с которым он встретился в Италии в том же 1865 году, и позднее в 1866-м между ними сложились приятельские отношения. Однако эта дружба носила скорее личный характер, тогда как их взгляды сильно разнились: «Во время пребывания моего на юге Италии в 1865 г. я оказался в двух шагах от Сеченова. Я жил в Неаполе, предаваясь там изучению морских животных, а Сеченов проводил каникулы в соседнем Сорренто. Как было не попытаться встретиться с ним? По природе застенчивый, я еще более боялся идти к нему [...]. Мой товарищ и сожитель А.О. Ковалевский (сделавшийся вскоре знаменитым зоологом) был не смелее меня. Самым храбрым из нашей компании оказался барон А.Ф. Стюарт, который взял на себя почин поездки в Сорренто и визита к Сеченову. Так как там в это время проживала другая русская знаменитость – Бакунин, то решено было заодно пойти и к нему. Это было тем легче, что, в противоположность Сеченову, Бакунин был известен большой доступностью. В последнюю минуту к нам присоединился профессор и академик Ф.В. Овсянников, которому захотелось при случае повидать знаменитого революционера. Мы прежде всего направились к Бакунину. Он принял нас с распростертыми объятиями и тотчас же стал проповедовать свою теорию о ниспровержении существующего общественного

¹ Мечников И. И. Страницы воспоминаний ... С. 78.

² Герцен А. И. Собрание сочинений: в 30 т. М. : Наука, 1963. Т. 29, кн. 1. С. 365.

³ Герцен А. И. Собрание сочинений: в 30 т. М. : Наука, 1964. Т. 30, кн. 1. С. 116.

строю, наводя этим даже некоторый страх на добродушного Овсянникова, который не замедлил спросить: «Но что же, Михаил Александрович, будет после такого, переворота?» – «Ну, этого теперь предсказать невозможно, – отвечал Бакунин, – непосредственная задача состоит: в том, чтобы не оставить, что называется, камня на камне, а потом уже будет видно, как строить новую жизнь». [...] Нечего и говорить, что пламенные речи Бакунина не оказали на нас ни малейшего влияния; но, тронутые его откровенностью и радушием, мы расстались друзьями»¹.

Рассказ И.И. Мечникова показывает, в какой уникальной атмосфере жили представители русской интеллигенции тех лет. Часто молодые ученые уезжали в Европу для занятий наукой или отдыха, попутно знакомясь с политической эмиграцией и революционными идеями. Многие, как И.И. Мечников, выносили из этого скептическое отношение к политике, иные лишь давали выход своему оппозиционному настроению вдали от контроля русских властей². Другие, как Л.И. Мечников и прочие представители «молодой эмиграции», до конца жизни оставались за рубежом. Однако мало-помалу осознание отсталого репрессивного, характера царской России, и мнение о необходимости перемен завладевало умами русской молодежи.

Примерно в это же время произошла встреча Мечникова с отцом, который приезжал в Швейцарию, для лечения, а возможно просто повидать сына. Этот любопытный факт отражен в воспоминаниях О.Р. Мечниковой: «В 1868 г. Илья Иванович приезжал лечиться. Лёва провел у него несколько дней и, вернувшись, говорил мне, что был приятно поражен, найдя отца еще очень живым»³.

Тем временем происходили важные изменения в отношениях «молодой эмиграции» и Герцена. Раскол между ними усилился после публикации его статьи «Иркутск и Петербург», в которой осуждалось покушение на царя, произошедшее 4 апреля 1866-го года. Герцен прямо назвал стрелявшего «фанатиком». Так, он писал: «Выстрел 4 апреля был нам не по душе. Мы ждали от него бедствий, нас

¹ Мечников И. И. Страницы воспоминаний ... С. 47-48.

² Литературное наследство. А. И. Герцен II ... С. 1.

³ ГАРФ. Ф. 6753 Оп. 1 Д. 88 Л. 9.

возмущала ответственность, которую на себя брал какой-то фанатик. [...] Только у диких и дряхлых народов история пробивается убийствами. [...] Пуль нам не нужно... мы в полной силе идем большой дорогой, на ней много капканов, много грязи, но в нас еще больше надежд, на ногах тяжелые колодки – в сердце колоссальные, не низлагаемые притязания. Остановить нас невозможно, можно только своротить с одной большой дороги на другую – с пути стройного развития на путь общего восстания»¹. Прочитав эти строки, мы лишь можем убедиться в мудрости Герцена, как мыслителя и гуманиста. Однако в то время они вызвали целую бурю гневных отзывов от самых различных представителей революционного крыла. В гневных прокламациях его называли изменником, ярым защитником монархизма, и даже предателем Творца², что, конечно, не имело ничего общего с действительностью.

Немногим позже возник конфликт с изданием «Revue», с идеей организации которого выступали Л.И. Мечников и Н.И. Жуковский, принять участие в нем планировал также Н.И. Утин. Журнал планировалось издавать в виде альманаха. Огарев воспринял эту инициативу с энтузиазмом. Он надеялся, что «Revue» продолжит дело «Полярной звезды», которая не издавалась уже несколько лет: «В образе мыслей нам мудрено разойтись и с оными юношами, я говорю о Мечникове и Утине, так как они еще явились с предложением и желанием не выходить из-под нашего флага, то чего же еще? Для них является возможность работать, для нас является возможность издавать. И заметь, что «Revue» не в пику «Колоколу» пойдет, а, напротив того, поставит его как газету, а сам сосредоточит учение, т. е. тут является газета и книга. Я при этой мысли чувствую прибавление силы. – С каким же нетерпением я жду твоего ответа и думаю to be or not to be»³. Дело оставалось за малым, у Герцена просили денег взаймы для начала работы над первым выпуском, однако его ответ Огареву был крайне неутешительным: «Итак... старая штука повторяется: revue будут издавать общими силами, но так, что деньги и статьи будут наши. Да, ведь, если б мы хотели издавать, зачем же

¹ Герцен А. И. Иркутск и Петербург // Колокол. 1 мая 1866. Л. 219.

² Литературное наследство. А. И. Герцен II ... С. 26.

³ Литературное наследство. А. И. Герцен I. М., 1941. Вып. 39-40. С. 430.

было нам спрашивать или ждать Утина? Где доказательство яростного желания читать заграничные издания? И если оно есть, как же не найдут капиталисты *in spe*, как Утин, кредиту помимо нас? Это была штука, и ты опять попался в нее... Может, и грех, но денег я не могу дать»¹. В конце концов, Герцен все же согласился выделить требуемую сумму, однако выпуск так и не состоялся. Значительную роль в этом вопросе сыграла радикальная позиция Утина, требовавшего от Герцена значительных уступок.

Вскоре после описанных событий свет увидела брошюра А.А. Серно-Соловьевича «Наши домашние дела», которая, по сути, являлась пасквилем на Герцена. Конечно, ничего нового в ней не было. Это были все те же упреки в излишних симпатиях к Александру II, обвинения в отступничестве и противопоставление Герцена Чернышевскому, идейным противником которого, по мнению Серно-Соловьевича, он являлся. Однако эта статья стала последней каплей, переполнившей чашу терпения Герцена. Он надеялся на осуждение брошюры, о чем писал письма Бакунину и Огареву: «Предложи-ка Мерчинскому протестовать, и Мечникову...»². К чести последнего, следует заметить, что Мечников, как и многие другие отрицательно относился к данной статье. Его отношения с Герценом в это время ухудшились, но, в отличие от остальной «молодой эмиграции», оставались на приемлемом уровне, о чем можно явно судить из многочисленных писем Герцена.

Ошибкой Герцена было то, что он распространил свое негодование к Серно-Соловьевичу на всю «молодую эмиграцию», что привело к их окончательному разрыву, изоляции Герцена и его друга Огарева. В одном из писем к Огареву, который был, несомненно, более дружелюбен по отношению к «молодежи», Герцен написал такие обидные строки: «Гулевич, вероятно, в Женеве — это страшнейшая шваль — как вся банда, находимая тобой милыми юношами, —

¹ Литературное наследство. А. И. Герцен II ... С. 27.

² Там же. С. 30.

Венерики – Элпидики – Касатики, – Мечники¹. Мое непреодолимое отвращение оправдывается ежедневно»².

Однако, если Огарев поддерживал друга, хотя и не был с ним согласен, Бакунин был категоричен: «Я готовъ верить, что Серно-Соловьевич написал против тебя скверную пасквиль, и что твое негодование против него справедливо. Но ты ругаешь не его одного и даже не одних его женевских ровесников эмигрантов, – на все молодое поколение кладешь ты страшное проклятие [...]. Десять, пять лет тому назад, когда ты смело глядел и вел вперед, не заботясь о том, что будут говорить люди близорукого разума и гнилой официальной или полуофициальной практики, и не увлекаясь мечтою о невозможном полуосуществлении сегодня или завтра, а главное, не позволяя ослеплять себя блеском лживых и притворных исполнений, – ты не произнес бы таких страшных, для тебя страшных, потому что старческих, слов. Ты чувствовал тогда свою силу, а сила великодушна и до того верит в себя, что даже к своим врагам может быть справедлива. Твое же последнее письмо брызжет брюзгливою несправедливостью...»³.

Похоже, Герцен и сам осознавал свою ошибку. В последующие два года он делал немало попыток улучшить отношения с молодыми эмигрантами. Так, после смерти Серно-Соловьевича, он опубликовал некролог, который свидетельствовал о примирении с покойным. В письмах этих лет также отражается его позитивное отношение к Мечникову и его работам: «Мечникова статья хороша, но если б он меньше полемизировал и отвечал Костомарову, было бы лучше»⁴; «На днях ты увидишь Мечникова – он поумнел и пишет очень хорошие вещи»⁵. Свидетельством хороших отношений между ними в последние годы его жизни, может служить и тот факт, что Мечников приезжал в Париж, чтобы навестить

¹ Отчасти ухудшение отношений с Мечниковым в это время было связано с их совместным с Н. Я. Николадзе журналом «Современность», издававшимся с апреля по сентябрь 1868 г. В одном из номеров журнала Николадзе опубликовал статью «Русская эмиграция», представлявшую Герцена в негативном свете.

² Герцен А. И. Собрание сочинений: в 30 т. ... Т. 29, кн. 1. С. 312

³ Письма М. А. Бакунина к А. И. Герцену и Н. П. Огареву ... С. 207.

⁴ Герцен А. И. Собрание сочинений: в 30 т. ... Т. 29, кн. 1. С. 338.

⁵ Герцен А. И. Собрание сочинений: в 30 т. ... Т. 30, кн. 1. С. 77.

Герцена в дни его болезни¹. Увы, воспаление легких, которое поначалу не казалось опасным, прогрессировало очень быстро. 21 января 1870 года А.И. Герцен скончался, не приходя в сознание, в кругу родных и близких.

Последняя статья за подписью Мечникова в «Колоколе» была опубликована в номере 230 за декабрь 1866-го. Впрочем, из писем Герцена следует, что и позднее он неоднократно обсуждал публикацию его статей, однако, по каким-то причинам они не были напечатаны, или были опубликованы без подписи автора. В 1868 г. вместе с Н.П. Огаревым и Н.А. Шевелевым Мечников подготовил книгу «Землеописание для народа», отпечатанную в Женеве в «Вольной русской типографии». В том же году он опубликовал статью «Les antagonistes de l'état en Russie» (Противники государства в России) в «La Cloche» (версии журнала «Колокол» на французском языке).

Когда в 1868 г. произошла Испанская революция, Мечников посетил эту страну в качестве корреспондента², и опубликовал свои заметки о путешествии в «Отечественных записках».

Известно, что вместе с Бакуниным, который также перебрался в Женеву в 1867 г., Мечников принимал деятельное участие в работе швейцарской секции Международного товарищества трудящихся (Первый Интернационал), и был членом редакционной коллегии, разрабатывавшей ее устав³. После раскола Интернационала, он, вероятно, вступил в организованный Бакуниным «Alliance internationale de la Democratie socialiste» (Международный альянс социалистической демократии). Случайное упоминание об этом факте можно встретить в одном из сочинений К. Маркса: «Два главных корреспондента Альянса для Франции – Бенуа Малон и Жюль Гед (подпись последнего стоит под сонвильерским циркуляром), знавшие об этом быстром развитии нашего Товарищества, пытались дезорганизовать его в интересах Альянса. Когда их письма не оказали желаемого действия, были посланы эмиссары, в том числе

¹ Литературное наследство. Герцен и Огарев III ... С. 482.

² Герцен А. И. Собрание сочинений: в 30 т. М. : Изд-во АН СССР, 1964. Т. 29, кн. 2. С. 462.

³ Jud. P. Leon Metchnikoff. Ein russischer Geograph in der Schweiz ... P. 20.

какой-то русский по фамилии Мечников; но их попытки кончились ничем»¹. К слову, в 1868 г. в союз вступил также Элизе Реклю, и, возможно, в это время он мог познакомиться с Мечниковым, хотя их научное сотрудничество началось позднее. О дальнейших революционных делах Мечникова известно мало. По-видимому, начиная с этого времени, он стал терять интерес к конспиративной деятельности, зато его статьи в русских подцензурных журналах, напротив, начинали выходить с завидной регулярностью.

А4 Жизнь в Японии

О жизни Мечникова в Японии и о том, почему он отправился в это путешествие, мы имеем достаточно сведений благодаря его заметкам «Воспоминания о двухлетней службе в Японии», которые печатались в «Русских ведомостях», и переиздавались в наше время². По своему стилю «Воспоминания» напоминают «Записки гарибальдийца». Чрезвычайно познавательные как для современников, так и для потомков, они не менее увлекательны, чем рассказы Фенимора Купера. А его многочисленные замечания, напоминавшие афоризмы, столь же поучительны, сколько, увы, и актуальны. В качестве примера, можно привести его высказывание о борьбе японских властей против ношения традиционной японской одежды, которая порою была столь легка, что многие европейцы считали ее неприемлемой: «Смешно было бы говорить о каком бы то ни было влиянии этих новейших полицейских мер на общественную нравственность в Японии. Едва ли существует в какой бы то ни было стране прямая связь между наготою и нравственностью»³. Как известно, нравственность и ханжество мы и теперь научились различать едва-едва, а многочисленные «слуги народа» и вовсе, не замечая подмены понятий, продолжают вести упорную борьбу за «общественную нравственность» на большей части земного шара.

¹ Маркс К. и Энгельс Ф. Альянс и международное товарищество рабочих // Сочинения. 2-е. изд. М. : Госполитиздат, 1961. Т. 18. С. 381.

² Мечников Л. И. Воспоминания о двухлетней службе в Японии ... С. 170-211.

³ Там же. 193-194.

Вот его ироничная характеристика самих правящих кругов и клира: «Коренным японским языком, т.е. старым ямато, говорят здесь только при императорском дворе, в синтоистских храмах и по странному, на первый взгляд, но легко объяснимому совпадению в многочисленной корпорации проституток»¹. Досталось, конечно, и самой идее преобразовать мир «по западному» образцу: «Давно замечено, что в странах, обращающихся на путь европейской цивилизации, в первое время всегда бывает сильный спрос на скорострельное оружие и на спиртные напитки»². Увы, правота его замечания по-прежнему подтверждается в многочисленных уголках земного шара.

Однако, что же его подвигло совершить такое авантюрное путешествие? В те годы, когда в Европе гремели военные конфликты, центром которых была собирающая свои земли Германия, полным ходом шло объединение Италии, закончившееся, наконец, в 1870 г. взятием Рима, а в Испании шла революция, в далекой Японии произошли события, коренным образом повлиявшие на внутреннюю и внешнюю политику этой страны. В 1868 г. сёгун был свергнут, и в стране фактически произошла реставрация монархии. Молодой император Мэйдзи³ взял курс на модернизацию страны в культурном и промышленном отношении. Вследствие этой политики Япония впервые за многие века стала доступна иностранцам для посещения. Эти события, немало обсуждавшиеся в европейской печати, конечно, привлекли внимание Мечникова, и он принял решение выучить язык, чтобы отправиться в Японию.

Вскоре после того, как в Европу стали доходить новости о происходящих в Японии переменах, Мечников стал задумываться о путешествии в эту страну. В 1872-1873 гг. он провел много времени во Франции. Там он вступил в Парижское этнографическое общество и общество изучения японского языка⁴: «Кафедра японского языка была тогда только в Париже. Тамошний профессор г. Л. де Рони

¹ Мечников Л. И. Воспоминания о двухлетней службе в Японии ... С. 183.

² Там же. С. 175.

³ Мэйдзи (1852 – 1912) прижизненное имя императора Японии звучало, как Муцухито, однако в японской историографии используются посмертные имена императоров, отсюда название эры Мэйдзи.

⁴ Евдокимов В. И. Феномен Льва Мечникова ... С. 19.

(Leon de Rosny) предупредил меня, что, прослушав его четырехлетний курс, я едва буду в состоянии изъясняться по-японски с грехом на три четверти. Перспектива эта мне не показалась заманчивой, и он обязательно снабдил меня рекомендательным письмом к молодому японскому даймё (владельческому князю), проживавшему в Швейцарии, для изучения французского языка и разных европейских наук и искусств с патриотической целью насаждать их потом в Отечестве»¹. Увы, последний заразился туберкулезом, и отправился на лечение в Ниццу. Зато в прежнем номере проживал другой японец. Им оказался никто иной, как Ивао Ояма², который в это время, находясь в Европе, изучал языки и военное дело³. Впрочем, на тот момент он еще не знал ни одного европейского языка, и общаться с ним пришлось по «ланкастерской системе». Для обоих это было возможностью выучить язык, непосредственно общаясь с его носителем, и Мечников легко справился с этой задачей за полтора года: «Значительно более загадочным представлялся вопрос, как попасть в эту далекую страну, не имея ни гроша за душою»⁴. Помог случай. В 1873 г. в Женеву прибыло японское посольство, возглавляемое тремя лидерами «революции»: Ивакура, впоследствии вице-канцлером, министром внутренних дел Окубо и Кидо, министром народного просвещения. Уже длительное время они путешествовали по странам Запада, знакомясь с европейской политикой и налаживая дипломатические контакты. Именно знакомство с членами делегации помогло Мечникову получить работу, а следовательно и деньги, на путешествие.

Уже в 1874 г. Мечников отправился в длительное плавание к берегам Японии: «Обыкновенно путешествие от Марселя до Йокохамы длится не более 45 дней, но нам решительно не везло: несмотря на благоприятное время, непогоды задержали нас и в Средиземном море, и в Индийском океане между Аденом и Цейлоном, а при выходе из пролива Формозы к японским берегам нам пришлось

¹ Мечников Л. И. Воспоминания о двухлетней службе в Японии ... С. 172.

² Ивао Ояма (1842 – 1916) японский маршал, главнокомандующий войсками в Маньчжурии в годы Русско-Японской войны. Мечников по каким-то причинам не упоминал его имени в своих воспоминаниях, но его личность все же была позднее установлена биографами.

³ Jud. P. Leon Metchnikoff. Ein russischer Geograph in der Schweiz ... P. 22.

⁴ Мечников Л. И. Воспоминания о двухлетней службе в Японии ... С. 171.

выдержать четырехдневную бурю»¹. Весьма устрашающий вид открывался при приближении к Японии. Туман, окутывающий острова, был настолько плотным, что даже в полдень вокруг было все, как в полумгле: «В душе такое настроение, как будто на свете вовсе не существует ни мая месяца, ни теплых дней; как будто с незапамятного времени тянется все один и тот же неприглядный Поприщинский день без числа и конца... Местность кругом представляет подобие котла, наполненного густыми грязнобелесоватыми парами, на дне которого клоочет черная свинцовая масса. Глаз напрасно старается различить что бы то ни было в этой мутной мгле, которая дышит на нас раздражающим холодом...»². Однако не сам туман представлял опасность, а сильное течение Куросиво³ и скалистые рифы, на которых находили свою гибель даже целые флоты⁴.

Положение было довольно тяжелым. У парохода «Volga», на котором они плыли, вышел из строя рулевой механизм. Изношенные паровые машины работали на пределе возможности, корабль сильно отклонился от курса. Поперечным течением его несло к южной оконечности полуострова Идзу. Известие, полученное еще на стоянке в Сингапуре, о разбившемся в этих водах несколькими днями ранее пароходе «Нил», было грозным подтверждением опасности сложившейся обстановки. Спасая корабль, пассажиры и экипаж бросились привязывать к борту бочки, чтобы тем самым выправить курс судна. Вскоре место гибели «Нила» было пройдено, и через некоторое время пассажиры корабля могли наблюдать бухту Йокохамы. Из Йокохамы, где Мечников провел некоторое время у своего нового знакомого местного жителя, он должен был отправиться в столицу с письмом от Оямы к его родственнику Сайго. К счастью, между портовым городом и новой столицей уже курсировали поезда, отправлявшиеся с интервалом в один час.

¹ Мечников Л. И. Воспоминания о двухлетней службе в Японии ... С. 174.

² Там же. С. 175.

³ Там же. С. 176.

⁴ Позднее в своей книге «Цивилизация и великие исторические реки» Мечников писал, что своей самобытности и сохранившейся независимости Япония обязана именно этому уникальному природному сочетанию в той же степени, как и Англия.

Наконец Мечников добрался до Токио¹, где должен был решить, что делать дальше. В Японию он отправился для того, чтобы принять участие в организации вольной школы для самураев. Уже в то время, когда Мечников был в пути, власти отказались от этой идеи, и ему пришлось устроиться преподавателем в школу иностранных языков. Как писал Мечников, это были довольно необычные заведения. Учрежденные министерством народного просвещения, они создавались для того, чтобы обучать молодежь иностранным языкам, и тем самым готовить юношей к дальнейшему обучению в европейских университетах. Впрочем, классы были смешанными. В них обучались, дети 10-12 лет и взрослые, большинство из которых в прошлом относилось к самурайскому сословию. Первоначально правительство щедро финансировало это предприятие. Слушателям выплачивали стипендии, обеспечивали жильем в столице. Поэтому желающие прослушать курсы съезжались в Токио из разных концов Японии. Однако, опасаясь скорого начала войны в Корее, правительство увеличило долю военных расходов в бюджете. Самым востребованным было английское отделение. Это было связано с тем, что большая часть военно-технических и внешнеторговых контактов Японии приходилась на Великобританию и США.

Впрочем, русское отделение также пользовалось немалым спросом, что было несколько удивительно ввиду относительно небольшого числа контактов Японии с Россией. Мечников был приятно удивлен компетентностью и ответственностью русских педагогов по сравнению с европейцами, и знанием местными японскими переводчиками русского языка: «Я был немало удивлен по приезду в Японию тем, что из всех японских переводчиков разных европейских языков, стоявших в большинстве случаев значительно ниже самого скромного уровня, именно русские отличались сравнительно лучшим знанием своего дела. К тому же они оказывались многочисленнее, чем можно было ожидать. Некоторые из них в очень юных летах были отправлены в Россию, отчасти на казенный счет, отчасти же иждивением адмирала графа Путятина. Другие, никогда не

¹ Иногда Мечников использует старое, название Токио – Эдо. Так город назывался до 1869 г. когда туда была перенесена резиденция императора из Киото.

покидавшие своей родины, научились, однако же, довольно удовлетворительно говорить по-русски в училище, устроенном нашими миссионерами в Хакодате под руководством архимандрита о. Анатолия. Впоследствии в самой столице было устроено в более широких размерах русское миссионерское училище, которым занимался с особою любовью архимандрит о. Николай Касаткин, великий знаток японской истории, синтоистской религии и языка, начальник православной миссии в Японии. Наши миссионеры своим личным характером и своим действительно образцовым исполнением трудных своих обязанностей, успели внушить глубокое уважение к себе и к своему делу»¹.

Мечников подошел к своей работе творчески: уроки русского он совмещал с рассказами о русской культуре; познавательными экскурсами в русскую историю. Особенно внимательно японцы слушали рассказы о Петре Великом, который был очень популярным героем в Японии. Также особого внимания заслуживали размышления о перспективах русско-японской дружбы, которые в то время казались весьма заманчивыми: «Россия представлялась японцам страной значительно ближе к их нравам и порядкам, чем западноевропейские государства или Соединенные Штаты. Япония, без сомнения, сильно нуждалась в том, чтобы какое-нибудь из европейских государств послужило ей руководителем в трудном деле ее, так сказать, натурализации на всемирном культурном поприще. [...] Мотивов же для дружеских отношений между двумя соседними государствами существует множество. При всей недавности своего вступления на поприще международных сношений маленькая Япония уже успела оказать нашей уссурийской окраине несколько ценных услуг. Иной раз она снабжала Владивосток хлебом, которого там решительно не знали где взять. [...] Наша военная сибирская эскадра в случае повреждения одного из ее пароходов принуждена была посылать его чинить на японские верфи в Иокоску. [...] Все эти и многие другие соображения заставили японцев придавать нарочитое значение русскому отделению школы иностранных языков в Токио»². Увы, как отмечал

¹ Мечников Л. И. Воспоминания о двухлетней службе в Японии ... С. 205.

² Там же. С. 206-207.

Мечников, роль спутника Японии во внешнем мире на себя взяли Соединенные Штаты. Россия деятельного участия в налаживании экономических и политических отношений не принимала вовсе, и из истории прекрасно известно к какому несчастью эти отношения пришли впоследствии. Русский царь видел в Японии лишь ненужного, но не слишком опасного конкурента в борьбе за земли Китая и Кореи. К счастью, Мечникову не пришлось застать «маленькой победоносной войны». И он не читал из газет, как его недавний знакомый, изучавший военное дело в Европе, и без сомнения благодарный Мечникову за помощь в изучении языков, наносил одно за другим поражения Русской армии на суше.

Главную задачу нахождения в Японии, кроме собственно преподавания в школе, он видел в сборе этнографических материалов. Мечников много путешествовал. Будучи одетым в национальную японскую одежду, он ходил по разным деревням и селам, общался с представителями разных сословий, записывал их рассказы о местных легендах и поверьях. При этом он много рисовал, и составлял самые разнообразные карты и схемы. На основе собранных материалов он впоследствии написал крупнейшее, для того времени исследование о Японии «L'empire japonais» («Японская империя»). Специфика этого произведения в том и заключалась, что оно представляло собой как бы комплексное исследование в котором повествование истории страны дополнялась сведениями этнографического и географического характера. Можно смело говорить о том, что собранные Мечниковым сведения о культуре и истории Японии, опубликованные им в «Японской империи», заставили европейцев взглянуть по-новому на историю этой неведомой страны, и способствовали наметившемуся пересмотру стадияльной концепции развития цивилизации.

К несчастью, здоровье Мечникова в сыром тропическом климате стало стремительно ухудшаться. Всего через два года он был вынужден покинуть «страну восходящего солнца», которую любил всем сердцем.

A5 Возвращение в Швейцарию

В Японии Мечников провел всего два года, однако за это время и в Европе и в нем самом изменилось очень многое. М.А. Бакунин умер летом 1876 г. в Берне. Мечников его уже не увидел живым. I Интернационал распался еще раньше. Бывшие русские революционеры занялись по большей части вполне мирными делами. Мечников же, если и помышлял о каком-либо перевороте, то скорее научном. В декабре 1876 г. он вступил в Женевское географическое общество, и в течение следующих десяти лет был одним из наиболее активных его членов¹. Часто выступал с публичными лекциями. Так, из местной газеты «Feuille d'Avis de Neuchâtel»² можно узнать расписание его лекций на 13 – 22 февраля 1878 г., и представить, откровенно впечатляющий маршрут его путешествия: «Пять лекций о Японии Леона Мечникова:

1. Путешествие в Японию. Индия. Кохинхина³. Гонконг. Америка, Панама и Антильские острова. Первые впечатления. Йокогама. Коммерческий кризис;
2. Географический обзор. Природные богатства. Японцы: обычаи и порядки. Частная и общественная жизнь. Театр, музыка;
3. Религия в Японии: Синтоизм или культ таланта. Буддизм. Доктрина Конфуция. Христианские миссии. Религиозная практика и суеверия;
4. История от истоков империи до прибытия иностранцев. Легендарный период. Феодалная борьба. Ренессанс. Святой Франциск Ксаверий. Португальцы и голландцы. Последние диктаторы;
5. Современная цивилизация. Отмена феодального права. Восстановление императорской власти. Министерства и школы. Формоза⁴ и Корея. Резюме»⁵.

Подобные анонсы встречаются в газете довольно часто, и можно сделать вывод, что Мечников был весьма популярным лектором, особенно учитывая

¹ Jud. P. Leon Metchnikoff. Ein russischer Geograph in der Schweiz ... P. 35.

² В настоящее время газета называется «L'Express».

³ Кохинхина – историческое название восточной части Индокитая.

⁴ Формоза – историческое название острова Тайвань. Во время пребывания Мечникова в Японии, между Японией и Китаем произошел военно-политический конфликт, вызванный убийством японских рыбаков на острове.

⁵ Feuille d'Avis de Neuchâtel. 1878. 12 Février. № 12. P. 4.

стоимость билетов в 5 фр. Кроме собственно лекций, в это время часто выходили его статьи о Японии¹, а вскоре была закончена работа над книгой, требовалось найти лишь подходящего издателя, и в 1881 г. «L'Empire Japonais» (Японская империя) объемом более 600 страниц была опубликована с цветными рисунками, фотографиями и картами, собранными и нарисованными самим Мечниковым.

В это время он всерьез размышлял о возвращении на родину. Еще до поездки в Японию Мечников писал о возвращении на родину. В письме к матери, копия с которого была снята жандармами, он писал: «Возвращения на родину я желал бы страстно и пламенно, но все то, что я говорил [...] доносить на всех и каждого, не щадя ни своих бывших приятелей, ни совей честности. Для человека, не желающего прибегать к таким проделкам пользование амнистией вещь крайне опасная»². Однако теперь, благодаря хлопотам его родных, появилась возможность для его возвращения домой.

В архивах 3-го отделения сохранилась переписка, к ней прилагалась агентурная справка о Мечникове, изобилующая ошибками и преувеличениями, которые перекочевали и в некоторые ранние биографические очерки: «Лев Ильич Мечников поступил в 1850г. в училище правоведения, которое он должен был оставить в 1852 г. вследствие оказавшихся у него золотушных ран. Затем он выехал в Харьков, где у родителей его было имение, и там окончил свое воспитание. После этого для восстановления здоровья выехал с матерью в Италию, где приблизился к Гарибальди, был его адъютантом, и в итальянскую войну исполнял должность офицера. По окончании войны он переехал в Швейцарию, где завел общие сношения со всеми пребывающими там агитаторами, как Герцен, Бакунин, Нечаев и др. В 1868 г. он сотрудничал в издаваемом Элпидиным журнале, а в конце этого года уехал в Мадрид с поздравлением от «Молодой России», а затем переехал в Барселону, откуда выписывал корреспонденции в Санкт-Петербургский журнал. В 1872 г. Мечников очень способствовал развитию социализма и нигилизма в среде русских

¹ Jud. P. Leon Metchnikoff. Ein russischer Geograph in der Schweiz ... P. 35-40.

² ГАРФ. Ф. 95. Оп. 1а. Д. 407.

студентов в Швейцарии. В 1873 г. читал в Женеве публичные лекции о социальных науках, а в апреле 1874 г. он выехал из Швейцарии и отправился в Японию для занятия там профессорской кафедры, но, в сущности, он направился в Париж, где познакомился с кавказцем Николадзе и другими, с которыми продолжил свою революционную деятельность»¹. Можно предположить, что это первый биографический очерк о Мечникове. И нельзя не заметить, что он доказывает высокую осведомленность полицейских органов о жизни своих соотечественников за рубежом. Конечно, в очерке есть и некоторые ошибки. Так, хорошо известно, что Мечников отправился в Италию без Эмилии Львовны, и, как известно, не был адъютантом Гарибальди. Личное знакомство Мечникова с Нечаевым также было приписано ему зря. По некоторым косвенным свидетельствам можно судить, что отношение Мечникова к Нечаеву было крайне отрицательным. И, конечно, Мечников действительно был в Японии, а не вернулся в Париж, где, якобы, познакомился с Николадзе, с которым был знаком уже много лет.

Впрочем, не слишком заманчивая для русских властей характеристика своего блудного сына на тот момент не помешала властям в 1881 г. выдать разрешение на его возвращение: «Вследствие поступившего ходатайства о разрешении находящемуся в самовольной отлучке из России Льву Ильичу Мечникову возвратиться на попечительство в свое семейство, господин министр внутренних дел признал возможным удовлетворить это ходатайство с тем условием, чтобы Мечников по возвращении в Россию был отдан на поруки брату его, действительному статскому советнику Мечникову...»².

Однако этим планам не суждено было сбыться. В 1881 г. умер старший брат Мечникова Иван Ильич, который выступал в качестве поручителя по этому делу. В этом же году погиб Александр II и политическая обстановка в стране резко обострилась. Впрочем, возможно, это было связано также с проблемами со

¹ ГАРФ. Ф. 102. Оп. 77. Д. 37. Л. 3.

² ГАРФ. Ф. 102. Оп. 77. Д. 37. Л. 4.

здоровьем, или может быть просто с тем, что его быт в Швейцарии стал налаживаться.

В том же 1881 г. он стал секретарем издания «Nouvelle géographie universelle» (Новая всемирная география), многотомной географической энциклопедии, которую издавал Э. Реклю. Мечников подготовил ряд статей и иллюстраций для VII-XIV тт., которые были посвящены странам Азии, Африки и Тихоокеанского региона¹. Вместе с Мечниковым сотрудницей Реклю стала его дочь Надежда, сменившая к тому времени фамилию Кончевская². В это время состоялось личное знакомство Л.И. Мечникова с П.А. Кропоткиным³. Примерно тогда же Мечников познакомился с Г.В. Плехановым, который находился с 1880 г. в Швейцарии.

С 10 августа 1883 г.⁴ Мечников по приглашению Невшательской академии⁵ был назначен на должность профессора сравнительной географии и статистики. Лекционная нагрузка для этой должности, по современным меркам, предполагалась весьма умеренной, 2 часа в неделю, а жалование, напротив, вполне приличным – 800 фр⁶. Наконец-то финансовое положение Мечникова, который долгие годы находился на грани голода, пришло в порядок. Еще лучше было то, что он мог заниматься любимым и интересным делом, а не писать статьи «на злобу дня» для российских журналов. Неудивительно, что с этого времени его статьи выходили относительно редко, зато это были действительно интересные и значимые публикации. Не менее интересными были его лекции, все больше он уделял в них внимания вопросам взаимоотношения человека и среды. Возможно,

¹ Jud. P. Leon Metchnikoff. Ein russischer Geograph in der Schweiz ... P. 41.

² К настоящему времени о жизни Н. В. Кончевской (рожд. Скарятинной) (1856-1917?) известно не так много, что является явным упущением. Известно, что она была секретарем Э. Реклю. Позднее вышла замуж за Л. Э. Шишко (1852-1910), известного русского народника. В российских архивах сохранилось большое количество документов и писем к Кончевской, в т. ч. от А. А. Герцена (сына А. И. Герцена), П. А. Кропоткина, П. Л. Лаврова и других. Весьма вероятно, что и те немногие документы связанные с Л. И. Мечниковым, которые хранятся в наших архивах, оказались там благодаря Н. В. Кончевской.

³ Jud. P. Leon Metchnikoff. Ein russischer Geograph in der Schweiz ... P. 44.

⁴ L'Impartial. 1883. 17 août. № 811. P. 2.

⁵ В настоящее время Университет Невшателя (Université de Neuchâtel).

⁶ Feuille d'Avis de Neuchâtel. 1888. 23 Juillet. № 172. P. 1.

основной теоретический материал для будущей книги «Цивилизация и великие исторические реки» он разработал в это время.

В 1885 г. Л.И. Мечников и Э. Реклю стали учредителями Невшательского географического общества, и начали издавать бюллетень этого общества (*Bulletin de la société neuchâteloise de géographie*), который издается до сих пор, оставаясь одним из известнейших научных географических журналов в Швейцарии. Имена основателей общества также не были забыты, их чествовали в 50-летний юбилей общества¹, а в честь 125 годовщины со дня основания журнала молодые швейцарские географы опубликовали памятное издание, рассказывающее о первых годах существования географического общества, в том числе о Л.И. Мечникове и Э. Реклю².

Свободное время, не занятое служебными обязанностями, Мечников использовал для работы над своей главной книгой. Его здоровье стремительно ухудшалось, и зимой 1887 г. он был вынужден оставить преподавание. Он отправился во Францию, где климат был немного мягче. Его состояние уже было очень тяжелым, но он продолжал работать над своим исследованием. Весной следующего года он вернулся в Кларанс. Книга уже была закончена в черновике, и забота о ее издании легла на Э. Реклю.

3 июля 1888 г. вышел очередной номер «*Feuille d'Avis de Neuchâtel*». Газета принесла читателям печальную новость: «Академия сообщает о смерти Льва Мечникова, преподавателя сравнительной географии, который умер в субботу в Кларансе от легочного заболевания, по причине которого он несколько месяцев назад был вынужден оставить кафедру. Русский по происхождению, г. Мечников был одним из сотрудников Элизе Реклю и жил в Кларансе. Он приезжал каждую неделю, чтобы читать лекции в нашей Академии. Эрудит и ученый, специалист в целом ряде научных областей, либеральный швейцарец и путешественник, побывавший во всех частях света. Свои широкие познания он приобрел не только, изучая книги и карты, но, путешествуя, познавая Землю и ее жителей. Также и в

¹ *Feuille d'Avis de Neuchâtel*. 1935. 9 novembre. № 264. P. 10.

² Rérat P., Piguet É. La «pensée du monde». Une société de géographie à la Belle Époque. Neuchâtel: Alphil-Presses universitaires suisses, 2011. P. 33.

его учении было что-то особенно живое. На его уроках нельзя было встретить ничего сухого или бесплодного; там чувствовали преподавателя, воодушевленного своей темой, говорящего о вещах, которые он пережил сам. У этого, скромного, преданного науке, услужливого и очень приветливого человека в Невшателе были одни лишь друзья, даже среди тех, кто не разделял его философских идеи. Хотя он не был жителем нашего города, и был малоизвестен вне круга преподавателей и студентов, но все, кто о нем узнал, сохраняют о нем лучшие воспоминания, и именно от их имени мы отдаем ему последнюю дань любви и уважения»¹.

Преемником Л.И. Мечникова на посту преподавателя сравнительной географии и социологии в академии стал его ученик и товарищ по Невшательскому географическому обществу Чарльз Кнапп, который написал замечательные строки, посвященные Мечникову: «30 июня 1888 Лев Мечников умер в Кларансе, унесенный болезнью, от которой нет спасения. Легочная чахотка забрала порядочного и доброго человека, скромного ученого и щедрого филантропа, вся жизнь которого была посвящена защите слабых и угнетаемых.

Наше Географическое Общество очень многим обязано Льву Мечникову. В знак признания он теперь записан в число его почетных членов. Статьи, которые он опубликовал в нескольких наших Бюллетенях, между прочим, представляют обширный фрагмент из его еще неизданного труда «Великие исторические реки». Эти статьи очень значительны, они свидетельствуют об эрудиции и таланте, который не удовлетворялся неясными или внешними обзорами, но всегда стремился дойти до сути вещей. [...] Когда болезнь ухудшилась, он провел несколько месяцев во Франции, не строя, однако никаких иллюзий по поводу тяжести своего состояния. Весной 1888 г., он возвратился в тяжелом состоянии в Кларанс. Но если его тело было разбито и побеждено безжалостным злом, то душа его не пострадала вовсе. В то время, когда, как он сам говорил, он был живым покойником, продолжал свои научные исследования. «Только работа делает человека действительно свободным», не уставал он повторять. До конца

¹ Feuille d'Avis de Neuchâtel. 1888. 3 Juillet. № 155. P. 4.

дней своих он сохранил всю свою энергию и полноту умственных и духовных способностей. Мечникова больше нет. Он покоится в мире, но этого нельзя сказать о его деле, которое продолжает жить. Пусть его сострадание к слабым и обездоленным, его самоотверженность, трудолюбие, преданность науке найдут благородных последователей среди людей!»¹.

Не менее трогательные слова в память о Л.И. Мечникове написал Г.В. Плеханов: «30 июня текущего года скончался в изгнании, в Кларансе, Лев Ильич Мечников, один из самых замечательных и самых симпатичных представителей того поколения шестидесятых годов, которому много обязана наша общественная жизнь, наша наука и литература. [...] Покойный Благодетель очень дорожил им, как талантливым и многосторонне образованным сотрудником. [...] В начале восьмидесятых годов он стал сотрудником известного географа Элизе Реклю в Кларане, а в 1883 году Невшательская академия предложила ему кафедру сравнительной географии и статистики. [...] Чтения в Невшательской академии навели Льва Ильича на счастливую мысль более подробно разработать свой курс, и придать ему систематическую форму. Это намерение было им выполнено в книге «Les grands Fleuves Historiques» [...] Задача этого сочинения: выяснить влияние географических особенностей различных, преимущественно древних, культурных стран на ход развития их общественных учреждений. Научное значение такой темы оценят все те, которые знают, как мало до сих пор выяснен этот чрезвычайно важный вопрос в философско-исторической литературе. [...] Неумолимая смерть унесла его раньше выхода в свет выше названной книги. Льву Ильичу суждено было видеть ее только в корректуре.[...] Лев Ильич был не только ученым; он был творцом, который умел с оружием в руках отстаивать дело свободы. Само собою понятно, что при современных русских условиях такой ученый должен был умереть изгнанником. [...] Забывать таких людей, как Л.И. Мечников, было бы совсем непростительно. Их безупречная жизнь наглядно

¹ Knapp C. Nécrologie ... P. 272-276.

показывает, как умели бороться и работать «люди шестидесятых годов», на которых так часто клеветает у нас торжествующая теперь реакция»¹.

О Льве Ильиче Мечникове тогда писали многие газеты, все больше зарубежные. В России о нем говорили мало. На его книгу, вышедшую годом спустя, в нашей стране откликнулись лишь Г.В. Плеханов, В.С. Соловьев и некоторые другие мыслители, однако известности на родине автора она не приобрела, и даже вышедший в конце века перевод на русский язык, не добавил ей популярности. Похоже, в то время был спрос на другую литературу, идеи и людей. Но, к счастью, это забвение не стало вечным. В последние годы все больше исследований посвящено Мечникову. О нем печатают статьи, пишут в монографиях и, что явно свидетельствует о его известности, в обыкновенных учебниках. С чем связан этот интерес? Возможно, с поисками той исторической теории, которая бы наконец помогла выяснить цель и направление исторического процесса. А возможно просто с тем, что в наше время своеобразного духовного вакуума, нам необходимо вновь обрести веру в человечество, в социальный прогресс, в лучшее будущее, к которому мы должны стремиться. Так или иначе, сохранение памяти о таких гуманистах, как Мечников, Герцен, Гарибальди, Реклю и многих других замечательных людях, не раз упомянутых выше, просто необходимо нам для того, чтобы больше не повторять тех ужасных ошибок, которые совершило человечество в XX веке.

¹ Плеханов Г. В. Л. И. Мечников. Некролог ... С. 329-331.